

МАТЕРИАЛЫ ЧТЕНИЙ

памяти Б. Н. Мельниченко
и С. Е. Трифонова

Сборник статей



Санкт-Петербург
2022

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**Материалы чтений
памяти Б. Н. Мельниченко
и С. Е. Трифонова**

Сборник статей

Издательство РХГА
Санкт-Петербург
2022

УДК 811.582.334 + 821.582.334+94(593)](082)
ББК 63.3(5Таи)я434+81.731.4я434+83.3(=731.4)я434
М34

Редколлегия
Хабибуллина А. И. (отв. ред.), *Игнатъев М. А.* (ред.),
Мекратанакулпат Н. (ред.)

Рецензенты
к. ф. н. *С. Ю. Дмитренко* (ИЛИ РАН, СПбГУ),
к. ф. н. *Н. М. Спатарь* (СПбГУ)

Переводчики
Ю. А. Игнатъева, Наттаноп Палахан

М34 Материалы чтений памяти Б. Н. Мельниченко и С. Е. Трифонова. Сборник статей / отв. ред. А. И. Хабибуллина, ред. М. А. Игнатъев, ред. Н. Мекратанакулпат — СПб. : Издательство РХГА, 2022. — 140 с.

ISBN 978-5-907505-81-0

Сборник содержит статьи и тезисы докладов, представленных на Первой международной научной конференции таиландоведов «Чтения памяти Б. Н. Мельниченко и С. Е. Трифонова». Чтения проводились в Санкт-Петербургском государственном университете при поддержке Почетного Генерального Консульства Королевства Таиланд в г. Санкт-Петербурге. Доклады, представленные на Чтениях, затрагивали широкий круг вопросов, связанных с языками, историей, литературой и культурой Таиланда и Лаоса.

УДК 811.582.334 + 821.582.334+94(593)](082)
ББК 63.3(5Таи)я434+81.731.4я434+83.3(=731.4)я434

В оформлении обложки использована фотография А. А. Усмановой

ISBN 978-5-907505-81-0



9 785907 505810 >

© Авторы, 2022

От редколлегии

В настоящем сборнике представлены статьи участников Первой международной научной конференции таиландоведов «Чтения памяти Б. Н. Мельниченко и С. Е. Трифонова». Эта конференция состоялась 20–21 мая 2021 г. в Санкт-Петербургском государственном университете при поддержке Почетного Генерального Консульства Королевства Таиланд в Санкт-Петербурге¹.

Проведение Чтений, как следует из их названия, было продиктовано желанием организаторов почтить память выдающихся ученых-востоковедов — Бориса Николаевича Мельниченко (1935–2018) и Сергея Евгеньевича Трифонова (1960–2019). Трудно переоценить тот вклад, который они внесли в изучение Таиланда в России, в укрепление дружбы между народами двух стран.

Труды доктора исторических наук, профессора Б. Н. Мельниченко широко известны среди отечественных востоковедов и специалистов по Таиланду. Глубокий ученый и замечательный педагог, всю жизнь он посвятил научной и преподавательской работе на Восточном факультете ЛГУ (позже — СПбГУ). Поражает многоплановость деятельности Бориса Николаевича и его удивительная работоспособность: читая многочисленные учебные курсы и спецкурсы по истории, историографии, географии, этнографии и экономике Таиланда, он также готовил курсы по истории Китая, Бирмы, Камбоджи, Вьетнама и других стран Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии. Перу Б. Н. Мельниченко принадлежит более 90 публикаций, в том числе пять монографий (из них три — в соавторстве с другими исследователями).

Среди своих многочисленных учеников Борис Николаевич пользовался искренним уважением и любовью. Невольно вспоминается, как Борис Николаевич приносил на занятия собственный микрофон, чтобы студентам не приходилось напрягать слух во время его лекций в просторных аудиториях. При этом сами лекции

¹ В связи с эпидемиологической обстановкой мероприятие было проведено в смешанном очно-дистанционном формате.

Борис Николаевич всегда читал стоя, не позволяя себе сесть за стол даже в самом преклонном возрасте. Для преподавательского стиля Б. Н. Мельниченко было характерно сочетание безусловного уважения к личности студента с искренним желанием разделить с каждым результаты своего научного опыта и обширных познаний. Направляя и поддерживая своих учеников в их научных изысканиях, Борис Николаевич никогда не ограничивал творческую мысль студента: «Доверяйте своим знаниям и нормальной человеческой логике», — любил повторять профессор.

Сергей Евгеньевич Трифонов окончил отделение тайской филологии Восточного факультета ЛГУ. Сразу после окончания университета в 1982 г. он начал работу в Лаосе в качестве переводчика Посольства СССР. По возвращении С. Е. Трифонов посвящает себя преподаванию тайского языка на Восточном факультете. При его соавторстве свет увидели несколько монографий, посвященных Таиланду, в т. ч. — книга «Король Чулалонгкорн в России. 1897 г.» (с Б. Н. Мельниченко), основанная на архивных документах. Особо следует отметить усилия С. Е. Трифонова по налаживанию контактов с крупнейшими университетами Таиланда, Посольством Королевства Таиланд в Москве и Консульством в Санкт-Петербурге, таиландским землячеством.

Разумеется, скупая биографическая справка не раскроет всего многообразия научных и творческих исканий С. Е. Трифонова, всей уникальности его преподавательского подхода. Сергей Евгеньевич не искал признания на академическом поприще; всю глубину исследовательской мысли, силу интеллекта, широту души он вкладывал в преподавание, принимая самое живое участие в личностном и профессиональном росте каждого, кому посчастливилось стать его учеником. Безвременный уход из жизни С. Е. Трифонова стал тяжелой утратой для всех его коллег и студентов, которые долго еще будут вспоминать те два постукивания в дверь Тайского кабинета, которыми неизменно деликатный Сергей Евгеньевич любил возвещать о своем приходе.

Доклады, представленные на Чтениях, затрагивали широкий круг вопросов, связанных с языками, историей, литературой и культурой Таиланда и Лаоса. Эта тематика нашла свое отражение и в настоящем сборнике, куда включены статьи, подготовленные участниками Чтений по материалам прозвучавших докладов.

Особенностью Чтений — первого подобного научного мероприятия в России для специалистов по Таиланду и Лаосу — можно назвать широко представленную географию их участников. На конференции выступали студенты и аспиранты из России и Таиланда, преподаватели и сотрудники СПбГУ, МГУ, МГИМО, НИУ ВШЭ, ИМЛИ РАН, Лондонского университета, а также ведущих университетов Таиланда (Тхаммасат, Махасаракхам, Касетсат, Убонратчатхани).

Хочется верить, что первая конференция, объединившая специалистов-таиландоведов из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Лондона, Бангкока, Чиангмая и других городов, положит начало доброй традиции регулярного проведения этих Чтений в стенах Восточного факультета СПбГУ. Мы надеемся, что это будет достойным продолжением дела жизни Б.Н. Мельниченко и С.Е. Трифонова.

М.А. Игнатьев

Editorial Note

This collection contains articles by participants of the First International Scientific Conference of Thai Scholars “Readings in memory of B.N. Melnichenko and S.E. Trifonov”, which took place on May 20–21, 2021 at St. Petersburg State University. The Conference was held with the support of the Honorary Consulate General of the Kingdom of Thailand in St. Petersburg. Due to the epidemiological situation, the event was held in a mixed (face-to-face and online) format.

The idea to hold the Readings was inspired by the sincere desire of the organizers to honor the memory of outstanding Soviet and Russian orientalists – Boris Nikolaevich Melnichenko (1935–2018) and Sergey Evgenievich Trifonov (1960–2019). The contribution these scholars have made to the Thai Studies in Russia, to the promoting understanding and enhancing friendship between the peoples of Thailand and Russia can hardly be overestimated.

The researches of Doctor of Historical Sciences, Professor Boris N. Melnichenko are widely known among Russian Orientalists and Thai scholars. Being both a scientist and a talented teacher, Professor Melnichenko devoted his life to academic researches and teaching at the Faculty of Asian and African Studies of Leningrad State University (later – St. Petersburg State University). The scope of his academic activity, sphere of his expertise and his personal commitment to his work are really impressive. While composing numerous training courses, seminars and Special courses on History, Historiography, Geography, Ethnography and Economics of Thailand, he also taught courses on History of China, Burma, Cambodia, Vietnam and other countries of East, Southeast and Central Asia. Among academic researches of Professor Melnichenko there are more than 90 publications, including five monographs (three of them are co-authored).

Boris N. Melnichenko was most nice, delicate and agreeable person. He was highly appreciated and respected by his students. We shall keep and cherish memories of those small moments that add so much to the understanding of his character. Boris Nikolaevich would bring his own microphone to classes (if his lectures were held in the classrooms not

equipped with this device) so that students would not have any difficulties trying to hear his voice across the classroom. Moreover, Boris Nikolaevich would never sit during his classes — be it a lecture, a seminar or a regular class, he would keep standing before students, even at the most advanced age. Being a recognized scholar, Professor Boris Melnichenko always treated all his students — including freshmen — with sincere respect, as equals, provided them with books from his personal collection, was always eager to share the results of his researches, academic experience and extensive knowledge. Guiding, advising and supporting his students in their academic activity, Boris Nikolaevich never limited their creativity. We shall always remember the phrase Professor Melnichenko used to repeat: “Trust yourself, your knowledge and normal human logic”.

Sergey Evguenievich Trifonov obtained his degree in Philology and Thai Language at Leningrad State University, the Faculty of Asian and African Studies in 1982. Immediately upon his graduation, he proceeded to work as an interpreter at the USSR Embassy in Laos. Upon his return, S. E. Trifonov was invited to develop Thai Studies at the University and to teach courses on the Thai and Lao language and translation at the Faculty of Asian and African Studies. In addition to being an interpreter and language teacher Sergey Trifonov was a co-author of several monographs on the variety of aspects of Thai Studies including the book “King Chulalongkorn in Russia. 1897” (co-authored with Boris N. Melnichenko), a detailed research, based on archival documents. Of particular note are the efforts of Sergey E. Trifonov on establishing contacts and arranging Student Exchange programs with the major universities in Thailand. Moreover, his contribution to the forging and advancement of contacts and friendship between Russian and Thai people was added by his work at the Embassy of the Kingdom of Thailand in Moscow and the Consulate in St. Petersburg, the Thai community.

Sergey Evguenievich was not only a teacher of the Thai language, he was one of the greatest enthusiasts and supporters of promoting education. Of course, a brief biographical reference or simple description of his activities does not do justice to the intensity and fullness of his academic life and interests as it does not reveal the uniqueness of his teaching approach. Being a careful investigator in many spheres of Thai Studies, Sergey E. Trifonov never sought recognition in the academic field. He preferred spending more time with his students involving them in different extra-classes activities, giving them spontaneous excursions around St. Petersburg. The discussions he initiated after classes were

never limited by one particular topic studied, they covered a great variety of subjects including specifics of Russian and Thai Grammar, details and stylistic difficulties of the translation, Russian and Thai culture, architecture of Saint Petersburg or Bangkok. Sergey Evguenievich always showed concern in the life and personal and academic achievements of those who were fortunate to be his students. The untimely passing of Sergey E. Trifonov in 2019 became an immeasurable loss for all his colleagues and students. Every time before entering the classroom Sergey Evgenievich used to knock twice to let the students know that he was coming, and now, with this familiar knock missing his students seek to carry on his legacy.

The researches presented during the Readings, cover a fairly wide range of issues on the languages, history, literature and culture of Thailand and Laos. This collection published upon the results of the conference provides articles on the researches presented.

The Readings – the first academic event in Russia for specialists in Thai and Laos studies – are characterized by the wide geography of their participants. The conference was attended by students and post-graduates from Russia and Thailand, teachers and staff of St. Petersburg State University, Moscow State University, Moscow State University of International Relations, High School of Economics, The Gorky Institute of World Literature, University of London, as well as major universities of Thailand (Thammasat, Mahasarakham, Kasetsat, Ubon Ratchathani).

We hope that this First conference, which brought together specialists in Thai studies from Moscow, St. Petersburg, Nizhny Novgorod, Chiang Mai, Bangkok, London, and other cities, will start the tradition of holding these Readings regularly at St. Petersburg State University, which will advance and develop life work of Boris N. Melnichenko and Sergey E. Trifonov and will become the best tribute to their memory.

M.A. Ignatiev

ОСОБЕННОСТИ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК ПЕРВЫХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В СИАМ

С. И. Болонова

*Кафедра истории, Чиангмайский университет,
Чиангмай, Королевство Таиланд
sbolonova@gmail.com*

1. Особенности жанра, актуальность исследования

Жанр путевых заметок — травелог — подразумевает сочетание объективных фактов о ходе путешествия (сбор полезной информации о земле, ее народах и их обычаях) и субъективных впечатлений автора, на основании которых можно делать выводы о самовосприятии путешественников и об их отношении к чужой культуре. Первый визит русских в Сиам состоялся только в феврале 1863 г., в то время как португальцы, испанцы, голландцы, англичане, французы, немцы и американцы уже имели достаточно длительную историю отношений с Королевством — с XVI в. Затем последовали другие путешествия из России, участники которых оставляли красочные воспоминания о реалиях «Азиатской Венеции». Именно складывающийся в первые визиты образ Сиам обусловил устойчивое представление об этой стране в Российской империи. Король Монгкут лично принял русских офицеров Тихоокеанской эскадры, прибывших в Бангкок в 1863 г., и выразил желание установить дипломатические отношения с Россией, вручил конверт со своими визитными карточками, тем самым положив начало переписке с русским императором (Александр II на тот момент). Впоследствии капитан-лейтенант А. Пещуров, командир Гайдамака, оставил первое русское описание Бангкока. В самой России, однако, за время, прошедшее с 1863 г., политические реалии несколько раз кардинально поменялись, что не могло не отразиться на официальной политике относительно Сиам/Таиланда, но представляется, что именно позитивный характер дискурса на первом этапе русско-сиамских отношений до октября 1917 г.,

то есть чуть больше полувека, играл и до сих пор играет определяющую роль в формировании образа страны как в дипломатических кругах России, так и среди населения.

Актуальность исследования определяется необходимостью представить комплексный обзор свидетельств, оставленных первыми русскими путешественниками в Сиам, и на основании этих свидетельств сделать заключение об особенностях отношения к Сиаму и тайцам в России, проведя компаративный анализ русских записок и западных источников. Объект исследования — документы и свидетельства русскоязычных путешественников в Сиам за период с 1863 по 1917 г., а также иные документы этого периода на русском языке, посвященные Сиаму. Предметом исследования стали особенности восприятия Сиам и сиамцев в Российской империи, специфика которых рассматривается сквозь призму *концепции ориентализма*, а также причины этих особенностей и их последствия для русско-тайских отношений. Эдвард Саид, автор оригинальной интерпретации ориентализма, интерпретирует его как «колонизацию через текст» [Saïd 2003: 34]: любая работа о Востоке европейца становится в его объяснении средством выстраивания Другого, «чужого края», который можно колонизировать, подчинить и при этом описывать в терминах экзотики, намеренно противопоставляя европейской культуре.

Гипотеза исследования: российское восприятие Сиам до 1917 г. носило в некотором смысле ориенталистический характер, но отличалось от европейского. Многие российские путешественники искали на Востоке не контрасты и доказательства «инаковости», но сходства с Россией. Этот русский тип ориентализма, задокументированный в травелогах, был отмечен романтическим и немного поверхностным восприятием, в сочетании с доброжелательностью, желанием понять другую культуру и отсутствием видимых коммерческих целей. Причины такого восприятия заключались в том, что Российская империя не имела четкой идентификации в качестве страны западного мира и потому не могла противопоставить себя Азии; у России не было колониальных интересов на Востоке, и христианское миссионерство, по сути, не практиковалось. Однако следует также учитывать, что в России преобладало европейское культурное влияние, поэтому невооруженным взглядом заметны черты европейского ориентализма в русских травелогах из Сиам.

В подтверждение этой гипотезы были изучены травелоги, путевые заметки и мемуары русских путешественников в Сиам —

А. Я. Максимова («Плавание корвета Аскольд», 1876), Н. Н. Милухо-Маклая («Путешествие по Малайскому полуострову», 1875) князя К. А. Вяземского, Э. Э. Ухтомского, посланника Д. Оларовского, В. А. Белли и других.

2. Виды источников и сбор данных

В России в середине XIX — начале XX в. источник знаний о Сиаме представляли дипломатические документы, травелоги — путевые заметки, дневники и мемуары путешественников, которые использовались в качестве материальной базы для настоящего исследования. Ниже приведены некоторые примеры.

Отчет о первом задокументированном визите в Сиам был опубликован в журнале «Морской сборник» в 1863 г. Русский корабль под командованием А. Печурова был встречен Рамой IV. Экипаж провел только один день в Бангкоке, но капитан заметил: «Сиамцы — что-то среднее между малайскими, индийскими и китайскими племенами, трудолюбивые, сильные, но очень добрые люди».

Второй визит наших соотечественников в Сиам состоялся уже в 1874 г.: корвет «Аскольд», совершавший кругосветное путешествие под командованием контр-адмирала Ф. Я. Брюмера, пришвартовался у берегов Бангкока 25 февраля 1874 г., поднял национальный сиамский флаг и отсалютовал в честь сиамской нации 21 выстрелом. Свои записи об этих событиях оставил их непосредственный свидетель — писатель Александр Яковлевич Максимов, участник экспедиции в ранге офицера. Впоследствии он опубликовал две книги с воспоминаниями о путешествии [Максимов 1876, 1901], но в России получил известность в первую очередь благодаря циклу рассказов для детей о Русском Дальнем Востоке.

Другой офицер, Черкасс, опубликовал свои записки об этом же путешествии в том же году, когда совершалось плавание, для журнала Морской сборник [Черкасс 1874]. Командующий российским Тихоокеанским флотом адмирал Федор Яковлевич Брюмер получил аудиенцию у Рамы V Чулалонгкорна, и король Сиам выразил пожелание, чтобы две страны заключили между собой договор о дружбе и торговле. В дальнейшем Российская империя получала настойчивые предложения от сиамского короля о заключении двусторонних договоров, но все они были оставлены без ответа в течение долгих 25 лет — вплоть до подписания 11(23) июня 1899 г.

в Бангкоке Российско-Сиамской Декларации по вопросам юрисдикции, торговли и мореплавания. Дипломатические документы Архива внешней политики Российской империи раскрывают причины для такого длительного затягивания Россией вопроса о подписании договора, несмотря на страстное желание короля Сиам: такой договор мог бы выглядеть унижительно для Империи в глазах Европы, которая в то время наиболее активно занималась колонизацией, в том числе в Азии.

Первым русским ученым, посетившим Сиам, стал выдающийся антрополог и биолог Н. Н. Миклухо-Маклай во время своей первой и второй экспедиций по Малаккскому полуострову в 1875 г. В феврале 1875 г. он провел в Бангкоке 9 дней, сделал множество зарисовок антропологического типа о населении Сиам, которые хранятся в архиве Русского Географического общества — вместе с первыми фотографиями Сиам, сделанными русским человеком, сиамской театральной афишей и охранной грамотой на тайском языке, выданной сиамскими властями Маклаю, содержание которой немало его беспокоило из-за подозрительности к нему местных жителей. По результатам экспедиции Миклухо-Маклай оставил объемный труд, озаглавленный «Путешествия на Новую Гвинею» на основании дневников, которые он вел в пути; во втором томе приводится письмо из Сиам Господину секретарю Русского Географического Общества в Санкт-Петербурге. Тон его записок по отношению к сиамцам в целом ироничный и неодобрительный, контрастирующий с записями представителей государственных миссий. Его дневник — первое русское свидетельство о Сиаме частного лица, «гражданского». Он делает акцент на физических качествах сиамских девушек, слухах о частной жизни короля и художественном вкусе сиамцев [Миклухо-Маклай 1875].

В апреле 1882 г. в Бангкоке проводились празднования, приуроченные к столетию династии Чакри. В устье реки Чаопрайя показали четыре корабля Российского флота — крейсер «Азия», крейсер «Африка», клипера «Пластун» и «Вестник» с офицерами Тихоокеанской эскадры ВМФ России под командованием контр-адмирала Авраама Асланбегова. 6 апреля А. Б. Асланбегов получил аудиенцию у короля Рамы V Чулалонгкорна и был награжден вместе с группой офицеров памятными медалями, отчеканенными по случаю юбилея династии Чакри. В ходе визита адмирал Асланбегов провел беседу с бывшим регентом Суриявонгом, и тот снова озвучил желание заключить официальные дружественные

отношения с Россией, о чем адмирал упомянул в подробном рапорте в Морское министерство России. Этот рапорт, похоже, остался основным письменным свидетельством присутствия русских офицеров на праздновании столетия правящей династии Сиам и включал в себя подробные наблюдения об экономическом состоянии населения, чистоте улиц и обстановке дворцовых зал короля. Возможно, такое внимание к торжеству объяснялось грядущим (в 1913 г.) трехсотлетием российской императорской династии Романовых. В составе делегации в Сиам был также лейтенант Всеволод Руднев, будущий вице-адмирал и командир легендарного крейсера «Варяг». В то время он был назначен служить на крейсер «Африка», и выпущенная позднее автобиографическая книга «Кругосветное путешествие крейсера «Африка» в 1880–1883 гг.» также содержит яркие впечатления о пребывании молодого лейтенанта в «интересной стране Сиамского короля» [Руднев 2013].

В марте 1891 г. произошло поистине знаменательное событие для двух стран — официальный визит в Сиам наследника цесаревича Николая Александровича (будущего императора Николая II), которого сопровождали в том числе русские исследователи-востоковеды. Предваряла этот визит дипломатическая переписка; король Чулалонгкорн лично выразил надежду, что «это посещение останется достопамятным событием в истории Сиам» [АВПРИ 1975]. Именно благодаря выдающейся, по словам свидетелей, организации приема цесаревича мы обладаем такими документами, как первые личные письма короля Чулалонгкорна Александру III и российского императора — Чулалонгкорну. В этих письмах обращает на себя внимание контраст между свободными, задушевыми интонациями сиамского короля и военной краткостью, дипломатической вежливостью Александра. Донесение из Сиам генерального консула России в Сингапуре Выводцева по поводу прошедшего визита, обладает, кажется, высокой художественной ценностью и по-своему уникально как документ официальной дипломатической переписки с «ориенталистской» экзальтацией. Для удовлетворения всеобщего интереса востоковед, поэт и писатель князь Эспер Эсперович Ухтомский, который сопровождал Николая Александровича в его путешествии, с искренней любовью к Востоку, геополитическими размышлениями и поэтическими вставками написал переиздаваемую до сих пор книгу «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891» — в жанре, который можно определить и как травелог, и как

светская хроника [Ухтомский 1897]. Кроме того, в архиве Внешней политики Российской империи хранится копия не менее подробной докладной записки неустановленного авторства королю Чула-лонгкорну о приеме наследника Российского престола в 1891 г.

Уже в апреле 1891 г. Александр III наградил Раму V Высшим орденом Российской империи — Орденом святого Андрея Первозванного — с формулировкой «Во внимание дружеских отношений между Российской империей с Королевством Сиамским, выразившихся приемом, который был оказан вашим величеством возлюбленному сыну моему великому князю цесаревичу, в проявление особого моего благорасположения». Для передачи Высокой награды королю в Сиам на борту канонерской лодки «Сивуч» был направлен командир-капитан 2 ранга А. П. Плаксин, который составил рапорт с подробностями церемонии награждения короля, впрочем, не отклоняясь от фактологии, практически без личных впечатлений. Его доклад, несмотря на многочисленные отступления, показывает, насколько разными могут быть впечатления у носителей одной культуры от встречи с чем-то новым (в сравнении с упомянутым выше восторженным докладом Выводцева, сделанном двумя месяцами ранее).

В связи с путешествием цесаревича и освещением его в газетах в России произошел всплеск интереса к королевству Сиам, и в 1892 г. два русских путешественника посетили Сиам, оставив обширные мемуары.

Если сравнивать записи русских путешественников с записями посетителей Сиама из других стран, то контраст очень заметен, и хотя Европа уже имела длительную историю взаимоотношений с Сиамом, они мало изменились к началу XX в. Португалец Фернан Мендес Пинто (1540–1550 гг.) в книге «Странствия» пишет о Сиаме: «Насколько выгоднее было бы для нас владеть этим королевством, нежели всем тем, что у нас есть в Индии, и насколько дешевле эти владения бы нам обошлись!»; «Это одно из лучших государств, которые только есть на земле и которое было бы много легче захватить и сохранить, нежели любую другую страну, как бы мала она ни была» [Пинто 1972: 174, 215]. В 1824 г. американский миссионер Дэвид Абил замечает: «Сиамцы и сами признают превосходство иностранцев. Они смотрят на наши лекарства, на наши книги и даже на нашу одежду с восхищением или, может быть, с завистью, ведь это то, чем они хотели бы обладать» [Abeel 1834: 217].

Пренебрежительный тон с позиции колонизаторов прослеживается в записках Люси Хэменвэй, Дэвида Абила, Сэмюэла Хауса, МакГилвари и других европейцев.

По сравнению с ними, русские отзывы о Сиаме написаны с большей уважительностью, без цели противопоставить себя тайцам. Приведем, к примеру, цитаты Э. Э. Ухтомского, посетившего Сиам в 1891 г. вместе с цесаревичем Николаем: «Если на этот численно слабый народ не обрушится никакой грубой катастрофы, он еще в первые года XX века крайне симпатично должен себя заявить в ряду просвещенных наций с выдающимся прошедшим» [Ухтомский 1897: 55–56]. Он также сравнивает сиамское искусство с русским, проводит параллели в архитектуре, театре, отношении к религии и т. д.

3. Специфика русских путевых записок о Сиаме

Итак, главной особенностью русского травелога можно назвать сочетание отношения ориентализма (т. е. отношения к Сиаму как к «иному», экзотичному) с поиском сходств и позитивным отношением в противовес европейским авторам, что объясняется колеблющейся между Востоком и Западом идентификацией подданных Российской империи, а также отсутствием у России колониальных интересов в Сиаме.

Это серьезное различие можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, отсутствием заинтересованности России в Сиаме с точки зрения его ресурсов. Во-вторых, тип самоидентификации русских отличался от европейского, что привело к построению конкретных интерпретативных стратегий. Выделим два фактора, которые могут объяснить отличие русского отношения к Сиаму от европейского: вопрос мировоззрения и политический аспект, свидетельствующий о том, что русские путешественники существовали в мире, который отличался от мира европейцев.

Начнем с «мировоззренческого» фактора. Тайский историк Тонгчай Виничакун (Thongchai Winichakul) попытался расширить концепцию Эдварда Саида в вопросе восприятия национальных меньшинств в Таиланде. Согласно Виничакуну, в двоичной оппозиции «мы» и «они» Саид упустил категорию «их» [Winichakul 2000: 40]. Эта категория включает в себя дикие племена, негородские группы населения и национальные меньшинства.

Таким образом, Виничакун демонстрирует вид легитимизации власти в восточной стране на основе европейской системы координат. Он пишет, что одна из функций этнографии — «воплощать (...) силовые отношения между наблюдаемыми и описываемыми», использовать знание в качестве инструмента для «менее цивилизованных» государств, а также для «менее цивилизованных» народов в государстве. Здесь можно упомянуть работу Мэри Луиз Пратт; она ввела термин «аутоэтнография», который подразумевает, что тайская элита воспринимала себя «более цивилизованной» / «более европейской», чем этнические меньшинства [Pratt 1991: 36].

Поскольку Виничакун расширяет концепцию Саида, добавляя категорию «Другие внутри», можно также предложить категорию «Другой с нами», или «Другой, как и мы», раскрывающую отношение первых русских авторов-путешественников к сиамцам в период до Октябрьской революции.

Россия никогда не была частью Запада в полном смысле. Более того, русские определялись порой как «Другие» в Европе, как «восточный сосед». История «европеизации» России привела к тому, что со времен Петра Великого, российское общество располагалось как бы «на двух культурных этажах». Народ оставался культурно в «Азиатской Московии», наследнице монголов, татарских каганов, а малочисленная элита, «тонкий верхний слой», представлял собой «тех, кто научился мыслить по-европейски». Российский историк и философ Г. П. Федотов в статье, опубликованной в 1945 г., отмечает, что тот же разрыв между элитой и народом присущ обществам Индии и Китая [Федотов 1989: 205]. Виничакун пишет о подобной ситуации в Сиаме. Таким образом, начальная точка происхождения концепции ориентализма была за пределами российской идентичности. Если европейцы отправлялись в Сиам с предпосылкой «увидеть другого» (включая потенциальную колонию), то русские, воспринимая себя как «азиатов», невольно обнаруживали больше ассоциаций с Востоком, чем с Западом; именно поэтому в Сиаме они искали «родную душу». Ориентализм основан на оппозиции культур через поиск различий, сравнение со знаком «-». Но те, кто уже знает, что их самих можно назвать «другими», скорее всего, лучше смогут понять тех, кто находится в том же положении. По этой причине некоторые российские путешественники в Сиам искали сходства, проводили сравнение со знаком «+». Отказываясь от пренебрежительного европейского взгляда свысока, они искали общий язык между культурами, при этом применяли (на подсозна-

тельном уровне) ориенталистские паттерны, усвоенные Европой, тем самым сохраняя двоичную схему, но оказываясь как бы на стороне Сиам.

Политический фактор может быть описан следующим образом. Накопление значительной информации о Сиаме в Российской империи происходит только к XIX в., т. е. сравнительно поздно. Это можно объяснить так называемой активной «внутренней колонизацией» (например, Сибири) в Российской империи на протяжении всего столетия. Эта специфическая политика отличалась от европейского колониального процесса. Если мы используем концепцию ориентализма в «колониальном смысле», который приписывает ему Эдвард Саид, мы не можем полностью применить его к россиянам в Сиаме. Русские не пишут о сиамах как о Других, не исходят из их принципиальной оппозиции «Мы — Они». Тем не менее то отношение, которое фиксируется в русских травелогах, может быть отличительным русским типом ориентализма без упомянутой дихотомии: русские активно использовали западные романтические выражения для описания Востока, но колониальный и христианский дискурс почти полностью отсутствовал.

Итак, главной особенностью русского травелога можно назвать сочетание отношения ориентализма (т. е. отношения к Сиаму как к «иному», экзотичному) с поиском сходств и позитивным отношением. Это основное отличие от позиции европейских авторов, и объясняется оно колеблющейся между Востоком и Западом идентификацией подданных Российской империи, а также отсутствием у России колониальных интересов в Сиаме.

Литература

- АВПРИ 1975 — Архив внешней политики Российской Империи [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Suedostasien/XIX/1860-1880/Russ_Siam/index.htm (дата обращения 15.01.2021).
- Максимов 1876 — А. Я. Максимов. Вокруг света: Плавание корвета «Аскольд»: От Кронштадта до Бангкока. СПб.: ред. журн. «Всемирный путешественник», 1876.
- Максимов 1901 — А. Я. Максимов. Вокруг света: Путевые заметки и впечатления: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 1901.
- Миклухо-Маклай 1875 — Н. Н. Миклухо-Маклай. Собрание сочинений в 6 томах: Т. 1. Путешествия 1870–1874 гг. Дневники, путевые заметки, отчеты. М.: Наука, 1990.

- Пинто 1972 — Ф. М. Пинто. Странствия / Пер. с португал. И. А. Лихачева. Предисл. и комм. Д. В. Деопика, Я. М. Света. М.: Художественная лит-ра, 1972.
- Руднев 2013 — В. Руднев. Записки русского адмирала. Из воспоминаний командира крейсера «Варяг». М., 2013.
- Ухтомский 1897 — Э. Э. Ухтомский. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891: [в 2 томах, 6 часть] том 2. СПб., 1893–1897.
- Федотов 1989 — Г. П. Федотов. Россия и Свобода. М.: Знамя, № 12, дек., 1989.
- Черкас 1874 — Черкас. Бангкок, столица сиамского королевства. Посещение его начальником отряда судов Тихого океана и некоторыми офицерами // Морской сборник, Т. 145, № 10, 1874.
- Abeel 1834 — D. Abeel. Journal of a residence in China, and the neighboring countries, from 1829 to 1833. New York: Leavitt, Lord & Co., 1834.
- Pratt 1991 — M. L. Pratt. Arts of the Contact Zone. Profession, 1991.
- Said 2003 — E. W. Said. Orientalism. Penguin Books; 25th Anniversary Ed with 1995 Afterword Edition, 2003.
- Winichakul 2000 — T. Winichakul. The Others Within: Travel and Ethno-Spatial Differentiation of Siamese Subjects 1885–1910, in *Civility and Savagery: Social Identity in Tai States*, ed. Andrew Turton. London: Curzon Press, 2000.

МЕТАФОРЫ, СВЯЗАННЫЕ С КОРОНАВИРУСОМ, В ПУБЛИКАЦИЯХ ТАИЛАНДСКИХ СМИ

Д. С. Борисова

*МГИМО МИД России, Москва
dariabor97@ya.ru*

1. Введение

В декабре 2019 г. Китай объявил о появлении нового типа коронавируса, который получил название COVID-19. Его широкое распространение во всем мире в дальнейшем было признано ВОЗ пандемией. COVID-19 стал важной составляющей новостного дискурса и оказал значительное влияние на все сферы человеческой жизнедеятельности, в том числе и на язык: появились новые слова и словосочетания, которые вошли в повседневный обиход и стали повсеместно использоваться как в разговорной, так и в письменной речи.

Однако, помимо новой лексики, как в СМИ, так и в разговорной речи также стали употребляться многочисленные средства выразительности, при помощи которых удавалось обращать внимание читателя на опасность нового вируса, необходимость следовать правилам по сдерживанию распространения инфекции среди населения. Тайский язык не стал исключением. С начала пандемии в тайском языке получили распространение новые термины и специальные метафоры, которые позволяли подчеркнуть опасность сложившейся в стране эпидемиологической ситуации.

Мы полагаем, что исследование метафор позволяет изучить общественное видение отдельно взятой проблемы, оценить масштаб этой проблемы и уровень влияния на происходящие вокруг изменения. Таким образом, мы полагаем, что изучение метафор, используемых в тайском языке для описания реалий, связанных с новым коронавирусом, может помочь выявить отношение носителей тайского языка к сложившейся ситуации и сделать некоторые выводы относительно образа COVID-19, сформировавшегося в тайском обществе, что в дальнейшем может послужить

основой для более широкого изучения метафор, используемых в тайском языке.

2. Теоретическая база исследования

В качестве теоретической базы исследования был использован когнитивный подход к описанию метафор, предложенный Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в книге «Метафоры, которыми мы живем» (1980 г.). Согласно этому подходу, в основе метафоризации лежит взаимодействие когнитивной структуры «источника» (source domain) и «цели» (target domain). В результате подобного взаимодействия в отдельных случаях происходит «метафорическая проекция» (metaphorical mapping), которую можно увидеть в тексте в форме метафорических следствий [Лакофф, Джонсон 2004: 9]. К подобным проекциям можно отнести известное англоязычное выражение “Love is war” (Любовь — это война), за которым следуют многочисленные метафоры, отражающие перенос проекции войны на понятие любви.

Саму концептуальную метафору Лакофф и Джонсон определили как пересечение знаний об одной концептуальной области в другой концептуальной области. Концептуальная метафора позволяет исследовать когнитивный процесс и выявить метафоры, которые были сформированы, основываясь на общепринятом видении той или иной проблемы. Таким образом, метафора обеспечивает связь между сознанием человека и языком, отражая взаимодействие между когнитивными структурами источника и цели, которые были зафиксированы в культурной и языковой традиции отдельного общества [Лакофф, Джонсон 2004: 11].

Для того, чтобы выявить существующие в тайском языке концептуальные метафоры, были проанализированы 124 новостные статьи, опубликованные в таких изданиях, как SiamRath (SiamRath), Matichon (Matichon), The Momentum (The Momentum) с 31 января 2020 г., когда был зафиксирован первый случай заражения в стране, по май 2020 г.

3. Результаты исследования

С момента выявления первого случая заражения новым коронавирусом в Таиланде 31 января 2020 г. и до настоящего времени было опубликовано большое количество статей, в которых описы-

валась эпидемиологическая ситуация в стране, особенно в тот период, когда шел быстрый рост количества заболевших, — начиная с марта 2020 г. В сложившейся обстановке журналисты использовали большое количество метафор для создания определенного образа нового заболевания. Сам факт применения метафор не удивителен, поскольку помимо того, что они облегчают понимание ситуации, заменяя медицинскую терминологию на устойчивые спортивные или военные метафорические выражения, они также, как и было упомянуто раньше, свойственны тайскому языку, которому присущ высокий уровень метафоризации в силу особенностей словообразования и отсутствия четкого деления на морфемы и слова. Этим можно объяснить большое количество работ на тайском языке, которые посвящены исследованию концептуальных и иных метафор, используемых в литературе и СМИ.

Результаты исследования показали, что метафоры, которые применялись в тайландских СМИ, можно поделить на две основные группы: метафорические репрезентации коронавируса и метафорические репрезентации пандемии, которые отражают эпидемиологическую ситуацию в стране.

3.1. Метафорические репрезентации COVID-19

Начиная с декабря 2019 г., СМИ в Таиланде активно публиковали материал по эпидемиологической ситуации в стране и коронавирусу, рассказывая о происхождении и опасности данного заболевания, однако использоваться метафоры стали только после появления первых заболевших в стране. Ранее это были переведенные сводки новостей о количестве заболевших в других странах, носившие образный характер. На сегодняшний день существуют три основные репрезентации или проекции коронавируса:

1. Коронавирус — враг

Наиболее часто в информационно-новостном дискурсе Таиланда коронавирус описывают как врага, с которым необходимо активно бороться для того, чтобы избежать дальнейшего распространения.

- 1) โควโรนาไวรัสเป็นศัตรูที่มองไม่เห็น (k^ho:ro:na:wajrát pen sàtru: t^hí: mɔ:ŋ mâj hén) — ‘Коронавирус — это невидимый враг’.
- 2) ไวรัสสายพันธุ์ใหม่นี้สร้างความเสียหายต่อร่างกายเราได้อย่างไร (wajrát sǎ:jp^han màj ní: sǎ:ŋ k^hwa:msi:ahǎ:j tò: rà:ŋka:j raw dǎj jà:ŋraj) — ‘Какой вред может нанести здоровью новый коронавирус?’.
- 3) เชื้อโคโรนาไวรัสโจมตีเซลล์ที่แข็งแรง (tɕ^hú:ak^ho:ro:na:wajrát tɕo:mti: se:n t^hí: k^hǎŋrɛ:ŋ) — ‘Коронавирус яростно атакует клетки’.

Как видно из примеров выше, в СМИ Таиланда коронавирус описывается как враг, который проникает в клетки и атакует их. Подобные метафорические репрезентации вынуждают читающих бояться коронавируса и делать все возможное для того, чтобы защитить себя и свою семью от этой болезни. Чаще всего под этим понимается соблюдение мер безопасности (ношение маски, социальная дистанция).

2. Коронавирус — живое существо

Второй по частоте использования стала репрезентация коронавируса как живого существа. Хотя с биологической точки зрения вирус воспринимается как живой организм, однако в тайском языке этому придается дополнительный оттенок, заставляющий полагать, что коронавирус — это самостоятельно думающее и даже имеющее определенный план существо.

- 1) ไวรัสเกิดมาอย่างไร (wajrát kʰ:tma: jà:ŋraj) — ‘Как появился (родился) вирус?’.
- 2) โควิด-19 สามารถหายได้เอง (kʰo:ro:na:wajrát sǎ:mâ:t hǎ:j dâj ʔe:ŋ) — ‘Коронавирус может сам исчезнуть’.
- 3) ไวรัสทำไม่ต้องทำลาย host (wajrát tʰammaj tô:ŋ tʰamla:j hæust) — ‘За чем вирус наносит вред своему «хозяину»?’.

Метафоры подобного типа также вызывают у людей чувство обеспокоенности за свое здоровье.

3. Коронавирус — это природное явление

Помимо вышеупомянутых репрезентаций, также используется образ бури или урагана.

- 1) โควิด-19 อาจรุนแรงที่สุดในรอบ 100 ปี ยิ่งกว่าสงครามโลกหรือโรคระบาดอื่น และมันจะสิ้นสุดเมื่อใด (kʰo:wít-19 ʔà:t runɛ:ŋ tʰi:sùt naj rô:p ró:j pi: jŋkwà: sŏŋkʰra:m lô:k ruǐ: rô:kraʔbà:t ʔu:n léʔ man tɕàʔ sŋsùt muǐ:adaj) — ‘COVID-19, вероятно, самое сильное (бедствие) за 100 лет, больше, чем мировая война, или другое заболевание; и когда эта пандемия закончится?’.

Подобная формулировка вынуждает воспринимать пандемию как неожиданное и серьезное явление, как природное бедствие. Тем не менее данная репрезентация является наименее используемой в информационно-новостном дискурсе СМИ Таиланда.

3.2. Метафорические репрезентации пандемии

Пандемия также является одной из наиболее обсуждаемых тем в информационно-новостном дискурсе Таиланда. Именно поэтому во многих статьях были использованы репрезентации, кото-

рые побуждали читателя воспринимать ту или иную информацию и саму эпидемиологическую ситуацию в стране под тем или иным углом.

1. Пандемия — это война

Метафора войны часто используется в информационном дискурсе, особенно во время серьезных социальных потрясений. Примером этого может служить работа «Метафоры войны в общественном дискурсе» [Flusberg, Matlock, Thibodeau 2018], в которой были проанализированы метафоры войны, получившие распространение в западных СМИ. Автор статьи отметил, что метафоры войны используются наиболее часто в новостном дискурсе по ряду тематик, в том числе и на тему заболеваний, борьбы с бедностью или другими социальными проблемами. Похожее исследование было проведено и в Таиланде на тему метафор, которые используются для описаний заболевания в южном диалекте тайского языка [Pothiban, Udomphan 2012].

- 1) บุคลากรทางการแพทย์เป็นนักรบในสงครามโควิด-19 (bùkk^hla:kɔ:n t^ha:ŋ ka:np^hé:t pen nákróp naj sǒŋk^hra:m k^ho:wít-19) — ‘Медицинские работники — это солдаты, которые принимают участие в войне с COVID-19’.
- 2) เราต้องชนะ (raw tǒŋ tɕ^háná?) — ‘Мы должны победить’.
- 3) How To ผู้ไวรัส 5 ขั้นตอน (hau tu: sù: wajrát hâ: k^hântɔ:n) — ‘5 этапов борьбы с вирусом’.

Вышеуказанные примеры ясно показывают, что пандемия сравнивается с борьбой, а Таиланд является ареной этой борьбы. В результате в статьях упоминаются способы борьбы с коронавирусом и защиты от него.

2. Пандемия — спортивное соревнование

Во многих языках метафорические проекции войны (борьбы) и спорта часто имеют общие формулировки, и тайский язык не является в этом плане исключением. Тем не менее в ходе исследования было выявлено несколько примеров использования именно спортивных метафор, которые применялись в отношении распространения коронавирусной инфекции в Таиланде.

- 1) หมอเปรียบรบกับไวรัสโควิด-19เหมือนวิ่งมาราธอนไม่ใช่วิ่ง100เมตรจะหมดแรงเสียก่อน (mǔ: prì:ap róp kàp wajrát k^ho:wít-19 muǔ:an wīŋ ma:ra:t^hɔ:n mǎjtɕ^hâj wīŋ rǔ:j mêt tɕà? mòt rɛ:ŋ sǐ:a kò:n) — ‘Врачи сравнивают борьбу с COVID-19 с марафоном, где не пробежав и 100 метров уже закончились силы’.
- 2) ไวรัสถมมวย (wajrát tɕ^hókmuaj) — ‘Вирус нанес удар’.

Особенностью спортивных метафор является их восприятие в обществе. Хотя и военные, и спортивные метафоры мобилизуют население, настраивают на борьбу, однако последние повышают уверенность читателей, особенно когда ситуация сравнивается с соревнованием. В то же время метафора марафона, приведенная в первом примере, отражает продолжительность и сложность предстоящего «соревнования».

Важно отметить, что второй пример отражает культурную специфику Таиланда, т.к. выражение *หมัด* (tɕʰòkmuaɯ) переводится как «удар кулаком» — термин, применяемый в тайском боксе. Подобная метафора могла быть использована только в Таиланде, где подобный вид спорта распространен повсеместно и знаком всем с детства.

4. Заключение

Метафоры вербализуют отношение говорящих к ситуации в стране, а также помогают создать определенный образ коронавируса, исходя из его влияния на социальные процессы. Так, использование метафор победы дает надежду на благополучный исход пандемии, а метафоры борьбы создают образ врага. При этом важно отметить, что иногда сложно выделить, к какой репрезентации относится отдельно взятая метафора, поскольку некоторые выражения могут применяться сразу в нескольких дискурсах. Например, метафоры победы могут быть использованы как в контексте спорта, так и войны.

Как показало данное исследование, СМИ Таиланда применяют ряд метафорических репрезентаций, которые помогают сформировать мнение читателей относительно коронавируса и сложившейся в стране ситуации. Несмотря на то, что многие репрезентации имеют аналоги в других языках, можно заметить, что также существуют метафоры, которые уникальны для тайского языка в силу культурных особенностей страны.

Несомненно, по мере развития ситуации будут возникать новые метафоры, однако на сегодняшний день можно отметить, что основная репрезентация, которая прослеживается в новостном дискурсе Таиланда, — это образ коронавируса как врага, с которым необходимо бороться путем соблюдения необходимых мер.

Литература

- Лакофф, Джонсон 2004 — Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Flusberg, Matlock, Thibodeau 2018 — S.J. Flusberg, T. Matlock & P.H. Thibodeau. War metaphors in public discourse // *Metaphor and Symbol*. 2018.
- Pothiban, Udomphan 2012 — Ph. Pothiban, Ch. Udomphan. อุปสรรคณ์เกี่ยวกับโรคในภาษาไทยถิ่นใต้ (Докторская диссертация. Университет Сонгкхланакхорин, 2012).

Интернет-издания:

- Matichon — Интернет-издание มติชน [Электронный ресурс]. URL: <https://www.matichon.co.th/> (дата обращения: 18.08.2021).
- SiamRath — Интернет-издание สยามรัฐ [Электронный ресурс]. URL: <https://siamrath.co.th/h> (дата обращения: 18.08.2021).
- The Momentum — Интернет-издание The Momentum [Электронный ресурс]. URL: <https://themomentum.co/> (дата обращения: 18.08.2021).

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА В ТАИЛАНДЕ

Е. М. Долгова

*Восточный институт, кафедра Тихоокеанской Азии,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток
lizulka07@mail.ru*

1. Эволюция тайской рекламы

Менее шестидесяти лет ушло на формирование рекламной индустрии в Таиланде [Punyaritjoe 2002: 51]. Такие агентства, как Лео Бернетт, Дэнцу, Огилви энд Мейзер, появившиеся в середине XX в. на рынке Таиланда, до сих пор остаются ведущими. Они сохраняют ключевую роль в формировании рекламной сферы в Таиланде. При этом креативными директорами этих агентств были иностранцы [Ciocchetto 2006: 186]. Если в американских агентствах мыслили стратегически, ориентировались на методы маркетинга, то японские рекламные агентства действовали интуитивно, в их рекламе важное место отводилось эмоциональной составляющей. Тайская реклама создавалась на основе западных теоретических моделей, однако была адаптирована к тайской социокультурной среде. При этом тайские клиенты «сочетали» как западные, так и японские «черты»: они были рациональны, старались сосредоточиться на рекламной стратегии, но в то же время были заинтересованы в тактике подачи рекламы [Punyaritjoe 2002: 54].

В конце 1980-х гг. иностранное руководство транснациональных рекламных компаний стало уступать место тайскому. Рост числа тайских руководителей свидетельствовал о начале расцвета креативности в тайской рекламе, и главные рекламные агентства Таиланда начали выигрывать премии [Ibid]. Международного признания представители Таиланда добились в 1994 г., выиграв Серебряного льва на Каннском фестивале. В тайских рекламных кампаниях ставился акцент на эмоциональную составляющую

и на культуру Таиланда. В результате возник бренд тайской рекламы, в основу которой легли юмор, яркие эмоции и красивая картинка. Образ тайской рекламы закрепился на международной арене, а Таиланд стал одним из самых креативных центров по созданию рекламы в мире.

2. Специфика социальной рекламы в Таиланде

На сегодняшний день Таиланд является крупнейшим рекламным рынком в Юго-Восточной Азии. Однако такое явление, как социальная реклама, для Таиланда оказалось новшеством. В стране нет официальных терминов, а слова โฆษณาเพื่อสังคม («реклама для общества»), โฆษณาสร้างสรรคสังคม («реклама создает общество») или โฆษณาสะท้อนสังคม («реклама отражает общество») только начинают получать свое распространение.

Средой функционирования социальной рекламы в основном являются СМИ. В Таиланде к самым эффективным каналам рекламы относятся телевидение, пресса и наружная реклама. Как правило, социальная реклама распространяется в виде изображений (плакатов) и видео, транслируемого по телевидению и на интернет-порталах. Видеоролики чаще снимаются в игровом формате, т. е. с участием актеров.

Поскольку социальная реклама должна оказывать на человека влияние, менять его поведение и взгляды, невозможно обойтись без такого инструмента оформления, как образы и символы традиционной культуры той страны, где предполагается транслировать рекламу. Сюда входят обычаи, связанные с цветом, числами, знаками, и прочие культурные символы [Нивина 2017: 3].

Немаловажна и подача сообщения. Например, в рекламном тексте может использоваться не только рифма, риторические вопросы, но и параллелизм. За счет гармонии слога увеличивается сила речевого воздействия. Более того, такие тексты легче запоминаются, а также по аналогии с народными мудростями вызывают эмоциональный отклик. В качестве примеров приведем слоганы из социальной рекламы Фонда здравоохранения: ให้เหล้าเท่ากับแข่ง («предложить выпить равносильно проклятию»), จดเหล้าเข้าพรรษา («воздерживаться от спиртного — соблюсти буддистский пост»), ลดพุงลดโรค («меньше живот — меньше болезней»), จน เตรียดี กินเหล้า («пока напьяно — пей алкоголь»).

Тайская реклама по своей сути эмоциональна. Компании пытаются создавать рекламные ролики, которые эмоционально связывают потребителя с их продуктом, ведь человеческие эмоции — это лучший способ вызвать интерес. Без этой эмоциональной и сентиментальной составляющей продукты будут бессмысленны в глазах потребителей. Таким образом, погружая вас в проблему и вынуждая беспокоиться, рекламодатели привлекают ваше внимание. Стоит добавить, что тайцы действительно любят мелодрамы и драмы. Чем более эмоциональна и креативна реклама, тем больше людей заинтересуется рекламируемым продуктом.

2.1. Основные рекламодатели социальной рекламы в Таиланде

Рекламодателей социальной рекламы в Таиланде условно можно поделить на четыре группы: по отношению к власти — это государственные организации (Фонд развития здравоохранения Таиланда, Министерство энергетики Таиланда, Фонд охраны молодежи) и негосударственные организации (Всемирный фонд дикой природы, Международная амнистия, Фонд защиты прав детей, Фонд по предотвращению развития насилия в отношении женщин и мужчин); по целям — некоммерческие (Тайское Общество Красного Креста, Юнидог и др.) и коммерческие организации (Юнилевер, Проктер энд Гэмбл, 7/11). Считается, что извлечение прибыли не относится к целям социальной рекламы, однако в Таиланде распространена в том числе реклама с социальным посылом в коммерческом секторе, что объясняется спецификой работы пропаганды и идеологии в стране, а также способствует повышению имиджа компании.

3. Анализ современной социальной рекламы в Таиланде

На сегодняшний день можно выделить следующие категории сюжетов социальной рекламы: безопасное вождение транспорта, общее здоровье, ВИЧ/СПИД, неправильное питание (проблемы с кишечником, ожирение, сахарный диабет), табакокурение, употребление алкоголя, экология, защита и охрана животных, дети (защита их прав, воспитание), защита прав женщин — такой перечень основан на выборке и анализе рекламного материала, представленного видеороликами и плакатами, размещенными в сети интернет.

3.1. Небезопасное вождение

Смертность на дорогах в Таиланде составляет 32,7 человек на 100 000 [WHO 2018]. Для сравнения — в России данный показатель остановился на отметке в 18 человек. Таиланд входит в первую десятку стран по числу погибших в ДТП и занимает первое место в мире по смертности при вождении мотобайка.

На основании данных ВОЗ можно сделать вывод, что одной из причин большого количества смертных случаев является высокая скорость на дорогах, разрешенная правилами. Важно отметить, что 76% из 35 млн тайских водителей хранят на приборной панели своих автомобилей изображения и статуэтки монахов. Кроме того, водители носят амулеты, а иногда покупают «связку цветов» — подношение духам для оберега. Тайцы верят, что «освященная» статуэтка монаха защитит их от ДТП. Однако Таиланд по-прежнему находится в первой десятке стран по количеству погибших в автомобильных авариях. В результате Тайский фонд развития здравоохранения разработал следующий проект по повышению безопасности на дорогах: в статуэтки монахов был «внедрен» специальный ограничитель скорости. Оснащенная gps-трекером и датчиком скорости, статуэтка монаха «узнавала» об ограничениях скорости на дороге; если водитель нарушал предел скорости, то статуэтка «читала» проповеди, предупреждая об опасности и рекомендуя снизить скорость. Тысячи таких статуэток были розданы в период празднования Сонгкрана (тайского нового года), когда в стране происходит большое количество несчастных случаев [BBDO Bangkok 2017].

3.3. Табакокурение

Значительный пласт социальной рекламы посвящен борьбе с табакокурением. Согласно опросу, проведенному в 2013 г., уровень употребления сигарет среди населения Таиланда в возрасте 15 лет и старше снизился до 19,94%. Самая сильная тенденция к снижению курения наметилась среди курильщиков мужского пола — самой большой группы курильщиков в Таиланде; снизился уровень курильщиков и среди молодежи (в возрасте 15–24 лет). При этом опрос показал, что средний возраст начала курения в Таиланде снизился с 18 до 17 лет. В связи с этим на первый план выходит проблема предотвращения появления курильщиков среди нового поколения [THPF]. Согласно статистике, количество курильщиков с 2000 по 2016 г. снизилось с 24,9% до 19,9% [Macrotrends 2020].

Как правило, кампании по борьбе с курением задействуют актеров или бывших курильщиков, чтобы предупредить людей об опасностях курения. Однако в рекламном ролике под названием «Курящий ребенок» играли маленькие дети, обманом заставлявшие настоящих курильщиков признать, насколько вредна эта привычка [Ogilvy 2013]. В рекламе мальчик и девочка с сигаретами в руках подходят к курильщикам на улице и просят у них зажигалку. В ответ каждый курильщик начинает рассказывать детям, почему им не следует курить: «Если вы курите, вы умираете быстрее. Разве вы не хотите жить и играть?», «Когда вы курите, вы страдаете от рака легких, эмфиземы и инсультов». Выслушав нотации, дети задают резонный вопрос: «Так почему вы сами курите?». Затем они дают собеседникам брошюру, напоминающую тетрадный лист, на которой было написано: «Вы беспокоитесь обо мне. Но почему не о себе?».

В рекламе утверждалось, что почти каждый взрослый, получивший брошюру, выбрасывал сигарету, в то время как саму брошюру не выбросил никто. По данным Тайского фонда укрепления здоровья, трафик национальной горячей линии «бросить курить» увеличился на 40%. Данное видео на видеохостинге YouTube получило более 3,4 млн просмотров с момента его публикации.

3.4. Неправильное питание

В Таиланде растет количество людей, страдающих ожирением и неинфекционными заболеваниями, связанными с неправильным питанием. Правительство Таиланда разработало ряд мер по защите и пропаганде здорового питания. В частности, в 2008 г. правительство Таиланда приняло постановление об ограничении рекламы нездоровой пищи для детей на радио и телевидении. В следующем году была принята добровольная политика маркировки продуктов питания с целью упаковки продуктов, которые снизили содержание сахара, жира. Тем не менее степень реализации обеих политик оставалась низкой [Phulkerd 2017: 1].

Главной тенденцией 2020 г. стала популяризация здорового образа жизни. Фонд укрепления здоровья выпустил ряд рекламных роликов о полезности овощей. В шуточный манере в них рассказывается о том, как правильно есть овощи и как важно употреблять в пищу сезонные овощи, при выращивании которых не использовались химические вещества. Реклама не только заставляет невольно улыбнуться, но и в интересной форме раскрывает указанную проблему [цитируй 2020].

В ролике «Овощи» фигурирует тайский дух Пхи Красы (ผีกระสือ) — призрак, принимающий образ прекрасной девушки. Как правило, она облачена в длинное платье, которое скрывает отсутствие нижней части тела (внутренние органы соединены с головой). Считается, что Пхи Красы становятся девушки, которые когда-то съели плохо приготовленную еду с червями [Чупрова 2019: 45]. В этой рекламе Пхи Красы рассказывает тайским зрителям, что она ела мало овощей, не уделяя должного внимания здоровью своего кишечника. «Снизь риск заболевания!» — реклама носит юмористический характер, а главную роль исполняет известная молодая актриса [SocialMarketingTH 2020].

4. Заключение

Социальная реклама в Таиланде — инструмент продвижения современных ценностей. За двадцать лет своего развития тайская социальная реклама прошла длинный путь. Трудно оценить эффективность проделанной работы, она может проявиться или не проявиться только в долгосрочной перспективе. Скорее всего, призывы вести здоровый образ жизни, моральные принципы будут откладываться в гибком и готовом к переменам сознании молодежи — целевой аудитории социальной рекламы, в то время как сегодняшняя цель рекламы — привлечь внимание тайцев к главным событиям и социальным проблемам своей страны.

Литература

- Нивина 2017 — О. Ю. Нивина. Лингвокультурные особенности социальной рекламы в Китае [Электронный ресурс]. СПб: СПбГУ, 2017. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F761792477/Nivina.pdf.
- Чупрова 2019 — Е. С. Чупрова. Ритуальные практики и анимистические представления тайских народов современного Таиланда. Выпускная квалификационная работа. М.: МГУ, Кафедра истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, 2019.
- Ciochetto 2006 — L. Ciochetto. The Dynamics of Contemporary Advertising in Thailand [Electronic resource] // Media Asia, Vol. 33 (3–4), 2006. URL: <https://www.researchgate.net/publication/302575840>.
- Macrotrends 2020 — Thailand Smoking Rate 2000–2020 [Electronic resource] // Macrotrends. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/THA/thailand/smoking-rate-statistics>.

- Phulkerd 2017 – S. Phulkerd, G. Sacks, S. Vandevijvere, A. Worsley & M. Lawrence. Barriers and potential facilitators to the implementation of government policies on front-of-pack food labeling and restriction of unhealthy food advertising in Thailand [Electronic resource]. Food Policy, Vol. 71, 2017. URL: <https://sci-hub.st/10.1016/j.foodpol.2017.07.014>.
- Punyapiroje 2002 – C. Punyapiroje, M. Morrison & M. G. Hoy. A Nation under the Influence: The Creative Strategy Process for Advertising in Thailand [Electronic resource] // Journal of Current Issues & Research in Advertising. Vol. 24. № 2, 2002. URL: sci-hub.st/10.1080/10641734.2002.10505135.
- THPF – TOBACCO CONTROL PLAN [Electronic resource] // Thai Health Promotion Foundation. URL: <https://en.thaihealth.or.th/THAI-HEALTHPLANS/27/Tobacco%20Control%20Plan/?id=27>.
- WHO 2018 – Death on the Roads. Based on the WHO Global Status Report on Road Safety 2018. [Electronic resource] // World Health Organization. URL: https://extranet.who.int/roadsafety/death-on-the-roads/#deaths/per_100k.
- แนวหน้า 2020 – สสส.เปิดตัวภาพยนตร์โฆษณาตัวใหม่ ‘Bok choy’ กระตุ้นคนไทยทานผักตามฤดูกาล เนื่องการปณเอน. URL: <https://www.naewna.com/lady/479445>.
- Видеоиздания:
- BBDO Bangkok 2017 – Thai Health Promotion Foundation – Speed Limit Monk Statue // BBDO Bangkok [YouTube channel]. Thailand, 2017. URL: https://www.youtube.com/watch?v=eV_pHYvjmQo.
- Ogilvy 2013 – Smoking Kid – Best of #OgilvyCannes 2012 / #CannesLions // Ogilvy [Youtube channel]. Thailand, 2013. URL: https://www.youtube.com/watch?v=g_YZ_PtMkw0.
- SocialMarketingTH 2020 – สักน่า // SocialMarketingTH [YouTube channel]. Thailand, 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UPNTwxfKbTk>.

СПЕЦИФИКА ЛИТЕРАТУРНОГО КАНОНА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭЗИИ СИАМА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖАНРА НИРАТ)

В. А. Иванова

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва
ivanova_vera-alex@mail.ru*

В отношении средневековой сиамской (тайской) литературы канон понимается как «свод правил и установлений, часто неписанных, но подкрепленных обычаем, традицией, причем уже не только творческого, художественного, но также идеологического, религиозного, государственного свойства» [Осипов 1983: 23]. Не скованный формой специального трактата по литературным правилам, канон существовал через практику следования существующей традиции [Osipov 2000: 6] и устанавливал систему господствующих внутренних творческих правил и норм в литературе: «Канон регулировался этикетом королевского двора и уставом буддийской сангхи <...> давал себя знать в соотношении формы и содержания, при выборе жанра для передачи той или иной темы; <...> диктовал определенному автору <...> определенный стиль изложения, иногда единственно возможный в данной ситуации, если учесть время, тему и назначение текста, ранг его адресата и ранг сочинителя» [Осипов 1983: 24]. Такими правилами задавался определенный вектор развития литературного творчества придворных поэтов Сиама.

Наиболее ярко специфика литературного канона в сиамской (тайской) средневековой поэзии проявляется в том случае, если рассматривать литературный канон¹ в более узком толковании

¹ См. [Пак 2001: 336]: «Канон (греч. *kanon* — норма, правило) — 2. Система устойчивых норм и правил создания художественных произведений определенного стиля, обусловленного мировоззрением и идеологией эпохи. Художественный К. является образцом и критерием

этого понятия, а именно — когда оно касается отдельно взятого литературного жанра.

Как художественный канон проявился в системе жанра сиамской (тайской) литературы *нират*²?

При сравнительно-сопоставительном анализе поэм-ниратов XV–XIX вв. обнаруживается, что в системе жанра нират канон реализовался через определенную систему реальных и символических образов, композицию и традиционные формулы. Каждая из этих составляющих представляет отдельный интерес и заслуживает подробного изучения и описания. В рамках данной статьи остановимся более подробно только на нескольких примерах одного из перечисленных элементов, а именно — на традиционных формулах, под которыми в отношении поэм-ниратов будем понимать прежде всего средства художественного изображения. С помощью средств художественного изображения авторы достигали нужной эмоционально-ценностной ориентации текста.

Ведущими мотивами поэм-ниратов рассматриваемого периода являются мотивы одиночества, разочарования и утраты. Чтобы передать печально-элегический дух своих произведений, поэты прибегали к приему, который, по всей видимости, можно определить как литературную аллюзию, — если толковать этот термин согласно Э. Бен-Порат, утверждающей, что аллюзия может также иметь форму имени собственного [Ben-Porat 1976: 105–108]. В ниратах, написанных стихотворным размером *кхлонгом*, сиамские (тайские) поэты довольно часто применяли литературные аллюзии именно в такой форме, апеллируя к именам героев произведений древнеиндийской литературы и джатак. Например, в поэме «Кхлонг нират харипхунчай» (строфа 175) поэт обращался к мужским именам Самутракхот и Анирудха и женским именам возлюбленных этих героев:

положительной оценки всех произведений, созданных по его правилам. Как эталон художественного творчества он не столько ставит ограничительные рамки, сколько указывает на внутреннюю, глубинную основу, из которой должен исходить и на которую должен ориентироваться художник. В узко профессиональном плане в качестве «внешнего» выражения, К. может рассматриваться как ограниченный набор определенных приемов создания произведений».

² Нират (นิราศ) — это поэтический жанр, большая по объему поэма, в которой главный герой — сам автор — отправляется в путешествие, от первого лица ведет повествование, описывает переживаемую им грусть из-за разлуки с возлюбленной, и все, что он видит и встречает на своем пути [พจนานุกรมศัพท์วรรณกรรมไทย 2552: 266].

<...> Самутракхот разлучен с Пхинтху,

Тоской охвачен,

Кхун Баа (Барата или Анирудха) в разлуке с

Усой, принцессой <...> (пер. Афанасьевой)

[Афанасьева 2003: 110].

В поэме «Кхлонг камсуан Сипрат» (строфы 103, 104) поэт апеллировал к именам: Рама и Сита, Суттхану и Тьирапрапха, Самутракхот и Пхинтхумбоди:

Когда-то давно покинув любимую Сиду, король

Возвратился к любимой и сделал ее королевой.

И Суттхану, разлучившись с женою Тьирапрапхой,

Смог возвратиться к любимой и счастливо вместе с ней жить.

Встав на дыбы, Маникак, силой волшебной владея, помог

Королю с королевой — влюбленным, соединиться навеки.

Пхинтхумбоди разлучилась с мужем Самутракхотом.

Но и эта пара воссоединилась после долгого расставания³.

Такая отсылка к именам героев и героинь, которые являлись возлюбленными, но были разлучены друг с другом, необходима была сиаемским (тайским) поэтам для того, чтобы наиболее точно и ярко передать силу и глубину переживаний лирического героя нирата. Обращение к конкретному образу, который за собой скрывал исходный текст, помогало авторам поэм-ниратов передать мысль ёмко, содержательно, без дополнительных разъяснений. Со стороны читателя и слушателя предполагались и даже, вероятно, требовались знания и эрудиция, чтобы суметь распознать литературную аллюзию, а также правильно расшифровать замысел автора, решившего именно с помощью такого художественного приема выразить свою мысль, чувства и/или переживания. Поэтому, очевидно, поэмы-нираты были ориентированы на достаточно узкий круг читателей, избранную высокообразованную аудиторию.

Довольно любопытный прием, признаваемый тайской исследовательницей Чонладой Рьянгракликхит «великолепным “изобретением” Сипрата, который другие поэты никогда не применяли» [ชลดดา เรื่องรักนัถ์ลิขิต 2558: 126], представляет из себя пассаж, в котором поэт

³ Художественный перевод здесь и далее автора статьи — В. А. Ивановой.

рассуждает, кому, каким силам ему лучше доверить его возлюбленную на время их разлуки. В поэме «Кхлонг Камсуан Сипрат» (строфы 14 и 15) он звучит так:

Дева прекрасная! Тебя небу доверю. [Но] опасуюсь,
Что Индра возьмет и подшутит — и взмоет тебя в небеса.
Дева прекрасная! Доверю тебя я земле государевой —
Сможет ли твердь государева помешать с тобой быть государю?

Дева прекрасная! Доверю тебя океанской волне — и что же тогда?

Если Нага всемогущий в объятьях своих тебя заключит, то стогрю я дотла.

Дева прекрасная! <...> пылаю в любви.

Дева прекрасная! Так кто ж уберечь тебя в состоянии?! Только лишь ты сама!

Благозвучный, мелодичный художественный прием Сипрата особенно благодатно был воспринят авторами ниратов последующих поколений: пассажи с рассуждениями о возможном вручении возлюбленной богам, правителю, силам природы и др. встречаются в произведениях, созданных в правление Рамы I (1782–1809) — «Кхлонг нират тхавай» (тайск. โคลงนิราศทวาย), или «Поэма “Путешествие в Тхавай” в стихах кхлонг»; в правление Рамы II (1809–1824) — «Кхлонг нират пхрая транг» (тайск. โคลงนิราศพระยาตรัง), или «Поэма “Путешествие Пхрая Транга” в стихах кхлонг», «Нират нарина», или «Путешествие Нарина» (тайск. นิราศนรินทร์); в правление Рамы III (1824–1851) — «Кхлонг нират луанг на» (тайск. โคลงนิราศหลวงนา), или «Поэма “Путешествие принца На” в стихах кхлонг», «Кхлонг нират сомдэт кром пхрая дечадисон садэт пай тхау виентьян» (тайск. โคลงนิราศสมเด็จพระยาเดชาดิศรเสด็จไปทัพเวียงจันทน์), или «Поэма “Путешествие принца Дечадисона во Вьентьян с целью его завоевания” в стихах кхлонг»; в правление Рамы V (1868–1910) «Кхлонг нират тхау супхаттиканпхакди» (тайск. โคลงนิราศท้าวสุภักดีการภักดี) или «Поэма “Путешествие Тхау Супхаттиканпхакди” в стихах кхлонг». Авторы каждого из перечисленных ниратов по-разному воплощали прием Сипрата в своих поэмах. Так, принц На в поэме «Нират Луанг На» (строфа 21) рассуждал о том, кому же ему доверить возлюбленную, в рамках одной строфы:

Дева прекрасная! Доверю тебя небесам, земле,
Доверю морю, ветру, дождю на сохранность.

Боюсь, что божества будут вдыхать твой аромат и удовлетворять сладострастные желания.

Дева прекрасная! Я доверяю сердце тебе. Знай, что я берегу [тебя].

а Пхра Пхипхитсали, автор поэмы «Нират Тхавай», — в трех строфах (строфы 37–39).

Конечно, приведенные в данной статье примеры являются лишь малой толикой всего многообразия элементов, которые составляют специфику литературного канона в средневековой поэзии; тем не менее они подтверждают, что литературный канон в рамках отдельно взятого жанра и в самом деле «проявлял себя» через определенные формулы, которые распознавались и перенимались поэтами многих поколений. Безусловно, необходимо дальнейшее детальное, скрупулезное изучение текстов как поэм-ниратов, так и произведений других жанров сиамской (тайской) литературы. Результаты таких исследований, как видится, позволят не только дополнить, уточнить, подтвердить сложившиеся к настоящему времени представления о литературном каноне поэтического творчества сиамцев и в некоторых случаях, возможно, оспорить их, тем самым открыв исследователям новые грани специфики литературного канона в средневековой поэзии Сиама.

Литература

- Афанасьева 2003 — Е. Н. Афанасьева. Буддизм Тхеравады и развитие тайской литературы XIII–XVII вв. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
- Осипов 1983 — Ю. М. Осипов. Литературы Индокитая: жанры, сюжеты, памятники: литературная критика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
- Пак 2001 — Н. И. Пак. Канон / Пак // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред и сост. А. Н. Николюкин. Москва: РАН «Интелвак», 2001.
- Ben-Porat 1976 — Z. Ben-Porat. The Poetics of Literary Allusion. PTL: A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature, 1976.
- Osipov 2000 — Yu. M. Osipov. Buddhist Hagiography in Forming the Canon in the Classical Literatures of Indochina // The Canon in Southeast Asian Literatures of Burma, Cambodia, Indonesia, Laos, Malaysia, the Philippines, Thailand and Vietnam / ed. by David Smyth. London, 2000.
- ชลดา เรืองรัถย์ลิขิต 2558 — ชลดา เรืองรัถย์ลิขิต. อานนिरาคนรินทรณ์นับวิเคราะหฺ์และถอดความ. กรุงเทพฯ: โครงการเผยแพร่ผลงานวิชาการ คณะอักษรศาสตร์ จุฬาลงกรณ์มหาวิทยาลัย, 2558.
- พจนานุกรมศัพท์วรรณกรรมไทย 2552 — พจนานุกรมศัพท์วรรณกรรมไทย / โดยราชบัณฑิตยสถาน. กรุงเทพฯ, 2552.

ЭДИКТЫ О САНГХЕ КОРОЛЯ СИАМА РАМЫ I (ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ 1782–1809)

М. А. Игнатьев

*Кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки,
Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург
ignatev-mihail@rambler.ru*

В отечественной научной литературе существуют две точки зрения на религиозные преобразования Рамы I, к которым в первую очередь относятся десять королевских эдиктов о сангхе.

Известный востоковед и буддолог В. И. Корнев отмечает, что социально-политическая консолидация сиамского общества, к которой стремился Рама I, требовала в том числе и упорядочения деятельности сангхи, чтобы «в дальнейшем опереться на этот мощный религиозно-политический институт при решении важных государственных задач» [Корнев 1981: 43].

В. И. Корнев указал и на иную задачу, которую стремился решить своими эдиктами о сангхе Рама I. Это было «желание (...) поднять моральный престиж сангхи, значительно пошатнувшийся в XVIII в.» [Корнев 1981: 43]. Отчасти такое мнение разделяет и Б. Н. Мельниченко: «Одной из задач в деятельности короля стало восстановление сангхи, пользующейся доверием народа» [Мельниченко 1996: 96].

В зарубежной историографии пристальное внимание Рамы I к религиозной жизни страны принято связывать в первую очередь с внутренним расколом в сангхе, вызванным катастрофическими последствиями бирманского нашествия и деятельностью короля Таксина (1767–1782).

Приведем описание этой ситуации, которое дает авторитетный австралийский ученый Крейг Рейнольдс:

Рама I счел себя обязанным защищать буддизм и покровительствовать ему, чтобы исправить последствия деятельности короля Таксина, который погряз в мистицизме и опорочил себя оскорблениями

членов сангхи. Таксин был свергнут, как только он стал проявлять первые признаки сумасшествия, которое было так или иначе связано с буддизмом. (...) Он надеялся, что с помощью особых форм медитации сможет обрести способность летать, а кровь в его жилах окрасится в белый цвет. Он (...) настаивал на признании своего особого духовного статуса и требовал от высокопоставленных монахов преклонения перед собой. Несогласных подвергали наказаниям. Были низложены многие высокочтимые монахи, включая сангхарачу, а более пятисот монахов, составивших оппозицию Таксину, были избиты плетью и отправлены на каторгу. (...) Раскол в сангхе, вызванный этими событиями, был довольно естественен, поскольку разрозненность и хаос царили в сангхе после падения Аютии в 1767 г. Даже после того, как к власти пришел Рама I и восстановил прежнего сангхарачу (...), группа монахов, сторонников Таксина, продолжала сеять раздор в рядах сангхи, аналогов которому нет во всей истории Таиланда [Reynolds 2006: 145].

Чтобы оценить, в какой степени эти подходы отражают существенные стороны религиозных преобразований Рамы I, а также дать свою собственную оценку последних, необходимо обратиться непосредственно к тексту его эдиктов о сангхе на тайском языке.

Нужно оговорить, что в работе с текстом эдиктов мы опираемся на академическое издание т. н. «Законов трех печатей» — свода законов Рамы I, куда, помимо всего прочего, вошли и королевские эдикты о сангхе. Настоящее издание, подготовленное в 2005 г., хранится в библиотеке университета Тхаммасат (г. Бангкок, Таиланд).

Суть Первого эдикта (от 21 сентября 1782 г.) сводилась к недовольству короля содержанием буддийских проповедей: «А сейчас некоторые подданные королевства (...) не имеют сочувствия и веры в дхарму. Они слушают буддийские проповеди, но не воспринимают их всерьез, и поэтому эти проповеди бессмысленны. Некоторые монахи не изучают тексты Типитаки, а если и помнят отдельные эпизоды, то не декламируют их на древнем языке пали, а превращают в поэтические тексты на тайском языке. И потому в декламациях этих появляются неуместные шутки, сатира и вульгаризмы (...). Монахи забыли об обучении, и потому буддизм теперь в кризисе» [กฎหมายตราสามดวง: 346–347]. В этом указе особый интерес может вызвать существовавшая практика переводов текстов буддийских проповедей с языка пали на тайский язык; это обстоятельство невольно вызывает аллюзии на перевод Библии на немецкий язык, сделанный в первой половине XVI в. Мартином Лютером и оказавший глубокое влияние на процесс Реформации.

Во Втором эдикте (от 3 мая 1783 г.) описываются случаи пренебрежения монахами их дисциплинарным кодексом. Наибольший акцент ставится на том, что монахи «ведут общение с мирянами, принимают от них подарки и деньги» [กฎหมายตรา๓ดวง: 350]. В указе приводится следующий запрет короля: «С этих пор монахам и послушникам запрещается принимать подарки от мирян (...) мирянам запрещается предлагать монахам и послушникам золото и серебро» [กฎหมายตรา๓ดวง: 350]. За нарушение указа монахов надлежало расстричь и высечь плетьюми, мирян же ожидала конфискация имущества и такое же наказание плетьюми [กฎหมายตรา๓ดวง: 351].

В тексте Второго эдикта, помимо основной мысли — требования от монахов соблюдения дисциплинарного кодекса, — содержится еще одна деталь, весьма интересная в контексте истории борьбы королей династии Чакри с верой в сверхъестественное в тайском буддизме: «Приказываю высшим духовным сановникам проследить за тем, чтобы послушники, достигшие возраста вступления в монахи, принимали постриг и начинали изучать священные тексты или заниматься медитацией, а не странствовали в поисках знаний о магии и сверхъестественном, противоречащих сути священных текстов и медитации» [กฎหมายตรา๓ดวง: 352]. Возможно, именно эти «странствия» имел в виду Крейг Рейнольдс, описывая внутренний раскол в сангхе, с последствиями которого боролся Рама I. Будет уместно в данном случае процитировать слова и другого исследователя: «После падения Аюттии в 1767 г. и последующим переносом столицы из Тхонбури в Бангкок, король Рама I столкнулся не только с широко распространенным анимизмом и «мистическим буддизмом» среди монахов, но и с пошатнувшимся авторитетом Палийского канона» [Kitiarsa 2008: 121].

Третий эдикт (от 8 мая 1783 г.) отражал стремление короля контролировать перемещения монахов по стране: «Если монах или мирянин прибывает из городов первого, второго, третьего и четвертого порядка (...), он должен предъявить грамоту с указанием своего имени и возраста, а также имени своего духовного наставника, скрепленную печатью первого духовного лица своего города...» [กฎหมายตรา๓ดวง: 355]. Этим эдиктом король не только усиливал политический и административный контроль над сангхой, но и ограничивал возможности монахов странствовать — скорее всего, причиной подобного решения могла быть описанная выше практика странствий монахов в поисках запретных знаний о магии и сверхъестественном.

Смысловая часть Четвертого эдикта (от 13 июля 1783 г.) начинается следующим образом: «Будда повелел монахам и послушникам (...) изучать священные тексты и заниматься медитацией (...), следовать за своими учителями и духовными наставниками (...). Тогда буддизм будет процветать и впредь» [กฎหมายตรา ๓ ดวง: 357–358]. Задав этим нравственным посылом тональность всего эдикта, король приступал к обличению нарушителей: «А сейчас монахи забыли об этом (...). Они не следуют заветам своих наставников, а те не следят за своими подопечными, позволяя им вести себя недостойно (...), в результате страдают королевство и буддизм» [กฎหมายตรา ๓ ดวง: 358].

Пятый эдикт (вновь от 13 июля 1783 г.) раскрывал идею четырех самых тяжких преступлений, за совершение любого из которых монаха надлежало немедленно расстричь и лишить монашеских одеяний. Этим указом король словно «взывал к совести» монахов-преступников: «Если монах совершил любое из четырех преступлений, ему следует сообщить об этом членам сангхи, а не пытаться скрыть свое злодеяние, избегая наказания и продолжая жить в монастыре» [กฎหมายตรา ๓ ดวง: 361].

Шестой эдикт (датируемый, как и предыдущие два, 13 июля 1783 г.) в какой-то степени дублировал текст Второго, поскольку в основе его лежала все та же претензия короля к несоблюдению монахами дисциплинарного кодекса. В эдикте приводятся воспоминания о прекрасном прошлом: «В былые времена миряне делали монахам подношения лишь в виде риса, и в этом была высшая польза как для этой жизни, так и для последующих, поскольку монахи, принимавшие подношения, демонстрировали свою нравственность, а миряне, делавшие их, — свою мудрость [กฎหมายตรา ๓ ดวง: 362]. Воспев таким образом оду прошлому, король «возвращался» к печальной действительности: «А сейчас монахи и послушники, принимающие подношения, не блюдают заветы Будды. Они с жадностью берут приносимые им вещи (...), копят мирские блага и выполняют работу мирян: массажи, врачевание, гадания, предсказания...» [กฎหมายตรา ๓ ดวง: 362]. Далее следовал запрет: сперва монахам — заниматься всей вышеописанной деятельностью, а затем и мирянам — подношениями отныне не могли быть золото, серебро, драгоценности, кольца и прочие вещи, не полагающиеся монаху [กฎหมายตรา ๓ ดวง: 365].

Седьмой эдикт (от 27 октября 1783 г.), достаточно специфический по своему содержанию, описывал разногласия между членами

сангхи, возникшие из-за церемонии *катхина* (традиционная ежегодная церемония преподнесения монахам одеяний, проводится после окончания сезона дождей).

Восьмой эдикт, самый подробный из всех, был издан в 1789 г. и обращен только к мирянам. Значительная часть его повествования посвящена описанию концепции неразрывного единства «буддийского» королевства и «светского», смысл которой, следуя тексту указа, заключается в следующем: «Когда благочестивые монахи, те члены сангхи, что берегут буддийское королевство, заботятся о нем и не позволяют наносить ему вред, видят, что многие монахи предаются греху и становятся преступниками (...), они просят о помощи (...). И король, который бережет свое королевство и заботится о нем, приходит на помощь праведным монахам, что заботятся о буддизме (...). Буддийское королевство и светское берегут друг друга, и потому буддизм существует и по сей день» [กฎหมายตรา ๓ ดวง: 375]. На наш взгляд, Рама I апеллирует к древним и полным глубокого метафизического смысла буддийским концепциям в поисках идеологического обоснования своих указов — по всей видимости, используя их как рычаг воздействия на своих подданных.

Далее король обрисовывал печальную картину сегодняшнего дня: «А сейчас буддийское королевство в упадке (...); ни монахи, ни послушники не заботятся о буддизме: позабыв о нравственности, (...) они совершают множество злодеяний, нанося буддизму большой вред» [กฎหมายตรา ๓ ดวง: 377].

По содержанию предписаний короля Восьмой эдикт представляется своего рода обобщением большинства предыдущих указов, повторяя их суть и только иногда привнося новые подробности.

Девятый указ (от 15 августа 1794 г.), один из самых лаконичных, был единственным, с которым король обращался только к монахам. Он был посвящен разоблачению злодеяния монаха Махасина, который вступил в греховную связь с одной знатной миряночкой. Девятый эдикт во многом перекликается с Пятым, развивая поднятую в нем тему четырех прегрешений, но сама манера изложения (показательный пример страшного преступления, за которым не последовало заслуженного наказания) свидетельствовала о более решительных намерениях короля. Более того, отныне виновным считался не только сам нарушитель, но и тот, кто ему потворствовал: «Если другой монах скроет зло, вредящее религии, и это обнаружится, он будет предан наказанию» [กฎหมายตรา ๓ ดวง: 377].

Десятый и последний указ (от 9 июня 1801 г.) словно подводил итог всем десяти эдиктам: «Король стремится заботиться и поддерживать буддизм, обеспечивая процветание Трех Драгоценностей — Будды, Дхармы и Сангхи» [กฎหมายตรา ๓ ดวง: 388]. Подданные должны были помогать ему в этой миссии. Им предписывалось следующее: «Если кто-то увидит недостойного монаха, ведущего безнравственную жизнь (...) ему следует предупредить этого монаха, а если тот не слушает, — доложить настоятелю монастыря и местным религиозным властям» [กฎหมายตรา ๓ ดวง: 390].

Таким образом, нами был проведен анализ текста эдиктов Рамы I о сангхе, на основании которого можно сделать ряд заключений.

Поскольку во всех указах варьировалась одна, причем довольно узкая тема — нарушения монахами дисциплинарного кодекса — соответственно, итоги и последствия этих указов не могли быть столь очевидными. Поэтому, с нашей точки зрения, не следует переоценивать тот административно-политический аспект преобразований Рамы I, который принято выделять в отечественной историографии при обсуждении данной темы.

Вполне логичной нам кажется иная точка зрения на религиозные преобразования короля, выдвигаемая отечественными востоковедами (В. И. Корневым и Б. Н. Мельниченко): эдикты Рамы I действительно были направлены на улучшение морального облика сангхи и восстановления ее «престижа», поскольку основное содержание многих указов сводилось к обличению недостойных монахов и предписаниям правильного поведения.

Несколько слов о расколе в сангхе, который описывает Крейг Рейнольдс (и некоторые другие зарубежные исследователи). Исходя из текста определенных эдиктов, в которых отражается стремление короля контролировать деятельность монахов и внутреннюю жизнь сангхи (в частности, передвижения монахов по стране и род их религиозной деятельности), а также сообщаются подробности странствий монахов в поисках знаний о магии и сверхъестественного, мы можем согласиться с тем, что одной из главных «скрытых» задач преобразований Рамы I стала борьба с инакомыслием внутри сангхи.

С нашей же точки зрения, важнейшей, пусть и не самой очевидной, частью преобразований Рамы I можно считать задачу идеологического характера, а именно — возвращение (после смутных времен правления Таксина) к концепции короля как человека,

воплощающего наибольшее количество буна («*чакравартин*»), и очень близкой ей концепции короля как покровителя и защитника буддизма («*дхармарача*»). Этот переход не только знаменовал собой возврат к буддийскому идеалу короля-защитника своего народа и Учения, но и выдвигал на первый план этическую сторону тайского буддизма — подданные могли существовать в благоденствии благодаря могучей силе буна короля. Разумеется, этот переход не был полностью завершён в правление Рамы I, что подтверждают дальнейшие исторические события, однако начало ему положили, на наш взгляд, именно королевские эдикты о сангхе, подтверждение чему можно найти в тексте Восьмого и Десятого эдиктов. Любопытно, что именно эти два эдикта и были обращены только к светской части общества, которой король, очевидно, хотел продемонстрировать идеологическую составляющую своих эдиктов.

Нужно учитывать, что Раме I не удалось добиться быстрого успеха. Напротив, то обстоятельство, что некоторые эдикты, выходявшие в разное время (Второй и Шестой, Пятый и Девятый), дополняют или повторяют друг друга, позволяет сделать вывод, что эдикты короля на практике оказывались не слишком действенными и эффективными, и ему приходилось повторять свои же указы, облекая их от раза к разу во все более жесткую форму.

Литература

- Корнев 1981 — В. И. Корнев. Буддизм и общество в Таиланде // Народы Азии и Африки. М., Вып. 5, 1981.
- Мельниченко 1996 — Б. Н. Мельниченко. Буддизм и королевская власть. СПб.: Издательство СПбГУ, 1996.
- Kitiarsa 2008 — P. Kitiarsa. Thailand's Prosperity Religion and Its Commodifying Tactics // Religious Commodifications in Asia: Marketing Gods. New York, 2008.
- Reynolds 2006 — C. Reynolds. Seditious Histories: Contesting Thai and Southeast Asian Pasts. Seattle: University of Washington Press, 2006.
- กฎหมายตรา ๓ ดวง — กฎหมายตรา ๓ ดวง. ฉบับพิมพ์ มหาวิทยาลัยวิชาธรรมศาสตร์และการเมือง แก้ไขปรับปรุงใหม่. กรุงเทพมหานคร สถาบันปริทัศน์มมขงที่ ๒๕๔๘ เล่ม ๓ หน้า ๕๖๘.

ПУТЕШЕСТВИЕ К. А. ВЯЗЕМСКОГО ПО СИАМУ (1892 г.)

А. Н. Кириенкова

*Кафедра истории стран Дальнего Востока,
Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург
a.kirienkova.7@gmail.com*

Константин Александрович Вяземский (1852–1903 гг.) — русский путешественник, занимавшийся также литературным творчеством, изучением математики, ботаники и географии. Он много ездил по России и Европе, а также предпринял несколько масштабных и длительных поездок, таких, к примеру, как два путешествия по Северной Африке и Ближнему Востоку, а также большое путешествие по Азии. Все то, что Вяземский наблюдал во время своих поездок, он тщательно записывал — его путевые заметки содержат различные сведения о населении тех стран, где он побывал, о быте и нравах этого населения, а также о местной флоре и фауне.

В 1891–1893 гг. К. А. Вяземский предпринял «путешествие вокруг Азии верхом»: он выехал из Москвы, через Сибирь и Монголию попал в Китай, затем во Вьетнам, проехал по лаосским землям, затем через Камбоджу попал в Сиам, далее оказался в Бирме, после чего отправился в Индию, оттуда через Гималаи прошел в Туркестан, затем в Персию, вернулся в Россию через Кавказ и завершил путешествие в Москве, преодолев в общей сложности около 43 тыс. км (это немногим больше длины экватора Земли).

Часть своих заметок, сделанных во время этого путешествия, Вяземскому удалось опубликовать: на русском языке в журнале «Русское обозрение» в 1894–1895 гг. выходили тексты, посвященные отрезку пути Россия — Китай. Остальная часть путешествия описана в 39 небольших тетрадях, в настоящее время они хранятся в фонде рукописей Российской государственной библиотеки и, за исключением вьетнамских дневников, изданных в 2011 г. стараниями вьетнамиста А. А. Соколова, эта часть заметок остается

неопубликованной. Из имеющихся в РГБ тетрадей более восьми посвящены Сиаму (Таиланду).

В 1892 г. Вяземский провел в Сиаме почти пять месяцев, начав путешествие с еще подконтрольных Сиаму лаосских территорий на левом берегу Меконга, куда посредством обмана и подлога проездных документов (в чем он сам не видел ничего предосудительного) ему удалось провести двух сопровождающих его из Хьюэ французов — неких графа Делануэ и лейтенанта Гарнье. Примечательно, что информация об этих территориях левобережья Меконга, разведанная французами в ходе поездки, сыграла свою роль в захвате этих земель Францией весной 1893 г. [Вяземский 1895–1896: 420–421].

На основе аналогичных материалов того времени, к примеру, воспоминаний российских офицеров Черкасса и А. Я. Максимова или книг Э. Э. Ухтомского о путешествии цесаревича Николая на Восток можно заключить, что большинство российских путешественников при посещении Сиам ограничивались Бангкоком и Аютией. К. А. Вяземскому же удалось побывать во многих городах и селениях, и, в частности, этим интересны его записи, поскольку он наблюдал не только «парадный» Сиам, но и те его места, где не так часто бывали иностранцы, и особенно иностранцы из России. Так, например, в его дневниках можно найти описания Убонратчатхани, Ясотхона, Накхонратчасимы, Кампхэнгпхета и других городов — в некоторой степени однообразные, но все же предоставляющие возможность узнать о жизни провинциального Сиам.

Важно понимать, что Вяземский не ставил целью представить научное описание быта и нравов народов увиденных стран, его путевые заметки носят весьма разрозненный характер, переключаясь с одной темы на другую по ходу путешествия. Тем не менее, рассортировав фрагменты записей из путешествия по Сиаму, можно упорядочить полученный материал по конкретным категориям: этнический состав населения, сельское хозяйство, поселения и жилища, пища, одежда, общественный строй, религиозные верования и некоторые другие. Материал, распределенный по приведенным выше категориям, нельзя назвать исчерпывающим, однако он содержит ряд любопытных фактов, например, о церемониях и празднованиях в честь дня рождения короля Чулалонгкорна или о деятельности миссионеров-христиан в Сиаме.

К сожалению, сиамские дневники К. А. Вяземского так и не были опубликованы. При этом они содержат ряд сведений,

представляющих интерес для историков и других ученых, и являются ценным дополнением к российским нарративным источникам по истории и этнографии Сиама конца XIX в.

Литература

Вяземский 1895–1896 — К. А. Вяземский. Путешествие вокруг Азии вер-
хом // ОР РГБ. Ф. 178. Муз. собр. 8390.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУБСТАНТИВНОЙ ПРЕФИКСАЦИИ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ч. Критсада

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород
nunu_kritsad@mail.ru*

Префиксация в разноструктурных языках считается одним из наиболее продуктивных способов словообразования. В тайском языке имеет место номинализация (образование имен существительных) путем присоединения префиксов к субстантивным основам. Возможно также образование префиксальных производных существительных от глагольной и адъективной основ. Тайские лингвисты считают, что существует 18 действующих заимствованных из пали и/или санскрита префиксов, в число которых входят [มรรณจ 1984: 20; ภูมิ 1984: 103; เสน่ห์ 2006: 44 цит. по Чусуван 2021 (а): 57]:

1. η-[t^húʔ] (пали) — ηα-[t^hút], ηα-[t^hútt^hun] (санс.) ‘зло, плохой’.
2. û-[níʔ] (пали) — ûα-[nít], ûα-[nin] (санс.) ‘без’ / ‘отсутствие чего-нибудь’.
3. ɸ-[rɔ] (пали) — ɸα-[rɔ: ráʔ] (санс.) ‘ясный, очевидный, распространенный’.
4. ɸα-[rɔ: ráʔ] (пали) — ɸα-[rɔ: ráʔ] (санс.) ‘противоположный вид, противоположное состояние’.
5. ɸñ-[rə tíʔ] (пали) — ɸαñ-[rəʔ tíʔ] (санс.) ‘повторение’.
6. ʔ-[wíʔ] (пали) — ʔ-[wíʔ] (санс.) 1. ‘Ясный, очевидный’. 2. ‘Необычный’.
7. α-[sà máʔ] (пали) — αη-[sà máʔ] (санс.) ‘совместный’.
8. α-[sùʔ] (пали) — α-[sùʔ] (санс.) ‘добро, хороший, прекрасный’.

9. ๑๑-[ʔa:] (пали) — ๑๑-[ʔa:] (санс.) 1. ‘Процветание’. 2. ‘То, что хорошо’.

10. ๑-[ʔùʔ] (пали) — ๑๑-[ʔùʔ tʰá] (санс.) ‘подниматься’.

11. ๑๑-[ʔà tíʔ] (пали) — ๑๑-[ʔà tíʔ] (санс.) ‘великий’.

12. ๑๑-[ʔà tʰíʔ] (пали) — ๑๑-[ʔà tʰíʔ] (санс.) 1. ‘Великий’. 2. ‘Высокий статус’.

13. ๑๑-[ʔà níʔ] (пали) — ๑๑-[ʔà níʔ] (санс.) 1. ‘Малый’. 2. ‘Последовательный’.

14. ๑๑-[ʔòp] (пали) — ๑๑-[ʔòp] (санс.) ‘без’ / ‘отсутствие чего-нибудь’, ‘не’ / ‘отрицание’.

15. ๑๑-[ʔà rìʔ], ๑๑-[rìʔ] (пали) — ๑๑-[ʔà rìʔ] (санс.) ‘рядом с’ (***)

16. ๑๑-[ʔà pʰíʔ] (пали) — ๑๑-[ʔà pʰíʔ] (санс.) 1. ‘Великий, огромный’. 2. ‘Пре크расный’.

17. ๑๑-[ʔo:], ๑๑-[ʔùaʔ] (пали) — ๑๑-[ʔùaʔ] (санс.) ‘низкий статус’.

18. ๑๑-[ʔùʔ pàʔ] (пали) — ๑๑-[ʔùʔ pàʔ] (санс.) ‘статус ниже чего-нибудь или кого-нибудь’, ‘вице’.

Исконно тайских префиксов в тайском языке нет. Наличествуют только 1) префиксы, заимствованные из пали/санскрита, и 2) первые/начальные части сложных слов (тай. คำประกอบหน้า [kʰam prǎʔ kò:p nâ:] / คำนำหน้า [kʰam nam nâ:] [พจนานุกรม 2012: 82], которые используются регулярно и могут быть определены как префиксоиды или полупрефиксы (по аналогии с теми языками, в которых подобные префиксоиды существуют).

Другие исконно тайские или заимствованные препозитивные форманты, которые могут выполнять функцию префикса, можно квалифицировать как префиксоиды: การ- [ka:n], ความ- [kʰwa:m], นัก- [nák], ผู้- [pʰù:], ชาว- [tʰa:w] и др. Если проводить аналогии, множество префиксов и префиксоидов в тайском языке соответствует суффиксам в русском языке: นักดนตรี [nák|don tri:] — музыкант; ความรู้ [kʰwa:m|rú:] — знание; การปรับโครงสร้างใหม่ [ka:n|prǎp kʰro: ɲót rá:ɲ mǎj] — переконструирование, но в некоторых случаях они могут соответствовать префиксам или префиксоидам в русском языке, например: ปฏิกษัตริย์นิยม [pà ti|ksət ríʔ níʔ jom] — анти|монархизм; อธิภาษาศาสตร์ [ʔà pʰíʔ pʰa: sǎ: sà:t] — мета|лингвистика, อธิปรัชญา [ʔà pʰíʔ|p rát ja:] — мета|физика.

Очевидная особенность при определении статуса префиксоида в тайском языке заключается в том, что отдельные слова, такие как แม่- [mê:] ‘мать’, พ่อ- [pʰô:] ‘отец’, ลูก- [lú:k] ‘ребенок, дети’, ค่ำ- [kʰá:] ‘кал’, по нашему мнению, могут становиться префиксоидами в том случае, когда они теряют свои исходные или прямые значения, т. е.

mí- [mê:] теряет значение «мама» и приобретает значение «главное, определение женского пола», kún- [lú:k] теряет значение «ребенок или дети» и приобретает значение «димиутивность/ уменьшительно-ласкательное», k̄- теряет значение «кал» и приобретает значение «димиутивность, пейоративность», — m̄k̄ [mê: kʰá:] ‘повариха’; k̄n̄ [lú:k|káj] ‘цыпленок’; k̄m̄ [kʰí:|mek] ‘облачка’. Приобретенные дополнительные или новые значения у префиксальных производных существительных модифицируют значения производящих слов. В результате образованные префиксальные производные получили модификационные значения (словообразовательное значение в семантико-функциональном аспекте) [Чусуван 2021 (б): 12].

В особых случаях, если такие отдельные слова соединяются с другими словами и сохраняются их исходные или прямые значения, полученные новые слова не являются префиксальными производными и образуются способом синтаксического словосложения: k̄n̄ [kʰí:|káj] (птичий помет); m̄di t̄n̄ h̄m̄ [mê: di: t̄n̄ h̄m̄] (мама DJ (диск-жокей) Тонхома: собственное имя, Р. п.).

Интересно отметить, что препозитивные форманты иногда придают производным существительным новые значения, несвязанные со значениями их производящих слов: s̄m̄ m̄t̄ t̄i? [s̄m̄ m̄t̄ t̄i?] ‘лже-, псевдо-’ + k̄n̄ [tʰá:n] ‘основа, помещение, место’ = s̄m̄ m̄t̄ t̄i? | k̄n̄ [s̄m̄ m̄t̄ t̄i? | tʰá:n] ‘гипотеза’; k̄h̄j h̄ [kʰuj hò] ‘тайный, таинственный, скрытый, закрытый’ + r̄á? t̄h̄:t̄ [r̄á? t̄h̄:t̄] ‘страна’ = k̄h̄j | r̄á? t̄h̄:t̄ [kʰuj hò | r̄á? t̄h̄:t̄] ‘половой орган (королевский тайский язык)’. Такие префиксальные производные существительные обладают (абсолютным) мутационным значением. Мутационное словообразовательное значение свойственно производным, обозначающим иное понятие по сравнению с тем, которое выражается производящим [Трубицина 2012]. В русском языке префиксоиды лже-, псевдо-, анти- и др. могут образовать префиксальные производные существительные с абсолютным мутационным значением, например: псевдо|вектор ‘величина, компоненты которой преобразуются как вектор при поворотах системы координат, но меняющие свой знак на противоположный’; анти|вещество ‘вещество, которое состоит из античастиц и стабильно не образуется в природе’, которые чаще всего используются в специальных терминах.

Определенные префиксоиды в тайском языке позволяют образовать префиксальные производные существительные с мутационным значением в лексико-семантических группах «определение лица, выполняющего какое-л. действие», «определение лица с ука-

занием на происхождение, национальную принадлежность». Приведем примеры: ผู้- [p^hû:] + เขียน [k^hɿ:an] = ผู้เขียน [p^hû:k^hɿ:an] ‘тот, кто написал/ автор’; นัก- [nák] + เขียน [k^hɿ:an] = นักเขียน [nák|k^hɿ:an] ‘писатель’; ชาว- [tɕ^ha:w] + รัสเซีย [rát si:a] ‘русский/ российский, Россия’ = ชาวรัสเซีย [tɕ^ha:w|rát si:a] ‘русский, россиянин’. Мутация у префиксальных производных существительных, мотивированных глаголами и прилагательными (редко существительными), квалифицируется нами как неабсолютная мутация.

Важно отметить, что в одном префиксальном производном существительном могут обнаруживаться одновременно модификационное и мутационное значения: แม่- [mê:] + ด้ว [lá:w] ‘стойло’ = แม่ด้ว [mê: lá:w] ‘сутенерша’ (модиф: определение женского пола/ мутац: новое значение), พ่อ- [p^hô:] + ครัว [k^hɽu:a] ‘кухня’ = พ่อครัว [p^hô:k^hɽu:a] ‘повар’ (модиф: определение мужского пола/ мутац: определение лица, выполняющего действие или занимающегося каким-л. делом).

Помимо модификационного и мутационного значений, в тайском языке имеются префиксоиды, участвующие в образовании префиксальных производных существительных с транспозиционным значением. «Транспозиция характеризуется изменением лексического значения, т. е. она связана с появлением у производного слова параллельно и новой лексической характеристики, и нового синтаксического значения» [Лукьянова 2017: 263; цит по Чусуван 2021 (а): 93].

У префиксальных производных, значения которых тождественны во всех компонентах значению производящих слов за исключением части речи, отмечается транспозиционное словообразовательное значение, которое появляется обычно в лексико-семантических группах «выражение процесса, действия чего-либо» и «выражение абстрактности и признака чего-л.». В тайском языке префиксоид การ- [ka:n] выражает процесс и действие, в то время как префиксоид ความ- [k^hwa:m] — абстрактность и признак: การ- [ka:n] + ก่อสร้าง [kò:sâ:ŋ] = การก่อสร้าง [ka:n|kò:sâ:ŋ] ‘построение’; ความ- [k^hwa:m] + ชื้น [tɕ^hú:n] ‘влажный’ = ความชื้น [k^hwa:m|tɕ^hú:n] ‘влажность’.

В понимании многих тайских лингвистов, префиксоиды การ- [ka:n] и ความ- [k^hwa:m] рассматриваются как первые части сложных имен существительных действия и состояния (тай. การนาม [ʔa: ka: rá na:m]), которые прибавляются к производящим словам (являющимся глаголами, прилагательными и наречиями) [อุปกิตศิลปศาสตร์ 1996: 77; จินเลศ 2006: 191], а в терминологии Л. Н. Морева они были классифицированы как субстантивизирующие префиксы [Морев 1991: 118].

Префиксоиды การ- [ka:n] и ความ- [k^hwa:m] могут образовывать новые дериваты от глагольного словосочетания. Рассмотрим примеры: การ- [ka:n] + เดินเล่น ‘гулять’ [dɤ:n lɛn] + อย่างสม่ำเสมอ [ʔà jà:ŋ sà mǎm sɛ: mɔ:] ‘регулярно’ = การ|เดินเล่นอย่างสม่ำเสมอ [ka:n dɤ:n lɛn ʔà jà:ŋ sà mǎm sɛ: mɔ:] ‘регулярная прогулка’; ความ- [k^hwa:m] + ไม่ [mâj] ‘не/без’+ เข้าใจ [k^hâw tɕaj] ‘понять’+ กัน [kan] ‘взаимо...’ + ใน [naj] ‘в’ + ครอบครัว [k^hrô:p k^hru:a] ‘семья’ = ความ|ไม่เข้าใจกันในครอบครัว [k^hwa:m mâj k^hâw tɕaj kan naj k^hrô:p k^hru:a] ‘без взаимопонимания в семье’. Затрагивая вопрос о синтаксической структуре, следует подчеркнуть тот факт, что усечение префиксоидов การ- [ka:n] и ความ- [k^hwa:m] не приводит к потере их значений в упомянутых лексико-семантических группах и транспозиционного словообразовательного значения в целом, например: การ|เดินบ่อยๆ ทำให้เรามีสุขภาพดี [ka:n dɤ:n bò:j bò:j t^ham hâj raw mi: sùk p^hâ:p di:] ‘регулярная прогулка обеспечивает хорошее здоровье’; ลูกๆไม่ยอมเชื่อฟังพ่อแม่เพราะความ|ไม่เข้าใจกันในครอบครัว [lú:k lú:k mâj jɔ:m tɕ^hú:faŋ p^hó: mé: p^hrɔʔ k^hwa:m mâj k^hâw tɕaj kan naj k^hrô:p k^hru:a] ‘Дети не прислушиваются к родителям из-за отсутствия взаимопонимания в семье’.

Субстантивная префиксация в тайском языке может проявляться в виде множественной префиксации, в процессе которой к одному производящему слову (сущ.) могут добавляться еще многие другие префиксы или префиксоиды отдельно или в виде составного префикса или префиксоида, например: อภิ- [ʔà p^hi] + มหา- [m hà:] + คอร์รัปชั่น [k ʔà ráp tɕ^hân] ‘коррупция’ = อภิ|มหา|คอร์รัปชั่น [ʔà p^hi|m hà:k ʔà ráp tɕ^hân] ‘огромная коррупция’; พวก- [p^hú:ak] + นัก- [nák] + ศึกษา [suìk sǎ:] = พวก|นัก|ศึกษา [p^hú:ak|nák|suìk sǎ:] ‘студенты, студенчество’. Следует обратить внимание на то, что выраженное последним добавленным препозитивным формантом (префиксом или префиксоидом) словообразовательное значение имеет больший «потенциал», чем другие: префиксальный дериват พวก|นัก|ศึกษา [p^hú:ak|nák|suìk sǎ:] ‘студенты, студенчество’ состоит из двух словообразовательных значений, т.е. первое — мутационное, выраженное префиксоидом นัก- [nák] и второе — модификационное, выраженное префиксоидом พวก- [p^hú:ak], но этот префиксальный дериват обладает модификационным значением как основным словообразовательным значением.

Словообразовательные значения, однако, могут быть описаны вместе с определением структуры префиксальных производных существительных по моделям следующим образом:

1) พวก|МодифЗн [นัก|МутацЗн (неабсо.) + ศึกษา|ПроизСл] = พวก|นัก|ศึกษา|МодифЗн.1+МутацЗн2-2|ПрепФорманта;

2) ๖๓ МодифЗн + [พวณ МодифЗн [น้ก МутацЗн(неабсо.) + [นทร МутацЗн + เมือง ПроизСл]]] = ๖๓|พวณ|น้ก|นทร|เมือง МодифЗн1+МодифЗн2+МутацЗн3+МутацЗн4-4 ПрепФорманта ‘политиканы’.

Префиксоиды ๖๓- [ʔâj], ๖- [ʔi:] придают пейоративное значение префиксальным производным существительным, и в случае, если производящее слово или производящая основа является пейоративным словом, такие префиксоиды усиливают пейоративное значение.

3) ความ Транс.Зн [จี้ МодифЗн + กล้า ПроизСл] = ความ|จี้|กล้า ТрансЗн.1+МодифЗн2-2 ПрепФорманта; усечение префиксода (депрефиксация) ความ|จี้|กล้า ТрансЗн.1+МодифЗн2-2 ПрепФорманта = จี้|กล้า ТрансЗн.1+МодифЗн2-2 ПрепФорманта.

Префиксальный дериват จี้|กล้า [kʰi:k lu:a] выступает как в качестве прилагательного, так и в качестве существительного с сохранением транспозиционного значения, выраженного усеченным префиксоидом ความ [kʰwa:m], в зависимости от синтаксической конструкции. К примеру, เพราะความ|จี้|กล้าใจเขาถึงไม่ยอมรับข้อเสนอกี้ที่ท้าทายเช่นนี้ [pʰrɔʔ kʰwa:m kʰi:k lu:a ɲaj kʰǎw tʰǎj mǎj jɔ:m rǎp kʰô:sɛ: nɔ: tʰi: tʰá: tʰa:j tɛʰɛn ní:] ‘Из-за высокой степени боязни он не принял столь сложное предложение’. Префиксальный дериват จี้|กล้า [kʰi:k|lu:a] в данном контексте выполняет функцию существительного в виде префиксального производного прилагательного, но значение усеченного префиксоида ความ- [kʰwa:m] сохраняется.

Наличествуе особый случай, когда префиксальное производное существительное, образованное по модели множественной префиксации, приобретает абсолютное мутационное значение и препозитивный формант не имеет или не демонстрирует выражающего мутацию признака.

4) มหา-МодифЗн [นว-МодифЗн + ดาวПроизСл] = มห|นว|ดาว Абсол. МутацЗн. ‘Сверхновая звезда’.

Аугментативный префиксоид มห- [má hǎ] и выражающий статус и степень префиксоид นว- [n wá] (значение «новый») обычно придают модификационные значения префиксальным дериватам, но в данном контексте они вместе образуют префиксальное производное существительное มห|นว|ดาว [má hǎ:n wá da: ga:] с мутационным значением.

Результаты исследования свидетельствуют об общей роли префиксации в тайском языке и словообразовательных формантов в русском языке, например: префиксоид นทร- [ka:n] соответствует

суффиксам -ение, -ание. в русском, префиксоид kwam [k^hwa:m] — -ость, -ация в русском языке, префиксоид smút [sǒm mút] соответствует префиксоидам лже- и псевдо- в русском языке. Более того, для системы префиксации в тайском языке удалось выявить словообразовательные значения в семантико-функциональном аспекте (в ряд которых входят модификационное, мутационное и транспозиционное) сквозь призму имеющихся основных теоретических положений по русскому словообразованию.

Таким образом, сопоставительное изучение системы префиксации в тайском языке и системы префиксации в русском языке позволяет нам с уверенностью говорить, что префиксация может функционировать в независимости от установленных типов морфологической структуры (флективные, агглютинативные, изолирующие типы). Префиксация в принципе малопродуктивна в изолирующих языках, но префиксация в тайском языке (одном из изолирующих языков) обнаруживает немалую продуктивность благодаря нашему сопоставительному исследованию и точкам ближайшего соприкосновения с языками пали и санскритом — одними из наиболее ярких представителей флективных языков.

Литература

- Лукьянова 2017 — Н. А. Лукьянова. Семантический сдвиг в значении производного слова // Научный альманах.
- Морев 1991 — Л. Н. Морев. Сопоставительная грамматика тайских языков // отв. ред. А. А. Москалев. М.: Наука: Глав. ред. вост. лит., 1991.
- Трубицина 2012 — И. А. Трубицина. О характере словообразовательного значения наименований словообразовательной категории имен существительных со значением единичности [Электронный ресурс]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5107 (дата обращения: 01.05.2021).
- Чусуван 2021 (а) — К. Чусуван. Словообразовательные формы, типы и значения префиксальных имен существительных в разноструктурных языках в сопоставительном аспекте (на материале русского, немецкого и тайского языков): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2021.
- Чусуван 2021 (б) — К. Чусуван. Словообразовательные формы, типы и значения префиксальных имен существительных в разноструктурных языках в сопоставительном аспекте (на материале русского, немецкого и тайского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2021.

- กฏแก้ว 1984 — วิสันต์ กฏแก้ว. ที่มาของคำบาลีสันสกฤตในภาษาไทย และคำไวพจน์ในภาษาบาลีสันสกฤต. กรุงเทพฯ: เพ็ชรพิทยา // Висан Коткеав. Происхождения пали и санскрит в тайском языке и их синонимов. Бангкок: Изд-во Пхрэххиттайя, 1984.
- จินเลศ 2006 — น้ำเพชร จินเลศ. การจำแนกหมวดคำในคำราชาศัพท์ไทย: หลักวิธีคิดหลายทฤษฎี,วรรณวิทัศน์ // นัมพหัด Джинloed. Классификация частей речи в учебниках тайского языка (грамматика): разные точки зрения и теории: Ванวิทาด 6 (1), 2006.
- พันธุเมธา 2012 — บรรจบ พันธุเมธา. ลักษณะภาษาไทย = Structure of Thai: ТНА 101 (ТН 101) กรุงเทพฯ: ภาควิชาภาษาไทยและภาษาตะวันออก มหาวิทยาลัยรามคำแหง // Банджоб Пханмета. Структура тайского языка: ТНА 101 (ТН 101) Бангкок: Департамент тайских и восточных языков, Рамкамхенг Университет, 2012.
- มากแจ้ง 1984 — สุภาพร มากแจ้ง. ภาษาบาลีและสันสกฤตในภาษาไทย. กรุงเทพฯ: โอเดียนสโตร์ // Супхапорн Макчэнг. Пали и санскрит в тайском языке. Бангкок: Изд-во Однанстор, 1984.
- อุปกิตศิลปศาสตร์ 1996 — อุปกิตศิลปศาสตร์, พระยา. หลักภาษาไทย: อักษรวิธี วิชาภาควาทยสัมพันธ์ จันท์ลักษณะ. กรุงเทพฯ // Упакиттисิลпасат, Пхрая. Принципы тайского языка: орфография, морфология, синтаксис, просодия. Бангкок, 1996.
- เหล่าเลิศวรกุล 2006 — อนันต์ เหล่าเลิศวรกุล. บรรพที่คฐานภาษาไทย เล่ม 2: คำ กัรสร้างคำ และการเชื่อมคำ. กรุงเทพมหานคร: โรงพิมพ์คุรุสภาลาดพร้าว // Ананд Лаloedвракул. Заимствованные из пали и санкрита лексики // Норма тайского языка II: Слово, словообразование и заимствование. Бангкок: Изд.: Курусапха Ладпхрао, 2006.

К ВОПРОСУ О НАЗВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ СТОЛИЦЫ КОРОЛЕВСТВА ТАИЛАНД

Д. С. Ларцева

*Институт стран Азии и Африки,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
lartsevadarya@yandex.ru*

С 1782 г. столицей Королевства Таиланд является город Бангкок. Однако само слово «Бангкок» в тайской речи не используется. Изначально данный топоним — название небольшого поселения, на месте которого была впоследствии построена современная тайская столица¹. До 1782 г. Бангкок был небольшой деревней, население которой состояло в основном из китайских эмигрантов, занимавшихся выращиванием фруктов и овощей и доставкой их

¹ Точное происхождение топонима «Бангкок» неясно. Существует несколько версий, почему это небольшое поселение получило именно такое наименование. Первая связана с тем, что Бангкок располагается на берегу довольно извилистого участка Тяо Пхрайи, и петляющее русло реки образует в этом месте несколько островов. Существует два варианта написания изначального названия города по этой теории: «Бангко» от тайского บางเกาะ и «Бангкхок» от тайского บางโคก, что может быть переведено как «несколько островов» или «несколько холмов» соответственно. Также, согласно академическому словарю тайского языка [พจนานุกรม ฉบับราชบัณฑิตยสถาน 2555], слово บาง имеет значение «поселение у берега или обрыва», поэтому названия «Бангко» и «Бангкхок» возможно перевести как «поселение на островах» или «поселение на холмах».

Вторая теория связывает название данной местности с родом деятельности ее жителей. Китайские эмигранты, проживавшие в Бангкоке, занимались выращиванием различных фруктов и овощей. К числу выращиваемых тогда на берегах Тяо Пхрайи растений, в частности, принадлежал *Spondias mombin* — вид деревьев, более известный как момбин желтый, или ямайская слива (тайск. มะพลับ). Вероятно, это нашло отражение в наименовании города: «Бангкок» от тайского บางพลับ — «несколько сливовых деревьев».

в Аютию² [Wyatt 1984: 145–146]. Кроме того, Бангкок был важным портовым районом. Крупные торговые суда, следовавшие из Сиамского залива, не могли подниматься по довольно узкому руслу Тяо Пхрайи (Чаупхрайи)³ до Аютии, поэтому корабли приходилось разгружать в Бангкоке, где торговцы передавали свои товары для дальнейшей транспортировки, а китайцы на джонках переправляли грузы по реке в столицу королевства. Однако в 1767 г. предыдущая тайская столица, Аютия, пала под натиском бирманских войск, и генерал Таксин, возглавивший освободительное движение, принял решение о переносе столицы в Тхонбури. Столица располагалась в Тхонбури на протяжении всего периода правления Таксина, однако ему не удалось передать власть по наследству и стать основоположником новой династии. С приходом на тайский престол короля Рамы I⁴ — основателя династии Чакри — столицу перенесли на противоположный берег реки Тяо Пхрайя. Во-первых, это было сделано для того, чтобы обезопасить город с запада в случае нового нападения бирманских войск. Во-вторых, на противоположном берегу реки было больше свободного пространства для строительства. Кроме того, сам город Тхонбури не соответствовал статусу королевской столицы⁵ [Melody Rod-ari 2016: 157–161]. В результате в 1782 г. началось строительство новой столицы на восточном берегу Тяо Пхрайи, а слово «Бангкок» вышло из употребления, так как город получил новое название. Повсеместное же использование данного топонима нетайцами обусловлено тем, что на картах, составленных европейскими исследователями до 1782 г., эта местность была обозначена как “Bangkok”. После перенесения и переименования столицы данное картографическое несоответствие не было устранено, в результате чего за новой тайской столицей и закрепилось наименование «Бангкок».

Новый правитель, новая династия и новая столица. Рама I стремился отойти от модели государства, существовавшей при

² Столица государства в период с 1351 по 1767 гг.

³ Здесь и далее в статье автор использует данный вариант транслитерации названия реки (тайск. เจ้าพระยา), так как считает его фонетически наиболее близким к оригинальному тайскому звучанию.

⁴ Так в европейской традиции принято называть тайских королей династии Чакри.

⁵ Например, деревянный королевский дворец Таксина располагался на небольшом участке земли между храмами Ват Арун и Ват Тха и считался скромным, не подходящим для короля.

Таксине, поэтому за основу была взята более ранняя Аютийская традиция. Изначально Бангкок задумывался как новая Аютия, новый идеальный центр тайского государства — город, построенный в соответствии с принципами мандалы⁶ и буддийской космологии, отражающий представления о столице как о сердце государства. Символом власти в городе и центром этой системы является королевский дворец. Место для его строительства в Бангкоке было выбрано отнюдь не случайно: дворец должен был максимально соответствовать Большому дворцу в Аютии — как по внешнему, внутреннему виду и архитектурному плану, так и по особенностям его расположения. Вокруг участка для предполагаемого дворца были вырыты каналы. Они образовали остров Раттанакосин, подобный тому месту, на котором располагался королевский дворец в предыдущей столице. Каналы были вырыты не только в качестве транспортных артерий; им придавалось и символическое значение — это были как бы оси симметрии в системе мандалы как схемы города. Чтобы еще больше упрочить связь двух столиц, в Бангкоке, помимо обращения к традиционной символике, при строительстве были использованы кирпичи, привезенные из почти полностью сожженной Аютии⁷. Они были уложены в основание крепостных стен вокруг острова Раттанакосин, которые также выполняли как чисто практические, так и символические функции. Символизм в данном случае заключался в том, что стена отделяла внутренний «покой» города от внешнего «хаоса». Все это укрепляло статус Бангкока как преемника Аютии. В число символических заимствований также вошло и соответствующее столице название.

С переносом столицы на территорию современного Бангкока город получил название «Раттанакосин» (тайск. รัตนโกสินทร์)⁸. Однако оно было неподобающим для столицы Королевства, поэтому в 1786 г., во время коронации Рамы I на церемонии благословления города, приуроченной к окончанию строительства дворцового комплекса, городу было дано новое имя, соответствующее высокому

⁶ Мандала (тайск. มณฑล «монтхон») — симметричная геометрическая система, представляющая собой модель космоса в буддийских представлениях. Ее центр символизирует священную гору Меру, а части равноудалены друг от друга и симметричны. Мандала является мистической метафорой структуры управления тайским государством.

⁷ По приказу Рамы I уцелевшие здания были разобраны, а полученные материалы были доставлены в строящийся город.

⁸ По названию острова, на котором строился дворцовый комплекс.

статусу королевской столицы: «Крунг Раттанокосин ино Йотхайа» (тайск. กรุงเทพมหานครอินทชัย). Эта традиция также восходит к Аюттйскому периоду, когда полное название столицы звучало «Крунг Тхеп Маханакхон Буан Тхваравати Си Аюттхайа Махадиллок Ноппхарат Ратчатхани Буриром» (тайск. กรุงเทพมหานคร บรรพารวดีศรีอยุธยา มหาฉลภ นพรัตนราชธานี บูรีรมย์), что можно перевести как «Столица богов, великий город, вечный Дваравати⁹, процветающая Аюттия, высшая точка мира, хранилище девяти королевских драгоценностей (наваратна), королевская столица, удивительный город»¹⁰. Название Аюттии недвусмысленно намекало на то, что эта столица является преемницей и наследницей традиций Дваравати. Кроме того, название указывало на то, что в городе хранились девять священных драгоценных камней (Наваратна): рубин, жемчуг, красный коралл, изумруд, цитрин, бриллиант, сапфир, гранат и кошачий глаз. Эти драгоценности наделены важным ритуальным значением, поскольку каждый из минералов соответствует реальному или мифологическому небесному светилу: Солнцу, Луне, Марсу, Меркурию, Юпитеру, Венере, Раху и Кету. История этих символов восходит к ведическому учению. Считается, что эти драгоценные камни оказывают некое влияние на поведение людей и должны защищать город от различных бед. С началом Бангкокского периода девять драгоценных камней были перемещены в новую столицу, а позднее стали символом королевской власти династии Чакри [Brown 2005: 1–11].

Назвав таким образом город, новый король лишней раз подчеркнул преемственность аюттйских традиций. Однако название, данное Рамой I, не стало окончательным и несколько раз менялось [Melody Rod-ari 2016: 164]. При короле Раме III название было изменено на «Крунгтхеп Маханакхон Буанраттонакосин Махинтхо Аюттхайа» (тайск. กรุงเทพมหานคร บรรรัตนโกสินทร์ มหินทรอยุธยา), что может быть переведено как «Столица богов, великий город, божественное месторасположение Изумрудного Будды, непобедимая земля». Король Рама IV в свою очередь изменил слово «Буан» (тайск. บรร «божественный») на «Амон» (тайск. อมร «бессмертный, вечный»), посредством комбинации слов «непобедимая земля» заменил фразу Махинтхо Аюттхайа (тайск. มหินทรอยุธยา) на фразу Махин Тхарайутхайа (тайск. มหินทรายุทธยา), а также изменил написание слова «Син» สิม (тайск.) на สินทร์ (тайск.) в словосочетании Раттонакосин [กรมศิลปากร

⁹ Одно из первых монских государств, существовавших на территории современного Таиланда в IV–XI вв.

¹⁰ Переведено автором.

2542: 36–38]. Также можно заметить, что в наименовании появляется фраза «божественное месторасположение Изумрудного Будды». Эта буддийская реликвия была перевезена на территорию современного Таиланда королем Таксином и хранилась в Тхонбури, откуда позднее была перемещена в Бангкок Рамой I. По указу первого короля из династии Чакри для статуэтки Изумрудного Будды был построен храм Ват Пхракеу (тайск. วัดพระแก้ว) на территории Большого Дворца [Ringis 1990: 151]. На данный момент Изумрудный Будда является главной реликвией Таиланда и символом королевской власти. Закрепление данного факта в названии столицы сыграло важную роль в становлении Бангкока еще и как религиозного центра региона.

Таким образом, с учетом всех изменений окончательный вариант названия столицы звучит как «Крунг Тхеп Маханакхон Амон Раттанакосин Махинтхораюттхая Махадиллок Пхопноппхарат Ратчатхани Буриром Удомратчанивет Махасатхан Амонпхиман Аватансатхит Саккатхаттия Витсанукам Прасит»¹¹ (тайск. กรุงเทพมหานคร อมรรัตนโกสินทร์ มหินทรายุธยามหาดิลก ภพนพรัตน์ ราชธานีบุรีรมย์ อุดมราชนิเวศน์ มหาสถาน อมรพิมาน อวตารสถิต สักกะทัตติยะ วิษณุกรรมประสิทธิ์), что может быть переведено как «Столица богов, великий город, вечное месторасположение Изумрудного Будды, непобедимая земля, высшая точка мира, хранилище девяти королевских драгоценностей (наваратна), королевская столица, великое место процветающего королевского дворца, вечный рай, рожденный на земле и воздвигнутый Вишну по повелению Индры». Современное название города «отсылает» к привезенным в столицу реликвиям: статуе изумрудного Будды и девяти драгоценным камням (Наваратна), закрепляя тем самым право тайцев на обладание ими¹². Кроме того, название определяет королевский дворец как еще один символ государства и королевской власти. В свою очередь, указание на то, что город был построен «Вишну по повелению Индры», еще больше подчеркивает статус Бангкока как религиозного центра, поскольку, согласно легенде, он был сооружен верховными божествами индуистской мифологии, крайне важными для тайской культуры.

Итак, название тайской столицы — это не просто набор слов; каждое из них несет в себе глубокий сакральный смысл. Считается,

¹¹ На данный момент название Бангкока является одним из самых длинных топонимом в мире.

¹² Между Таиландом и Лаосом до сих пор ведутся споры о том, где должна храниться данная буддийская реликвия.

что эти слова обладают магической силой, которая должна поддерживать существование тайского государства. Существующее официальное название города показывает, насколько в Бангкоке сильно влияние традиции, объясняет важность, особое место и роль столицы в системе государственного управления. Бангкок — не просто город и провинция, это символ власти, сердце тайского государства. В основе его, несмотря на китайское или европейское влияние, лежит традиция. Она находит отражение не только в использовании традиционного названия, но и в структуре самого города. К примеру, только ввиду своего важного символического значения сохраняются как средство передвижения каналы — несмотря на дороговизну и неудобство их обслуживания; районирование города произведено по определенной системе; большинство важных зданий ориентированы по сторонам света; архитектура сохраняет некоторые традиционные детали. При этом характерные черты традиционного города сочетаются с футуристичным обликом современного Бангкока; новые элементы не вытесняют традиционные, напротив, они как бы «наслаиваются» друг на друга и являют собой прекрасные образцы эклектики. Кроме того, эта смесь «современного» внешнего облика и «традиционной» основы объясняет хаотичность, а порой и архаичность городской структуры.

Литература

- Морев 1964 — Л. Н. Морев. Тайско-русский словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1964.
- Ascew 2002 — Marc Ascew. Bangkok: Place, Practice and Representation. London: Routledge, 2002.
- Baker, Phongpaichit 2014 — Chris Baker, Pasuk Phongpaichit. A History of Thailand. Cambridge University Press, 2014.
- Brown 2005 — Richard Shaw Brown. Ancient Astrological Gemstones & Talismans: The Complete Science of Planetary Gemology Compiled in Asia 1975.
- Melody Rod-ari 2016 — Beyond the ashes: the making of Bangkok as the capital city of Siam // Political Landscapes of Capital Cities: Melody Rod-ari. University Press of Colorado, 2016.
- Van Roy 2011 — Edward Van Roy. Rise and fall of the Bangkok mandala. Bangkok, Chulalongkorn University, 2011.
- Ringis 1990 — Rita Ringis. Thai Temples and Temple Murals. Singapore: Oxford University Press, 1990.
- Wyatt 1984 — David K. Wyatt. Thailand: A Short History.

กรมศิลปากร 2542 — คณะกรรมการจัดงานสมโภชน์กรุงรัตนโกสินทร์ 200 ปี จัดพิมพ์เป็นที่ระลึกเนื่องในโอกาสสมโภช
กรุงรัตนโกสินทร์ 200 ปี พุทธศักราช 2525, จดหมายเหตุการอนุรักษ์กรุงรัตนโกสินทร์ กรมศิลปากร, 2525.
กรุงเทพมหานคร. จากเทศบาลกรุงเทพมหานคร 2542.
พจนานุกรม ฉบับราชบัณฑิตยสถาน 2555 — พจนานุกรม ฉบับราชบัณฑิตยสถาน. พ.ศ. 2555 [ทรัพยากรอิเล็กทรอนิกส์].
URL: <https://dictionary.orst.go.th/> (สืบค้นเมื่อวันที่ 19.11.2020).

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ТАИЛАНДА В ТЕРМИНАХ КОНЦЕПЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ПРИСУТСТВИЯ Х. У. ГУМБРЕХТА: ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА НИРАТ

В. Н. Мальшев

*Кафедра эстетики и философии культуры, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург
st012812@student.spbu.ru*

1. Введение

В данной статье представлено небольшое исследование, посвященное трансформации («модернизации») культуры Таиланда в конце XIX — начале XX в., проявившейся, в частности, в изменениях традиционного поэтического жанра нират. Это, скорее, апробация концепции немецкого философа Х. У. Гумбрехта¹ на тайском материале, причем другие проявления культуры Таиланда заслуживают, как кажется, рассмотрения сквозь призму этой концепции не в меньшей мере.

Исследование разделено на две основные части: первая касается самого нирата как поэтического жанра и включает краткое описание классических образцов этого жанра (таких как Камсуан Сипрат, Нират Лондон (Принц Рачотай) и Нират Прабат Сунтона Пху), основанное на работах специалиста по ниратам В. А. Ивановой. Вторая часть представляет собой попытку определить общую тенденцию в эволюции жанра нират в контексте эволюции тайской культуры от «культуры присутствия» к «культуре значения» — на основании, как уже было сказано, концепции Ханса Ульриха Гумбрехта, который в своем труде «Производство присутствия: чего не может передать значение»

¹ Данная концепция представлена в книге Х. У. Гумбрехта «Производство присутствия: чего не может передать значение».

разделяет традиционный нарратив присутствия в культуре с телологическим началом и современный европейский концепт смысла, значения, ценности.

Целью нашей работы стала попытка доказать, что изменения, которые затронули все области тайской культуры, по своей природе радикальны и объясняются инициированным сверху переходом от традиционной культуры с пространственным отношением к миру к модернизированной культуре, в которой категории времени и значения становятся главными.

Согласно Гумбрехту, сейчас мы — носители европейской культуры — существуем не в мире вещей, а в мире знаков, которые необходимо расшифровать. Он направляет свою критику одновременно против метафизики, герменевтики, картезианского мировоззрения, субъектно-объектной парадигмы и практики интерпретации, утверждая, что ошибаются те, кто не видит альтернативы этим инструментам взаимодействия с реальностью. По его словам, западная культура «отвлекается от присутствия». Можно предположить, что и восточная культура также отвлекается от присутствия, вслед за западной.

Одной из первооснов сиамской культуры является буддизм тхеравады. При этом дифференциация между придворной культурой и народной, основывающейся на локальных мифах и верованиях, была велика, но в целом они не конфликтовали, а органично осмыслили друг друга [Мельниченко 1996]. Со второй половины XIX в. и даже раньше культурная жизнь тайского общества претерпела ряд изменений, внесенных королями Монгкутом и Чулалонгкорном. Именно они, подвизавшись в различных поэтических жанрах, определили путь развития как придворной литературы, так и — впоследствии — массовой культуры страны в направлении «вестернизации и сиамизации» (по словам тайского исследователя) [Rutnin 1975], т. е. создания органичного национального гибрида, который можно сравнить с Реставрацией Мэйдзи в Японии. Результатом стало забвение традиционных культурных форм или их возрождение в новой форме: например, поэзия, несколько утратив буддийскую сакральность и созерцательность, приобрела взамен яркое социальное звучание. Мы можем проследить за этими изменениями в эволюции жанра нират.

2. Три примера нирата

Нират — это стихотворение, написанное в дороге, в отъезде, проникнутое чувством тоски от вынужденной разлуки; жанр, напоминающий европейскую элегию. Данный термин («нират») имеет санскритское происхождение и представляет собой адаптацию слова “nirāśa” — ‘безнадежный, бесстрастный’.

1. «Камсуан Сипрат». Признанным образцом, эталоном жанра стал нират «Камсуан Сипрат», или «Плач Сипрата» придворного поэта Сипрата, произведение второй половины XVII в. Это сакральный по своей сути текст, богатый заимствованиями из санскрита, пали, древнекхмерского языка и насыщенный рачасапом — т. н. «королевской лексикой». Начинается произведение с воздаяния хвалы небесам, Будде и Аютии. Сипрат употребляет возвышенные литературные сравнения, он соотносит себя и возлюбленную с лирическими героями Рамаяны Рамой и Ситой. По словам В. А. Ивановой, «место и время в нирате осязаемы и составляют единую канву поэмы» [Иванова 2018]: вместе с героем мы путешествуем во времени, то обращаясь к воспоминаниям, то возвращаясь в реальность. Эта осязаемость времени и асинхрония — важная деталь: поэт приглашает погрузиться вместе с ним в его бытие, в его восприятие временного потока, не ставя, по-видимому, перед читателем никакой иной задачи. Для этой же цели используется изобилие внесюжетных элементов: описание картин быта, местных традиций и природы занимают большую часть текста и позволяют как бы присутствовать «в поэме» вместе с автором. При этом позиция главного героя пассивная: он не творец, а созерцатель, совершающий вынужденное путешествие. «Он способен только переживать, стелать и плакать, находясь в состоянии бессилия, пустоты и бессмысленности» [Иванова 2018: 49]. Вынужденность разлуки и путешествия — изначально общее место для нирата (этим и вызвано чувство тоски), хотя такое вынужденное путешествие можно воспринимать и как метафору жизненного пути в культуре присутствия: однако затем на смену приходит деятельностный поиск культуры значения, и мотив страдания и разлуки отходит на дальний план.

2. «Нират Прабат». Следующий нират — Нират Прабат — написан великим тайским поэтом Сунтоном Пху в 1807 г. по европейскому летоисчислению, когда поэту был 21 год. Исследователи отмечают его роль в изменении канонов жанра: Сунтон упростил стихотворный размер написания ниратов, перейдя от кхлонга с его

сложной системой внутренних рифм на более простой клон, кроме того, стала меняться цель изложения, что можно наблюдать уже в раннем нирате Сунтона Пху.

В тексте нирата Прабат описывается паломничество автора — слуги сиамского принца — из Бангкока в монастырь Пхра Пхуттхабат в провинции Сарабури. Как и в случае с ниратом Сипрата, мы видим сочетание религиозного и панегирического по своей сути характера произведения с мотивом гнетущей тоски по возлюбленной, однако нират Прабат при этом гораздо более социально ориентирован: описание попутчиков, детали жизни придворных, самого принца и крестьян, характеристика представителей народа мон, исторические детали о посещаемых ими в пути местах. Кроме того, нират содержит поучения и наставления от автора в сочетании с покаянным самоуничтожением, сожаление о разрушающихся храмах, а в конце указана цель создания произведения — «для общего блага». В целом созерцательный тон начинает сменяться призывным, автор обращается к читателю с определенным посылом.

3. «Нират Лондон». Третье произведение, также проанализированное В.А. Ивановой — Нират Лондон принца Рачотхая, созданный в 1860 г. на основании дневниковых записей, сделанных принцем во время посольства в Великобританию. Это произведение также считается поворотным в эволюции жанра Нират — оно служит образцом для появления ниратов нового времени. Акцент повествования окончательно смещается с внутренних переживаний героя на внешний план, нират становится просвещающим, сообщает читателю интересные сведения и наблюдения автора. Вступительная часть, восхваляющая Будду и город, отсутствует. Взамен приводятся четкая хронология и географические данные, а эмоциональную нагрузку поэмы несет экзальтированное удивление многочисленным европейским «странностям». Автор вроде бы вынужденно разлучается с любимой и друзьями, но в этом расставании уже не выглядит покоряющимся обстоятельствам: «внутреннее желание побудило меня выразить верность королю и столице» [Иванова 2017: 26]. Читатель уже не просто присутствует с автором, но познает вместе с ним. При сохранении формы, т.е. жанра нират, содержание меняется коренным образом, и, отправляясь в Европу, принц волей-неволей навсегда переступает границу двух культур: культуры присутствия и культуры значения. Отныне автор нирата взывает к публике.

Итак, мы можем видеть, какого рода изменения происходят в жанре. Раньше это было художественное описание переживаний

лирического героя, красот природы и в целом места пребывания героя — со ссылками на Рамаюну, с умалением роли автора, — но затем нират становится остросоциальным высказыванием конкретного человека, например, военного (нираты Туап Хунсакун) [Иванова 2018].

Роль Рамаяны (или «Рамакиен») как сакрального текста постепенно теряется, созерцательная позиция повествователя уступает место рефлекслирующей, назидательной и каталогизирующей — словом, активной.

Асинхрония, нелинейность повествования, отмеченная у Сипрата, может быть, и не является общей чертой ранних ниратов, но явно симптоматична. Вот как объясняет такое восприятие времени Х. У. Гумбрехт [Гумбрехт 2006: 184]: у разума в культуре присутствия не было господствующего представления ни об истории как бесконечной цепочке причин и следствий, ни о непреодолимой пропасти между прошлым и настоящим. Поэт в такой культуре вполне может быть реальным воплощением героя Рамаяны, если он не является сам ни причиной, ни следствием, но фактом. Эту разницу можно увидеть даже в практике названия городов: Чианг Май — «Новый город» — назван так в смысле возрождения на новом месте столицы королевства Ланна, здесь «новый» имеет значение «перерожденный». Прошлое как будто бы всегда может повториться. Нью-Йорк — «Новый Йорк» — назван так в качестве альтернативы «Старому Йорку», для параллельного существования двух «Йорков» в едином времени.

3. Эволюция жанра как свидетельство смены культур

Наследие буддизма использовалось не только в качестве культурного базиса, но и в качестве идеологического и культурного противовеса экспансии европейских держав [Волкова 2019]. Однако затем при содействии Рамы IV и Рамы V происходит синтез западной и сиамской культур, модернизация, суть которой прослеживается в изменениях, постигших, в частности, жанр нират, хотя короли, сохраняя преемственность традиций, занимаются адаптациями Рамакиен.

По Гумбрехту, для человека культуры значения характерны следующие формы присвоения мира: поедание (как приобщение субъекта и объекта) и проницание (поиски значения с дистанцией

между субъектом и объектом). Вот как Чулалонгкорн рекомендует знакомиться с ниратом собственного сочинения: «... следует читать во время еды — одной строфе на каждый прием пищи» [Chitkasem 1972]. Для короля нират имеет смысл по крайней мере в качестве развлечения — он считает необходимым даже дать инструкцию пользования ниратом, пусть и ироническую. В культуре присутствия же мир не присваивается. То, что в Европе называют «запоздало-ускоренным путем развития тайской литературы», развития культуры под покровительством Монгкута, Чулалонгкорна и Ва-чиравуда, оказывается не развитием, а сменой культур, сменой нативной культуры присутствия на европейскую культуру значения с национальным колоритом. Однако нет необходимости рассматривать это как негативный процесс, мы лишь стараемся установить специфику изменений.

Аналогичные изменения прослеживаются в тайской танцевальной драме и драматической литературе Таиланда: как отмечает К. Б. Волкова, и королевский, и народный традиционный театр существовал в Сиаме изначально как религиозный ритуал [Волкова 2019]. Даже в эпоху смены религиозных мировоззрений архаичный и ритуальный компоненты театра оставались практически неизменными. Однако принц Дамронг Ратчанупхап (1862–1943 гг.), первый серьезный исследователь тайской драмы («Истоки театра Инао»), отмечал уже в начале XX в., что «зрелищные формы, имеющие индийское происхождение, почти полностью утрачены, а традиции народного театра сохранились лишь в виде придворного театра лакхон най, который, к тому же, подвергся вторичной индуизации».

Традиционный тайский театр неоднозначно воспринимался европейским зрителем; например, русский путешественник Григорий де Воллан, посетивший Сиам в 1892 г., следующим образом охарактеризовал театральное действо: «О грации в европейском вкусе тут не может быть и речи», «вакханалия», «безобразный шум» [Де Воллан 1895: 368].

Рама V, помимо попыток возродить традиционный лакхон най, ввел при дворе новый жанр — Лакхон Пхут, или разговорную драму наподобие европейской, и сам занимался постановками первых пьес. Героями его драм были не только королевские особы, но и простые люди, даже аборигены (лесные жители в пьесе «Нго Па»). «У них [Нго Па] разумное мышление и отличная память, что характерно для народов, у которых нет письменной

литературной традиции. Немного стеснительные и совсем не жестокие по своей природе», — пишет Чулалонгкорн. Так на смену традиционному театру приходит тайский театр Нового времени, основная отличительная черта которого — отсутствие религиозного компонента и изменение его функции от ритуальной к социально-политической. Последствия изменений в театре негативно оценивали, как ни странно, даже европейцы. Немец Келлерман, автор путевых заметок об Азии, в 1930 г. писал: «Голливуд сожрал сиамский театр... Спасения нет» [Келлерман 1930: 185].

Таким образом, модернизация тайского общества, проведенная в конце XIX — начале XX в., носила аспект культурной вестернизации в сочетании с акцентуацией национальных черт, и может описываться как переход от одной культуры к другой: от культуры, в которой отношение к миру основано на присутствии в нем, к культуре толкования и смысла. Похоже, что изменения, происшедшие в жанре нират и в тайских национальных видах театра, которые позволили некоторым говорить об их упадке к XX в., можно объяснить сквозь призму концепции Ганса Ульриха Гумбрехта, а именно — как трансформацию жанров в попытке адаптироваться к новым культурным реалиям, в которых поиски смысла и значения стали преобладающими. Удалась ли эта трансформация — вопрос открытый, но сам Гумбрехт определяет искусство вообще как баланс между смыслом и присутствием, и остается надеяться, что баланс этот рано или поздно будет достигнут.

Литература

- Волкова 2019 — К. Б. Волкова. Тайская традиция и европейское влияние в литературе Таиланда: драматургия Вачиравуда (1881–1925). Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2019.
- Гумбрехт 2006 — Х. У. Гумбрехт. Производство присутствия: чего не может передать значение. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2006.
- Де Воллан 1895 — Г. де Воллан. По белу свету: Путевые заметки. Ч. 2: Бирма, Ява, Китай, Тонкин, Кохинхина, Камбоджа, Сиам. СПб.: 1895.
- Иванова 2017 — В. А. Иванова. Путешествие в Лондон (“Нират Лондон”) тайского принца Рачотхая (1819–1867) как пример модификации жанра нирата в литературе Таиланда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, № 2–2 (68), 2017.
- Иванова 2018 — В. А. Иванова. Лирическая поэма «Камсуан Сипрат» и становление жанра тайской литературы нират. Москва, 2018.

- Келлерман 1930 — Бернгард Келлерман. Малый Тибет, Индия, Сиам. Москва-Ленинград: Земля и фабрика, 1930.
- Мельниченко 1996 — Б. Н. Мельниченко. Буддизм и королевская власть. СПб.: Издательство СПбГУ, 1996.
- Chitkasem 1972 — Manas Chitkasem, Dr. Emergence And Development Of Nirat Genre, 1972.
- Rutnin 1975 — Mattani Rutnin, ed. The Siamese Theatre: A Collection of Reprints from the Journal of the Siam Society. Bangkok: The Siam Society, 1975.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ЛАОСЕ: ВОЙНА, МИР И ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ СИЛ

В. А. Носов

*Кафедра конфликтологии, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург
troghil@yandex.ru*

Масштабный военный конфликт в Лаосе представляется интересным случаем стимуляции конфликта усилиями извне. Во многом его ход определяли конфликты в регионе и невольная «втянутость» страны в конфликтное взаимодействие других государств (японско-французский, вьетнамско-французский, вьетнамско-американский конфликты), а происходящее внутри страны являлось следствием или отражением процессов, берущих начало за ее пределами. Если резюмировать историю Лаоса за тридцатилетний период после окончания Второй мировой войны, нам представляется очевидным, что без участия внешних игроков конфликт приобрел бы совершенно иной характер.

Как известно, присутствие в центральной части Индокитаея французов вызвало обострение отношений с претендовавшим на те же земли Таиландом, который издавна рассматривал Лаос как территорию, населенную родственным народом и подлежащую постановке под собственный политический контроль [Mishra 2010: 91; Laos 1994: 15–16; Southeast Asia 2004: 1015–1016; Thailand 1989: 23]. Французы сыграли важную роль в борьбе против сиамской ирреденты, и первые националистические организации в Лаосе сформировались именно в рамках борьбы с этим потенциально опасным для колониального господства явлением [Stuart-Fox 1997: 55; Evans 1992: 78–79]. В дальнейшем значительное влияние на события в Лаосе оказала Вторая мировая война, особенно захватническая политика Японии в Индокитае. На завершающем этапе войны японцы, как известно, инспирировали в Лаосе и Камбодже провозглашение независимых государств. И хотя их номинальные лидеры

при первой же возможности вернулись под управление французов, сама концепция независимости не исчезла с возвращением французских чиновников. Потребовались довольно серьезные усилия. Результатом борьбы стало предоставление Лаосу ограниченной автономии, что вкупе с другими мерами позволило в значительной степени снять напряженность внутри страны [Stuart-Fox 1997: 61–63; Laos 1994: 26; Stuart-Fox 1992: 121; Evans 1992: 83; Кожевников 1979: 63–69]. Вместе с тем совершенно неочевидно, что конфликтная ситуация вообще бы сложилась, не будь внешних факторов. Все обстоятельства, силы и явления, которые специалисты относят к основным обусловившим именно такое развитие событий и стимулировавшим настолько масштабные выступления и необходимость полной смены административных практик, уже наличествовали в регионе — кроме внезапного обострения внешнеполитической обстановки и вызванных этим изменений.

В Индокитае всюду разгорался масштабный конфликт между Вьетмином и Францией, перекинувшийся на Камбоджу и Лаос. Движение «Патхет Лао», возглавившее с начала 1950-х борьбу против феодальных пережитков, и со временем занявшее весь левый фланг местной политики, обязано своим появлением во многом именно внешним факторам — как поддержке извне, так и обстоятельствам региональной политики (в первую очередь усилиям эмиссаров Вьетмина, деятельность которых поспособствовала созданию единой организации из разрозненных групп, появившихся в результате описанных выше процессов) [Evans 1992: 87, 92; Laos 1994: 29–30; Кожевников 1979: 74–75]. Справедливым представляется заметить, что едва ли в феодальном (в чем-то даже трибальном) лаосском обществе 1930–1940-х гг. марксистская идеология получила бы значительный отклик, если бы не внешние обстоятельства. Нельзя, правда, связывать появление Патхет Лао исключительно с интересом внешних сил в определенном развитии событий и появлении союзников на этой территории: не окажись его (движения Патхет Лао) сторонники способными предложить привлекательный набор идеалов, избежать расколов, догматизма, примениться к конкретным обстоятельствам, вряд ли бы ему удалось пройти весь путь, который увенчался событиями 1975 г. Декларируя своими целями социальную справедливость и экономические реформы в интересах широких слоев населения, а также доказывая свою приверженность на деле, Патхет Лао и выступало на политическую авансцену.

Подразделения Патхет Лао, пусть и немногочисленные в начале 1950-х, по мере сил помогали Вьетмину обеспечить максимально выгодное положение к решающему сражению с французской колониальной армией [Davidson 1988: 150–153, 213; Vo Nguyen Giap 1964: 63; Laos 1994: 34; Кожевников 1979: 83]. Вьетмин впоследствии позаботился о своих союзниках: на Женевских соглашениях, подписание которых завершило серию конфликтов в Индокитае, начатых после Второй мировой, Патхет Лао была представлена возможность участвовать в политической жизни (два министерских поста) [Laos 1994: 39–40; Кожевников 1979: 91, 93; Evans 1992: 109].

Легализовавшись и преобразовавшись в Патриотический фронт Лаоса [Кожевников 1979: 104], «левые» весьма успешно (с учетом таких обстоятельств) выступили на очередных парламентских выборах — вопреки тому, что оппоненты широко применяли административный ресурс и насильственные меры, а США, в частности, приложили немало усилий, чтобы помешать им и обеспечить победу своих ставленников [Laos 1994: 39; Кожевников 1979: 118–125]. Однако «левые» грамотно выстроили свою кампанию, обличая коррупционеров и критикуя неэффективность администрации, и получили в результате 32% голосов [Evans 1992: 110; Stuart-Fox M. 1992: 29, 124; Кожевников 1979: 120].

Начало 1960-х ознаменовалось уходом из жизни сразу нескольких крупных государственных деятелей, которые могли бы сгладить противоречия между «левыми» и «правыми». «Правые» интенсивно обострили обстановку, пытаясь лишить оппонентов любой возможности хоть как-то влиять на политику страны. Легальное «левое» политическое движение «Сантипхап», несвязанное с Патхет Лао, было также подвергнуто репрессиям и сошло на нет [Stuart-Fox M. 1992: 124].

Очередные выборы прошли без участия «левых» и под контролем армии, считавшейся наиболее надежным инструментом правящей группы [Кожевников 1979: 147; Evans 1992: 115; Stuart-Fox M. 1992: 110]. Таким образом, все законные пути функционирования политической оппозиции были перекрыты, тогда как сторонники и сочувствующие в массе своей сохранились, став резервом сил для «Патхет Лао» в начавшемся вооруженном конфликте, известном также, несмотря на относительно невысокую интенсивность, как вторая гражданская война.

В дополнение к обострению внутривнутриполитической обстановки с конца 1950-х Лаос оказался поневоле втянут во вьетнамский

конфликт. После нарушений подписанных в Женеве договоренностей Южным Вьетнамом Северный Вьетнам стал оказывать военную помощь повстанцам на юге страны. Через территорию Лаоса прошла т. н. “тропа Хо Ши Мина”, система путей из Северного Вьетнама в Южный, использовавшаяся для снабжения повстанческих сил в последнем. Южный Вьетнам и поддерживавшие его США, принимавшие в конфликте все более и более основательное участие, силились перекрыть этот канал снабжения, постоянно и грубо нарушая суверенитет соседних стран [Evans 1992: 113; Кожевников 1979: 130–132; Laos 1994: 42–43]. С начала 60-х конфликт в Лаосе приобрел характер прокси-войны: Северный Вьетнам и его союзники поддерживали Патхет Лао, а США, Таиланд и прикнущившие к ним страны — регулярную армию.

Вторая гражданская война завершилась относительно быстро и не в пользу «правых». В начале 1962 г. было подписано мирное соглашение между Патхет Лао, «правыми» и сторонниками нейтрального политического курса. Создавалось коалиционное правительство, предусматривавшее куда более серьезные уступки, чем присутствие в правительстве и доступ к политическому управлению, которыми «левые» согласились довольствоваться в 50-е [Stuart-Fox 1997: 124]. Таким образом, «правые» оказались в результате развязанного ими же конфликта в значительно более невыгодных для себя условиях. Причем подписывая это соглашение, «правые» пытались (при поддержке США и тайландской армии) изменить положение силой и в итоге потерпели поражение на поле боя [Laos 1994: 55; Берзин 1973: 299], однако, похоже, никаких выводов из этого поражения не извлекли.

Второе коалиционное правительство в итоге постигла та же участь, что и первое. Постоянный прессинг против оппонентов, вплоть до политических убийств, попытки изменить соотношение сил в свою пользу не вполне законными способами, постоянные угрозы организовать военный переворот, дабы силой устранить «левых» [Laos 1994: 57, 59; Stuart-Fox 1997: 126–127], — все это создавало обстановку, которая никак не способствовала нормальному функционированию государственного аппарата.

Естественным следствием такой политики стало новое обострение и очередной этап гражданской войны, третий по счету.

Зная, чем он закончился, трудно не задаться вопросом, почему курс, проводимый «правыми», был настолько негибким и выглядит теперь, с расстояния в десятилетия, совершенно

самоубийственным. Очевидно, вместе с тем, что причиной такой бelligерентной позиции является наличие мощного союзника в лице США, в середине 60-х находившегося, казалось бы, в стратегическом наступлении, способного защищать свои интересы на другом конце мира и представлявшего лаосскому военному истеблишменту совершенно непобедимым. Наверное, вкупе с продуманной стратегией нейтрализации самых популярных программных лозунгов «левых», опора на США и могла бы дать результат, но именно стратегии как таковой не прослеживается. При этом позиции «правых» серьезно подрывали очевидные коррупция, спекуляции, махинации [Кожевников 1979: 124–125; Stuart-Fox 1997: 158–159; Evans 1992: 166–167].

Конфликт затем вступил в самую горячую свою фазу. И в ней живейшее участие приняли внешние игроки. Вьетнамская армия оказывала союзникам всестороннюю поддержку, от организации политического воспитания персонала до консультаций по вопросам эффективного использования оружейных систем; порой даже играла главную роль в боевых столкновениях [Laos 1994: 43, 58]. США, со своей стороны, стали проявлять активность после Женевского соглашения, фактически взяли на содержание всю королевскую армию [Evans 1992: 101–102]. Американцы — в нарушение договоренностей — держали военную миссию [Laos 1994: 37; Stuart-Fox 1997: 117], а с 1964 г. их авиация атаковала цели в Лаосе, который по документам, чтобы не нарушать формально провозглашенный принцип уважения нейтралитета Лаоса, описывался как «крайний запад ДМЗ» [Lamy 1996: 5].

Несмотря на очевидную несоразмерность поддержки сторон конфликта к началу 1970-х, он складывался откровенно не в пользу проамериканской фракции. В первые его годы условная правительственная армия владела инициативой и пыталась проводить наступления. С конца 1967 г., потерпев несколько поражений, вынуждена была перейти к обороне, но и в ней не смогла проявить себя должным образом. Не помогло и масштабное вмешательство американцев, имевшее катастрофические последствия для мирного населения: в результате бомбардировок целые районы пришли в полное запустение, а многие регионы так и не оправались от понесенного ущерба [Clodfelter 1992: 1128–1131; Conboy 1989: 6–12; Laos 1994: 121, 268; Stuart-Fox 1997: 147]. Все эти усилия, несмотря на их масштабность, позволили «правым» лишь избежать полного поражения [Lamy 1996: 33], — поскольку никаких действий,

направленных на устранение порождающих оппозицию причин, действующая власть не предпринимала.

После вывода американских войск из Вьетнама последовал и их уход из Лаоса, и заодно полностью иссякла помощь «правым», оказавшимся в крайне невыгодной переговорной позиции. Это положение стало следствием неготовности доминирующей в социуме группы идти на компромиссы и удовлетвориться ими, искать пути взаимодействия в легальном поле, искать союзников, притом все это — полагаясь на внешнюю силу, неверно оценивая ее истинные цели. Результатом стало заключение мирного договора, до некоторой степени спасавшего лицо США, но оставлявшего их союзников один на один с оппонентами, серьезно усилившимися за время конфликта [Evans 1992: 167, 169], что и привело в конечном счете к революции 1975 г. и установлению ныне существующего в стране политического строя. Война, приведшая к этому, не была бы такой кровавой и продолжительной, если бы не влияние внешних сил, и страна не подверглась бы настолько серьезным изменениям, если бы не внешние факторы, стимулировавшие конфликт и поляризацию политических сил.

Литература

- Берзин 1973 — Э. О. Берзин. История Таиланда. Москва: Наука, 1973.
- Кожевников 1979 — В. А. Кожевников. Очерк новейшей истории Лаоса. Москва: Наука, 1979.
- Clodfelter 1992 — M. Clodfelter. Warfare and armed conflict. V. 2. London: McFarland, 1992.
- Conboy 1989 — K. Conboy. The War in Laos, 1960–1975. Oxford: Osprey Publishing, 1989.
- Davidson 1988 — P. Davidson. Vietnam at War: 1946–76. Novato: Presidio Press, 1988.
- Evans 1992 — G. Evans. Short History of Laos: The Land in Between. Crows Nest: Allen&Unwin, 1992.
- Lamy 1996 — P. Lamy. Barrel Roll, 1968–73. Maxwell: Air University Press, 1996.
- Laos 1994 — Laos. A Country Study (3rd ed.). Washington: Library of Congress, 1994.
- Mishra 2010 — P. P. Mishra. The History of Thailand. Oxford: Greenwood, 2010.
- Southeast Asia 2004 — Southeast Asia. A Historical Encyclopedia, from Angkor Wat to East Timor. Oxford: ABC Clío, 2004.

- Stuart-Fox 1997 – M. Stuart-Fox. *A History of Laos*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Stuart-Fox 1992 – M. Stuart-Fox. *Historical Dictionary of Laos*. London: Scarecrow Press, 1992.
- Terwiel 2005 – B. Terwiel. *Thailand's Political History. From the Fall of Aytthaya to Recent Times*. Bangkok: River Books, 2005.
- Thailand 1989 – Thailand. *A Country Study* (6th ed.). Washington; Library of Congress, 1989.
- Vo Nguyen Giap 1964 – Vo Nguyen Giap. *Dien Bien Phu*. Hanoi: Foreign Languages Publishing House, 1964.

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В РАССКАЗАХ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ТАЙСКОГО ПЕРЕВОДЧИКА АГЕНТСТВА ПЕЧАТИ «НОВОСТИ»

Н. Палахан

*Кафедра истории журналистики, Санкт-Петербургский
государственный университет, Санкт-Петербург
n.palakhn@spbu.ru*

Период «холодной войны» ознаменовался идеологической борьбой между странами социалистического и капиталистического лагерей во главе с Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки соответственно. В 1948 г. в составе дипломатической миссии СССР в Таиланд прибыли представители советских средств массовой информации. Начиная с этого времени Советское информационное бюро (Совинформбюро), переименованное в 1961 г. в агентство печати «Новости» (АПН), проводило активную работу с тайской аудиторией. Состав редакции пополнило множество тайских сотрудников, среди которых выделяются имена таких известных редакторов, писателей и публицистов, как Сухат Сукхонтхапхиром, Чанит Сайпрадит и Удон Тхапаносот [Палахан, Громова 2020: 738–739].

Одним из наиболее известных сторонников Советского Союза в Таиланде был Удон Тхапаносот, работавший в 1960-х гг. в Московском радио, а впоследствии — в редакции АПН в Таиланде. Пользуясь широкими связями в литературных кругах Таиланда, Удон Тхапаносот стал автором самых разнообразных публицистических материалов. С 1970-х гг. он издавал колонку «Рим суан» («У сада») под псевдонимом «Кхон Дём» («Твой знакомый») в популярном тайском журнале «Лалана». Позднее по материалам этой колонки вышел сборник рассказов, в которых неоднократно упоминается Советский Союз.

Мы рассмотрели девять рассказов, опубликованных в начале (1970–1980 гг.) в журнале «Лалана», а в дальнейшем (1995 г.) —

в сборнике рассказов «Рим суан Кхон Дём» («У сада с твоим знакомым»), в результате чего нам удалось выявить юмористическую составляющую этих текстов и ее роль в пропагандистской работе СССР в Таиланде. Мы проанализировали эти рассказы о СССР, выделили их типологические особенности (сюжет, характеристики и т. д.), а также рассмотрели ряд дополнительных документов, необходимых для создания полноценного образа автора и определения специфики пропагандистской работы СССР в Таиланде.

В результате анализа обнаружилось, что существуют две основные сюжетные направленности рассказов: сюжет о технологическом развитии СССР, представленный, в частности, в рассказе об открытии нового способа лечения диабета, и сюжет о жизни народов СССР, который лег, к примеру, в основу рассказа о чукчах и рассказа о советских женщинах-космонавтах.

Что касается юмористического элемента, можно выделить следующие группы:

1. Юмористическая составляющая текста связана с самим рассказчиком. Автор примеряет на себя комическую роль с целью привлечения внимания читателя к сюжету. Например: «[...] Я предлагаю известному диетологу (это я!) проанализировать такое явление [недостаточное количество риса, произведенного в СССР], и теперь узнал настоящие причины [...]» [กมลฉิม 2538: 254].

2. Юмористическая составляющая связана с СССР и его гражданами. Рассказы о Советском Союзе или советском человеке, окрашенные юмором, — способ представить страну с иной точки зрения, отличной от официального образа «коммунистического террориста» [พระราชบัญญัติป้องกันการกระทำอันเป็นคอมมิวนิสต์ 2495]: «Фотографии, представленные вниманию читателей, — отнюдь не юмористическая зарисовка беззаботной прогулки у водопада [...]; это модная фотосессия в Киргизской ССР, опубликованная в недавнем выпуске журнала “Советская женщина”. Смотрю на эти снимки — и смешно, и грустно. Если бы наш фотограф отправил такие кадры редактору журнала “Лалана”, думаю, уже на следующий день он бы лишился работы [...]» [กมลฉิม 2538: 64–65].

3. Юмористическая составляющая связана с другими странами (в том числе, с Таиландом). Автор колонки также активно прибегает к сравнению Таиланда или Советского Союза с другими странами для создания комической составляющей в рассказах о Советском Союзе: «[...] Оказывается, и в диабете есть польза: Морарджи Десаи, бывший премьер-министр Индии, и вовсе предлагал пить

собственную мочу в качестве, скажем так, “эликсира жизни”. Тогда в чем проблема? И мы сможем приготовить “диабетный соус” ... хм-м... с солью, перцем и есть его с манго [...]» [คนเดิม 2538: 258].

Автор рассказов, напомним, работает в советском учреждении СМИ — в агентстве печати «Новости». Цель агентства печати «Новости» в Таиланде и других странах заключается в «широком распространении за рубежом правдивой информации о СССР» [РИА Новости]. Главным источником информации о СССР, разумеется, стал авторский опыт работы представителем советских СМИ в Таиланде. Поэтому само по себе представление комической стороны жизни СССР в широко популярных тайских журналах (несмотря на отсутствие прямых связей с работой автора в советских СМИ) соответствует цели АПН и пропагандистской деятельности советских СМИ в Таиланде в целом.

Литература

Палахан, Громова 2020 — Н. Палахан, Л. П. Громова. Особенности реализации советской пропаганды в Таиланде в период холодной войны [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. No 4. С. 734–745. URL: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-734-745>.

РИАНовости — РИАНовости. История агентства печати «Новости» (АПН) [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20110301/340763479.html>.

พระราชบัญญัติป้องกันการกระทำอันเป็นคอมมิวนิสต์ 2495 — พระราชบัญญัติป้องกันการกระทำอันเป็นคอมมิวนิสต์. พ.ศ. 2495 // Антисоветский акт 2495 года по буддийскому календарю.

คนเดิม 2538 — คนเดิม. ริมสวนคนเดิม. กรุงเทพฯ, 2538 // Кхон Дём. У сада с твоим знакомым. Бангкок, 1995.

ТОТЕМНЫЕ ВЕРОВАНИЯ КАК ОСНОВА ТАИЯЗЫЧНЫХ СКАЗОК О ЗОЛУШКЕ

Л. Пханаван

*Филологический факультет, Санкт-Петербургский
государственный университет, Санкт-Петербург
rathcha93@gmail.com*

Статья посвящена особенностям функционирования тотемных персонажей в тайязычных сказках о Золушке.

Как полагал этнолог Клод Леви-Стросс, миф, заложенный в основу народных сказок, отражает один из механизмов архаического образного мышления, связанного преимущественно с семейно-родовыми отношениями [Леви-Стросс 1999: 383]. Концепцию Леви-Стросса дополнил Бронислав Малиновский [Малиновский 2004: 291], указывая на практические функции мифа-сказки: его сущность составляет ритуал, поддерживающий традиции племенной культуры и связанный с коллективной моралью, социальными порядками, установленными первопредками-тотемами. Тотемы обладают двойственной природой, поскольку относятся одновременно и к миру людей, и к миру животных/растений, вследствие чего являются посредниками между указанными группами в разрешении нарождающихся противоречий и проблем [Мелетинский 2000: 179]. Выдающийся советский лингвист-структуралист В. Я. Пропп полагал, что верования и ритуалы, заложенные в первооснову таких сказок, сохраняют «реликтовые тотемические черты» [Пропп 2000: 37–40].

Распространенность сказочных сюжетов о браке с тотемным существом, равно как о дарении женой мужу некоей удачи и о традиционных брачных испытаниях (что соответствует сюжету 400 и 425 по классификации Аарне-Томсона [Сказки народов мира 2018]), указывает на происхождении сказки из архаики мифа. Сказку отличает десакрализация сюжета, которая в рассматриваемых нами случаях (чжуанская сказка «Тития-Талун» (IX в.) [пнпнпн 2018], тайская сказка «Золотой бычок» (XIX в.) [пнпнпн 2011], лаосская сказка

«Золотая черепаха» (XIX в.) [п̄ӯц̄ 2013]) сводится к испытанию героя, низведенного до низкого социального статуса: сироту обижают близкие родственники (мачеха, жена дяди), в то время как живые воплощения родовых духов (тотемов) приходят ей на помощь и наделяют ее магическими силами. Таким образом, тотемные животные являются ключевыми действующими персонажами таинственных сказок о Золушке.

В связи с этим интересно отметить, что повествование в ключевых моментах здесь всегда увязано с появлением тотемного животного или растения. Например, зачин повествует о перерождении матери главной героини в тотемное животное: в чжуанской сказке в буйволицу, в тайской — в золотого бычка, в лаосской — в золотую черепаху. По сюжету все указанные животные умерщвляются вопреки воле Золушки ее домочадцами, свариваются, а кости выбрасываются в помой или нарочно прячутся. Далее появляется чудесный помощник в виде животного-тотема: у чжуанов ворона, у тайцев утка, у лаосцев собака, которые указывают на место захоронения останков перевоплотившейся матери героини и подсказывают, каким образом их можно использовать.

Как нетрудно понять, вышеназванные представители флоры и фауны в таинственных сказках тем или иным образом связаны с тотемическими верованиями народов Юго-Восточной Азии, в соответствии с которыми первопредок способен принимать облик членов коллектива, ему поклоняющегося, и наоборот, представители данной общины способны обращаться в своего первопредка. Выбор того или иного растения или животного в качестве родового тотема обычно падал на наиболее распространенный вид в ареале обитания конкретной группы людей, с которым каким-то образом было связано их хозяйство. Эти растения и животные воспринимались как их близкие родственники, первоматери и первоотцы, кровные братья и сестры. В тотемы обращались спутники человека, «помощники [и защитники] в реальной жизни человеческого коллектива» [Стратанович 1978: 26]. Как полагает Л. С. Васильев, вера в тотемного первопредка, обладающего сверхспособностями, является ранней формой религиозных представлений, формирующих родовую общину.

Например, достоверно известно о тотемной природе буйволиц среди чжуанов и буи Китая, тхай Северного Вьетнама, т. е. в районах, где особенно распространено пашенное земледелие. В свою очередь все представители тхай именуют себя именем Хун в честь

священной первоматери-черепахи хун [Стратанович 1978: 20]. Лаосские крестьяне считают, что они произошли в результате соития змея и черепахи. В целом поклонение буйволице и черепахе нужно рассматривать в рамках универсального культа матерей, для которых свойственна определенная специализация. Черепаха, при этом, является еще и повелительницей водной стихии и защитницей людей в селениях у водоемов, в то время как буйволица ответственна за плодородие почв и урожай. Если говорить о золотой рыбке (ปลา), то и здесь косвенные признаки убеждают нас рассматривать ее в качестве тотемного животного. Бычки живут непосредственно у берегов, где расположены рыбацкие поселения (просматривается прямая связь с повседневным бытом тайцев). Золотистый цвет наделяет эту рыбу особыми качествами, придает ей ореол избранничества, говорящий о посланнической роли животного.

Оказавшись в теле тотема, матери главной героини, в соответствии с классификацией В. Я. Проппа, становятся верными помощниками, что соответствует их тотемной функции. Останки этих тотемных животных после смерти обращаются в источник волшебных средств: кости буйволицы в чжуанской «Татиа-Талун» превращаются в свадебный наряд героини, кости золотого бычка /«плабу»/ и останки золотой черепахи для героинь тайской и лаосской сказки реинкарнируют в священное дерево Бодхи, которое выполняет функцию «родового клеймения», т. е. с его помощью высокородный жених в лице Бороматхата узнает свою суженую. Таким образом, во всех сказках родовое дерево оказывается напрямую связанным с матримониальным церемониалом.

Как представляется, особенности верований народов Восточной и Юго-Восточной Азии предопределяют принципы функционирования и систему образов рассматриваемых сказок. В основу сказочного действия положены религиозные представления, зародившиеся в глубокой древности: тотемизм, восточная вера в переселение душ и магию, которые накладываются на художественный символизм и образный строй произведений народного творчества. Чудесные перерождения и магические трансформации персонажей сказки созвучны традиционным религиозным представлениям народов ЮВА, основанным на вере в покровительство родовых сил и патронаже тотемных предков. За каждым образом, представленным тем или иным тотемным животным и растением, стоит целый набор культурных универсалий, которые близки и понятны представителю дальневосточной цивилизации, но едва ли

очевидны для европейца. Изучение культурного наследия азиатских народов представляется делом интересным и полезным для установления мостов между Востоком и Западом.

Литература

- Леви-Стросс 1999 — К. Леви-Стросс. Первобытное мышление. М.: ТЕРРА, Книжный клуб; Республика, 1999.
- Малиновский 2004 — Б. Малиновский. Избранное: Динамика культуры. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
- Мелетинский 2000 — Е. М. Мелетинский. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.
- Пропп 2000 — В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000.
- Сказки народов мира 2018 — Сказки народов мира. Указатель сказочных сюжетов [Электронный ресурс]. URL: <http://skazka.mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000045/st111.shtml> (дата обращения: 02.04.2018).
- Стратанович 1978 — Г. Г. Стратанович. Народные верования населения Индокитая. М.: Издательство «Наука», 1978 г.
- ถนนงาม 2011 — กวีดา ถนนงาม. ปลาปูทอง (ฉบับการ์ตูน) นิทานพื้นบ้าน. ศูนย์หนังสือแห่งจุฬาลงกรณ์มหาวิทยาลัย, 2011 [перевод авторский — Латсадапхон Пханаван].
- ปัญญาบุรี 2013 — ฉัฐพงษ์ ปัญญาบุรี. นิทานเพื่อการเรียนรู้ภาษาลานนา เต้าน้อยองค์คำ. ส่งเสริมศิลปวัฒนธรรม มหาวิทยาลัยเชียงใหม่, 2013 [перевод авторский — Латсадапхон Пханаван].
- นางจาง 2013 — ทองแถม นางจาง. Zhuang Tai Origins of Cinderella ปลาปูทอง. Academia.edu [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/28586740/Zhuang_Tai_Origins_of_Cinderella_%E0%B8%9B%E0%B8%A5%E0%B8%B2%E0%B8%9A%E0%B8%B9_%E0%B8%97%E0%B8%AD%E0%B8%87 (дата обращения: 14.04.2018) [перевод авторский — Латсадапхон Пханаван — с тайского переложения книги чжуанских народных сказок «Драгоценный меч и волшебный лук» (宝剑神弓). Пекин: Издательство народной литературы Китая, 1985 (北京: 中国民间文艺出版社, 1985)].

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТАЙСКИХ ТОНОВ В ОБЫЧНЫХ И ДЕСЕМАНТИЗИРОВАННЫХ СЛОГАХ*

А. И. Хабибуллина

*Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург
alitia.h@mail.ru*

1. История исследований тонов в тайском языке

1.1. *Общее представление о системе тонов*

Общее представление о системе тонов в тайском языке было сформировано в ходе экспериментальных исследований [Henderson 1967: 171–178; Abramson 1962; Gandour 1975: 170–195; Iwasaki, Ingkaphirom 2005; Yip 1995: 476–494]. Среди отечественных исследователей первым тональную систему тайского языка описал Л. Н. Морев [Морев 1964].

В 1960-е гг. была сформулирована система, согласно которой тайские тоны делятся на два типа: статические (ровные) и динамические (контурные) [Abramson 1962: 9]. Ровными тонами являются средний, высокий и низкий, а контурными — падающий и восходящий тоны. Многие исследователи, лингвисты и преподаватели тайского языка до сих пор следуют этой системе (наименования, движение контуров тонов).

Также в 2000-е гг. были проведены исследования, показавшие, что контуры тайских тонов со временем меняются — мелодические рисунки тонов, произнесенных говорящими старшего и младшего поколений, не совпадают [Morén, Zsiga 2006: 113–178; Teeranon 2007: 1–2; Therboriruk 2009: 89]. Это означает, что система тайских тонов претерпевает изменения.

* Исследование поддержано Российским научным фондом, грант 20-18-00250 «Тональные языки мира: база данных и атлас он-лайн».

Кроме того, в 1999 г. группа ученых провела комплексное исследование критериев, влияющих на изменение тайских тонов в речи (ударение, тоновая коартикуляция, строение слога и интонация) [Gandour, Potisuk, Dechongkit 1999: 123–134; ໕໙໙໔ 2001: 7]. Удалось установить, что на изменение тайских тонов в потоке речи наибольшее влияние оказывают ударение и тоновая коартикуляция. В результате тоны могут поменять рисунок, что может привести к снижению способности слушающего правильно идентифицировать тоны.

1.2. Исследования по идентификации тайских тонов

Перед проведением экспериментального исследования необходимо было рассмотреть работы по идентификации тайских тонов в изоляции и в контексте.

Проведенное Абрамсоном исследование идентификации тонов в тайских однословах показало, что в изоляции тоны идентифицируются практически всегда правильно [Abramson 1962: 128–139; Abramson 1974: 91–104].

В 2004 г. Элизабет Жига и Раттима Нитисарой изучали идентификацию падающего тона в изоляции и в контексте [Zsiga, Nitisaraj 2004]. Исследователям удалось установить, что в изоляции информанты распознают падающий тон на 100 %, а в контексте — на 96 %.

Вместе с тем проводились исследования, в которых создавались естественные или искусственные помехи при идентификации тайских тонов [Gandour, Dardarananda 1983: 98–114; Onsuwan, Tantibundhit, Saimai N., Saimai T., Thatphithakkul, Chootrakool 2014: 1–5]. Даже с помехами идентификация тонов носителями была достаточно высокой.

Таким образом, хотя контуры тайских тонов меняются со временем, а также изменяются в контексте, уровень их идентификации очень высок.

Исследования по идентификации тонов в десемантизированных слогах до настоящего времени не проводились.

2. Экспериментальное исследование

Исходная гипотеза работы состояла в том, что опознаванию лексического тона в различных речевых реализациях способствует семантика слова.

Цель работы состояла в том, чтобы экспериментально проверить, в какой степени семантика слова и тональная характеристика составляющего его слога/словов взаимообусловлены. Эта проверка осуществлялась с помощью исследования идентификации тайских тонов в обычных и десемантизированных слогах.

Эксперимент проводился по следующей методике. Было проведено четыре опыта, в которых участвовало 37 человек, среди них были мужчины и женщины разного возраста, с разным уровнем образования и социальным статусом. Для записи информантов использовался диктофон ZOOMH2n в четырехканальном режиме объемного звука (MS и XY). Мы подсчитали случаи идентификации тонов в: а) семантизированных однословах; б) десемантизированных однословах; в) сконструированных нами двусловах с десемантизированным конечным слогом; г) «перевернутых» двусловах (первый и второй слоги поменяли местами).

Для подсчета идентификации тонов использовалась следующая формула.

$$\frac{(S - x) \times 100}{S}$$

S — это количество слогов, в которых подсчитывалась идентификация, а x — это слоги, в которых тон был услышан и записан неверно. При подсчетах учитывалась только правильность тона.

В ходе проведенного исследования с семантизированными однословами был выявлен высокий уровень идентификации тонов участниками эксперимента (92,91%), десемантизированные однослоги идентифицировались гораздо хуже (67,72%). В сконструированных нами двусловах с десемантизированным конечным слогом идентификация начального семантизированного слога была равна 77,2%, а конечного десемантизированного — 50,00% (в изолированной форме, как уже было указано, идентификация семантизированного слога — 92,91%, а десемантизированного — 67,72%). Что касается эксперимента с «перевернутыми» двусловами, то результаты оказались следующими: начальный слог был опознан на 86,92%, а конечный — на 93,84%. По-видимому, информанты мгновенно опознавали, что предъявленные им примеры являлись «перевернутыми» двусловами.

3. Выводы

Проведенный эксперимент демонстрирует, что в изолированно произнесенных реально существующих словах тона хорошо идентифицируются носителями тайского языка. Асемантичность слова существенно повышает вероятность того, что тон не будет правильно опознан слушающим, хотя количество информантов, способных правильно определить заданный тон без «поддержки» семантики также остается весьма высоким (идентификация «нормальных» слогов — 92,91 %, а десемантизированных — 67,72 %).

В результате эксперимента удалось выяснить, что взаимозависимость семантики и тона является важной характеристикой фонологической системы тайского языка.

Литература

- Морев 1964 — Л. Н. Морев. Тайско-русский словарь. Краткий очерк грамматики тайского языка. Москва, 1964.
- Abramson 1962 — A. Abramson. The Vowels and Tones of Standard Thai: Acoustical Measurements and Experiments. Bloomington, 1962.
- Abramson 1974 — A. Abramson. The Tones of Central Thai: Some Perceptual Experiments. New Haven, 1974.
- Gandour 1975 — J. Gandour. On the Representation of Tone in Siamese // Studies in Tai Linguistics in Honor of William J. Gedney. Bangkok, 1975.
- Gandour, Dardarananda 1983 — J. Gandour, R. Dardarananda. Identification of Tonal Contrasts in Thai Aphasic Patients. USA, 1983.
- Gandour, Potisuk, Dechongkit 1999 — J. Gandour, S. Potisuk, S. Dechongkit. Tonal Coarticulation in Thai. 1999.
- Henderson 1967 — E.J. Henderson. Grammar and Tone in South East Asian Languages. 1967.
- Iwasaki, Ingkaphirom 2005 — S. Iwasaki, P. Ingkaphirom. A Reference Grammar of Thai. Cambridge, 2005.
- Morén, Zsiga 2006 — B. Morén, E. Zsiga. The Lexical and Post-lexical Phonology of Thai Tones. Natural Language and Linguistic Theory. 2006.
- Onsuwan, Tantibundhit, Saimai N., Saimai T., Thatphithakkul, Chootrakool 2014 — C. Onsuwan, C. Tantibundhit, N. Saimai, T. Saimai, S. Thatphithakkul, P. Chootrakool. Analysis of Thai Tonal Identification in Noise. Thailand, 2014.
- Teeranon 2007 — P. Teeranon. The Change of Standard Thai High Tone: An Acoustic Study and a Perceptual Experiment. Phayao, 2007.
- Thepboriruk 2009 — K. Thepboriruk. Bangkok Thai Tones Revisited. Manoa, 2009.

- Yip 1995 – M. Yip. Tones in East Asian languages // The Handbook of Phonological Theory. Oxford, 1995.
- Zsiga, Nitisaroj 2004 – E. Zsiga, R. Nitisaroj. Perception of Thai Tones in Citation Form and Connected Speech // Journal of the Acoustical Society of America 116: 2628. Washington, 2004.
- ทับทอง 2001 – น. ทับทอง. การศึกษาผลกระทบบ้างๆ ทางภาษาศาสตร์ต่อการรู้จำวรรณยุกต์ในคำพูดต่อเนื่องภาษาไทย. กรุงเทพฯ, 2001.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СИАМОМ И КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В ПЕРИОД 1350–1596 ГГ.

Н. О. Цыремпилова

*Кафедра истории стран Дальнего Востока,
Восточный факультет,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург
natashatsyrempilova@gmail.com*

Таиланд (Сиам — до 1939 г.) и Китай связывают многовековые политические, военные и торговые отношения. Их активное развитие пришлось на период Аюттии (столица Сиам в 1350–1767 гг.) до 1596 г. в истории Таиланда и на период правления династий Юань и Мин в Китае.

В середине XIV в. оба государства переживают фундаментальные изменения — образование централизованного тайского государства Аюттия и приход к власти новой династии Мин в Китае. Новообразованные правительства Сиам и Китая, занятые прежде всего стабилизацией политической и экономической ситуации в своих странах, нуждались во взаимной поддержке друг друга, — что, в свою очередь, стало новым импульсом к развитию дипломатических и торговых отношений, достигших в XV в. своей высшей точки. После этого началось постепенное ухудшение отношений между Аюттией и Китаем, вызванное в первую очередь изменениями во внутренней политике самого Китая (закрытие страны, введение морских запретов, ограничение торговли). Подобной событийностью и обуславливается научный интерес к государственным отношениям между королевством Аюттия и Минской империей в данный период.

В работе над данной статьей были использованы как отечественные, так и иностранные научные труды. Весьма полезной оказалась монография А. А. Бокщанина «Китай и страны южных морей в XIV–XVI вв.», дающая широкий спектр информации о развитии

внешней политики Китая со странами Юго-Восточной Азии, в частности, с Сиамом. Кроме того, был использован труд Э. О. Берзина «История Таиланда: краткий очерк», в котором достаточно подробно описаны как исторические события в указанный период, так и политическая конъюнктура в королевстве Аютия. Также для лучшего понимания политических механизмов, действующих в Китае, были рассмотрены такие исследования, как «История Китая» А. В. Меликсетова и «Китай и соседи в древности и средневековье» С. Л. Тихвинского. В раскрытии данной темы помогли и зарубежные исследования, такие как книга «Thailand: A Short History» Дэвида Уайетта, «History of Thailand» Криса Бейкера и Пасук Фонгпаичит (тайск: ศาสตราจารย์ไพจิตร) и монография «ความสัมพันธ์ในระบอบบรรณาการระหว่างจีนกับไทย ค.ศ. 1282–1853» (англ. Sino-Siamese Tributary Relation 1282–1853) Кантени Лаонгси (тайск. กาญจนี ละอองศรี), в которых, в частности, содержатся важные подробности развития внешней политики Китая с Сиамом.

Итак, в середине XIV в. происходил подъем международной торговли по маршрутам, соединяющим Индию и Китай. По мнению Дэвида Уайетта, это привело к расширению экономических возможностей правителей государств Юго-Восточной Азии, а также к развитию дипломатического интереса китайской империи к «странам Южных морей», как в Китае уже в то время называли государства Юго-Восточной Азии. Данные процессы, в свою очередь, способствовали развитию Аютии [Wyatt 2004: 51–52].

Как отмечает Чань Цзя Хао, «главными причинами того, что к середине XIV в. между Сиамом и Китаем еще не было установлено официальных дипломатических отношений, являлись завоевательные походы в Юго-Восточную Азию закрепившихся в Китае у власти монгольских императоров, а впоследствии — участие китайцев в народно-освободительной войне против монголов (1351–1368 гг.). Однако, когда Чжу Юаньчжан, предводитель китайского народного восстания, провозгласил себя основателем новой национальной династии Мин, он перенес столицу в Нанкин и стал поочередно извещать об этом представителей других стран. Аютия была одной из первых стран, которая направила ответное посольство, несмотря на то что до 1382 г. вся юго-западная часть Китая была под контролем монголов. В 1369 г. было направлено китайское посольство в Сиам, которое прибыло в 1370 г. с императорскими манифестами и посланиями. Для Аютии это означало, что новое тайское государство было признано минской китайской империей» [Chan 2022: 2].

Чань Цзя Хао подчеркивает значимость обмена посольствами: «Прибытие ответных посольств из заморских стран должно было принести богатые дары иноземным правителям и их приближенным, которые передавались китайскими послами при вручении императорских манифестов. Кроме того, были обещаны не менее щедрые подарки в случае визита местных послов в Китай. Вместе с тем важное значение придавалось завязыванию дипломатических связей с иноземными странами в традиционной форме обмена посольскими миссиями, что считалось равносильным фактическому признанию правительства, а это, в свою очередь, способствовало повышению международного престижа империи» [Chan 2022: 3].

Тем не менее китайское представительство обладало более высоким статусом по сравнению с аютийским: «Практически во всех манифестах, разосланных минским двором в той или иной форме говорилось о верховной власти китайского императора над всем миром. Несмотря на китаеццентристскую доктрину, которая декларировалась в данных манифестах, политика минского правительства была весьма действенной, и в 1371 г. сиамский король Бороморача I с великолепными дарами и признанием Чжу Юаньчжана сюзереном Сиам отправил ответное посольство в столицу китайской империи Нанкин» [Chan 2022: 3].

В середине XIV в. обе страны претерпевали глобальные изменения. В Сиаме образовалось новое сильное королевство Аютия, а в Китае пришла к власти династия Мин. На первых порах для обеих стран было важно признание новой власти от иностранных государств: «Королевство Аютия и Минская империя поддержали друг друга, отправив взаимные дипломатические миссии и признав, тем самым, легитимность своих правителей. В дополнение к этому китайская дипломатия попыталась установить вассальную зависимость Сиам от Китая. Аютия, в свою очередь, признала сюзеренитет Китая, а король Сиам получил статус вана от китайского императора» [Бокщанин 1968: 42]. Однако это привело лишь к установлению номинального вассалитета, поскольку, как отмечает А. А. Бокщанин, «китайские императоры не участвовали главным образом в политике и государственном устройстве Аютии, потому что для Китая в тот период было намного важнее установить безопасность на своих северных и северо-западных границах, где еще были достаточно сильны монгольские ханы» [Бокщанин 1968: 42].

Тем не менее мы можем заключить, что подобного рода отношения в любом случае были выгодны для обеих стран, поскольку

дипломатические отношения способствовали в том числе и динамичной внешней торговле, которая являлась одной из главных целей Аютии в указанный исторический период.

И хотя избранный курс не приносил головокружительного успеха и не отличался излишней последовательностью, на наш взгляд, он стал своего рода переходным этапом, без которого Китаю едва ли удалось бы перейти к той активизации политики по отношению к «странам Южных морей», которая наблюдается в начале XV в.

По оценке Кантени Лаонгси, в XV–XVI вв. Аютия занимала первое место в регионе по разнообразию ассортимента товаров, ввозимых из китайской империи: «Сиам импортировал 65 видов китайских товаров, а именно ситец, белый фарфор с синей росписью, атлас, разноцветные шелка, стекло, золото, железо, медь, серебро, ртуть, зонтики и так далее, а экспортировал в Китай сырье для ремесла и мануфактуры, предметы местного производства такие, как камедь, сапановое дерево, черный перец и слоновая кость» [Паньчун 1982: 117].

Однако торговля Сиамом с Китаем оборачивалась и некоторыми трудностями. Как отмечает Э.О. Берзин, «ее характерной чертой являлось увеличение или наоборот уменьшение товарообмена в зависимости от изменений во внешней и внутренней политике императоров Китая» [Берзин 1973: 81].

Тем не менее невооруженным взглядом заметна тенденция к сокращению миссий между странами к концу XIV в. А.А. Бокщанин выделяет следующие причины такой закономерности: «Во-первых, была достигнута главная цель — признание династии Мин; во-вторых, многочисленные посольские обмены были достаточно разорительны для китайской казны; в-третьих, все еще оставалась угроза вторжений извне» [Бокщанин 1968: 51]. Нельзя не согласиться, что описанные события «перетянули» на себя внимание китайского правительства и вынудили его изменить политику по отношению к странам Юго-Восточной Азии, в частности, к Аютии.

При этом следует отметить и положительные стороны сиамокитайских отношений в конце XIV в.: «Китай заметно повысил свой авторитет и усилил влияние в «странах Южных морей», в том числе и в Сиаме, поскольку после издания в 1394 г. императорского указа о прекращении посольского обмена с заморскими странами, дань разрешалось привозить только Рюкю, Камбодже и Сиаму. Исключение, сделанное для Сиамы, показывает, какую важную

роль он успел завоевать в торговле Китая к концу XIV в.» [Берзин 1973: 81].

Нестабильность дипломатических и торговых отношений Сиамом с Минской империей в XV в. была напрямую связана с изменениями во внешней и внутренней политике Китая. «В китайском правительстве существовало два мнения на тему осуществления дальнейшей внешней политики, — подчеркивает А. А. Бокщанин. — Одна часть правительства считала, что для страны будет лучше проводить активную внешнюю политику, морские экспедиции, а также интенсивный культурный обмен с другими странами, в то время как, по мнению другой части, для Китая полезнее была бы политика закрытия страны» [Бокщанин 1968: 114–115].

Расширяя в начале XV в. посольский обмен, минское правительство, по мнению С. Л. Тихвинского, «поощряло государственную и допускало частную торговлю Аютии с Китаем. Но вместе с тем оно ограничивало частную торговлю китайских купцов за рубежом. С 1371 по 1452 гг. был издан целый ряд запретов китайскому населению выходить в море на торговых кораблях и вести частную торговлю с заморскими купцами в Китае. Это говорит о стремлении минского правительства поддерживать монополию во внешней морской торговле. Несмотря на запреты, частная морская торговля быстро росла, особенно после экспедиции китайского флота в начале XV в.» [Тихвинский 1970: 172]. В свою очередь А. А. Бокщанин приходит к выводу, что китайские морские экспедиции в целом благотворно влияли на отношения между Аютией и Китаем — они укрепляли торговые связи, повышали авторитет и усиливали влияние Китая в Сиаме и т. д. [Бокщанин 1968: 83–114]. Наряду с этим, морские экспедиции благотворно сказались и на основании «торговой колонии в Аютии, что, в свою очередь, способствовало культурному обмену двух народов» [Тихвинский 1970: 173].

Оценивая деятельность китайских дипломатов в Сиаме в начале XV в., можно говорить об определенных попытках минского правительства проводить активную торговую и колониальную политику. Тем не менее мы должны заметить, что отношения Аютии с Китаем так и не вышли за рамки чисто номинального вассалитета, который к концу XV в. и вовсе был утрачен.

Еще раньше сходит на нет внешнеполитическая активность Китая в Аютии: «В 40-е гг. XV в. минское правительство приходит к решению о прекращении активной внешнеполитической

деятельности в регионах, находившихся вне сферы традиционно китайского влияния. Это было продиктовано двумя факторами: истощением ресурсов и возрождением опасности, исходившей от кочевых народов, угрожавших границам с северо-запада» [Меликсетов 2004: 258]. Иными словами, прекращение активной внешней политики в южном направлении сопровождалось, по сути дела, закрытием страны.

В начале XVI в. система номинального вассалитета Сиам, лежавшая в основе политики Минской империи, «пришла (...) в упадок» [Бокщанин 1968: 182]. В результате официальные дипломатические связи Китая с Аютией в форме взаимного обмена посольствами в начале XVI в. были прерваны.

Однако, помимо государственных связей, по сути дела разорванных в рассматриваемый период, между Минской империей и королевством Аютия существовали отношения и иного характера, с точки зрения официальных минских властей, как их (отношения) характеризует А. А. Бокщанин, «противозаконные» [Бокщанин 1968: 162].

По мнению А. А. Бокщанина, «Китай в XVI в. стал еще усиленнее проводить политику закрытия страны» [Бокщанин 1968: 162]. Мы можем заключить, что Китай начал терять свой авторитет в иностранных государствах, в то время как в Аютии, напротив, происходит небывалый экономический подъем. Как отмечает Э. О. Берзин, «особо важную роль в международной торговле Сиам начал приобретать после 1511 г., когда португальцы, захватив Малакку, стали контролировать кратчайший путь из Индии в Китай» [Берзин 1973: 82]. В свою очередь, Крис Бейкер и Пасук Фонгпаичит полагают, что в этот период «...Сиам вошел в число самых крупных торговых портов в Юго-Восточной Азии, добился увеличения своего товарооборота и упрочил взаимодействие с другими странами» [Baker 2014: 13]. Тем не менее, как дополняет Чань Цзя Хао, «единственными, кто продолжал отправлять посольства в 1567 г., были такие государства как Дайвьет и Аютия» [Chan 2022: 5].

Таким образом, несмотря на тот факт, что Аютия и Китай проводили совершенно противоположную друг другу внутреннюю и внешнюю политику, они все равно старались «поддерживать связь», изредка обмениваясь дипломатическими и торговыми миссиями. В рассматриваемый исторический период отношения Китая и королевства Аютии развивались не всегда равномерно, имели место временные перерывы. Взаимоотношения между этими

странами нельзя назвать идеальными, однако о военных конфликтах речь также не заходила. Несмотря на намерения китайского двора представить Сиам как своего данника, королевство Аютия оставалось полностью самостоятельным и поддерживало политические и торговые связи с Китаем, исходя из собственных интересов. Развитие же политических и торговых связей, а также сопутствующий им культурный обмен пошли на пользу как тайскому, так и китайскому народу.

Исходя из вышеизложенного, можно подвести следующие итоги. Сиамо-китайские отношения во второй половине XIV в. во многом были обусловлены внутривосточным положением обеих стран. К тому моменту, когда территория королевства Аютия уже была объединена, в Китае происходила смена династий и зарождалась империя Мин. По сравнению с периодом Сукотай и династией Юань (в истории Сиам и Китая соответственно) наблюдается значительное увеличение обмена посольствами между двумя странами. Во-вторых, мы получили новое подтверждение тому, что с самого начала своего существования королевство Аютия стремилось к динамичной внешней торговле. Наконец, по оценке Э.О. Берзина, «в данный период Сиам проводил активную военную политику, которая заключалась в энергичной борьбе за морские порты и контроль над торговыми путями из Индии в Китай, а также в установлении активных дипломатических отношений с Китаем» [Берзин 1973: 78].

Что касается Китая, мы можем прийти к выводу, что на его внешнюю политику по-прежнему существенно влияла идея китаецентризма. А.А. Бокщанин приходит к следующему заключению: «Единственной страной Южных морей, продолжавшей поддерживать с Китаем посольские связи морскими путями, был Сиам. Однако ни о каком, даже номинальном, вассалитете Сиам в конце XVI в. не может быть и речи. Китайские источники отмечают, что конец XVI в. был временем усиления Сиам, расширения его влияния на соседние страны Индокитайского полуострова и господства его кораблей в близлежащей части Южных морей. К тому же за все XVI столетие зафиксировано лишь девять посольств из Сиам» [Бокщанин 1968: 195–196].

Мы же можем заключить, что это привело к установлению номинального вассалитета над Аютией, поскольку только при таком условии были возможны дальнейшие взаимоотношения между Сиамом и Минской империей. Тем не менее, как уже упоминалось,

дипломатический, торговый и культурный обмен был выгоден для обеих стран. Осознавая это, даже в кризисные времена Сиам и Китай старались поддерживать друг с другом мирные и плодотворные отношения.

Таким образом, можно констатировать, что межгосударственные отношения королевства Аютии и Минского Китая в период 1350–1596 гг. не всегда были стабильны. Пик в отношениях был достигнут в первой половине XV в., после чего начался постепенный спад, вызванный проводимой Китаем политикой закрытия страны, результатом которой стало существенное сокращение внешнеполитических связей. И хотя в XVI в. короли Аютии уделяли большее внимание взаимоотношениям с другими государствами, они продолжали учитывать статус Китая и поддерживать с ним дипломатические и торговые отношения, пусть и не такие активные, как в недавнем прошлом.

Литература

- Берзин 1973 — Э.О. Берзин. История Таиланда: (краткий очерк). М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1973.
- Бокщанин 1968 — А.А. Бокщанин. Китай и страны южных морей в XIV–XVI вв. М.: Наука, 1968.
- Меликсетов 2004 — А.В. Меликсетов. История Китая. М.: МГУ: Оникс 21 век, 2004.
- Тихвинский 1970 — С.Л. Тихвинский. Китай и соседи в древности и средневековье. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1970.
- Baker 2014 — С. Baker, P. Phongpaichit. A History of Thailand. 3rd edition. Melbourne, Australia: Cambridge University Press, 2014.
- Chan 2022 — J.H. Chan. Ayutthaya kingdom and China: beyond Tributary relationship. National University of Singapore, 2022.
- Wyatt 2004 — D.K. Wyatt. Thailand: A Short History (2nd ed.). Chiang Mai. Silkworm Books, 2004.
- กาญจณี 1982 — กาญจณี ละอองศรี. ความสัมพันธ์ในระบบบรรณาการระหว่างจีนกับไทย ค.ศ. 1282–1853. มุขนิธิโครงการตำรา. สังคมศาสตร์และมนุษยศาสตร์. กรุงเทพมหานคร, 1982.

THE ROLE OF THE MIGHTY GODS IN KING RAMA I'S RAMAYANA

P. Chatchamni

*Kasetsart University Laboratory School,
Faculty of Education, Kasetsart University, Bangkok
chatchamni_kate@hotmail.com*

Abstract

This research is aimed to study and analyze to what extent the roles of the mighty gods in King Rama I's Ramayana influence the plot of this story by examining their actions across a text. The result shows that the mighty gods, namely, Śiva, Viṣṇu and Brahma play major roles to support Rama's army (Dharma side) to gain the victory and to protect the righteousness of the world. As it appears in this Ramayana, Śiva used his power to order, curse, bless, exterminate the evil, judge and create. Viṣṇu also used his power to protect the righteousness as the god and as the avatar. Moreover, Brahma used his power to create and protect the righteousness of the world. According to these actions, all mighty gods had power and used it to support the right side and protect the righteousness of the world. Therefore, these roles apparently have influence on the story of King Rama I's Ramayana.

Keyword: role of gods, Hindu gods, Ramayana, King Rama I.

1. Background and Significance of the Research

Ramayana is a very important body of Hindu literature which presents the story of the incarnation of Viṣṇu as Rama for exterminating the dark times. Also, it has influenced the Indians believes. With the spread of Indian culture throughout Southeast Asia, Ramayana came to acquire more and more popularity across this region, Thailand included. Thus, it imposed this impact on the development of many literary works of that times; and among them in the begin-

ning of the Rattanakosin era full version of King Rama I's Ramayana appeared.

Consequently, it explains why there can be found so many features of Hinduism in Thai Ramayana including mentioning many mighty Hindu gods (Śiva, Viṣṇu and Brahma) in this story. Thanks to the fact that King Rama I's version of Ramayana is utterly complete, this literary piece is the main object of research, which is aimed to analyze the role of the mighty gods to understand the influence of their roles in this story.

2. Research Objectives

This main objective of this research is to analyze the role of mighty gods in King Rama I's Ramayana.

3. Hypothesis

The role of mighty gods who appear in King Rama I's Ramayana effects to the climax points of the story.

4. Research Scope

This research is aimed to specifically analyze the role of the mighty gods, appearing in King Rama I's Ramayana, who have the power to rule over both right and false sides (as Śiva, Viṣṇu and Brahma) that effects to the climax points of the story.

5. Result of the Research

The research "The Role of The Mighty Gods in King Rama I's Ramayana" shows that the role of Śiva, Viṣṇu and Brahma, who had the power and ruled over other gods, had many effecting roles in this story.

5.1. The Role of Śiva as the mighty god in King Rama I's Ramayana

In Hinduism, Śiva was the destroyer, the creator after the destruction and the kind god. And his roles which were shown in this story are as follows:

1. To use the power to order;
2. To use the power to curse;
3. To use the power to bless;
4. To use the power to exterminate the evil;
5. To use the power to judge.

5.1.1. Using the power to order

The role of Śiva as the mighty god was to use his power to order (as it is expressed through his actions in this story), and to use the power to order Viṣṇu, Indra or the others.

His power to order Viṣṇu was used for the latter to cope with exterminating Hiranta Yaksa. This part of the story was Śiva's order given to Viṣṇu to exterminate Hiranta Yaksa (Demon) who was rolling the earth and made people suffer. Viṣṇu followed this order and killed him. This situation proves that Śiva used his power as a mighty god to give an order to Viṣṇu who is a mighty god in Hinduism too.

This analysis proves that Śiva was the mighty god who has the power to give orders to the others, such as Viṣṇu, the god of sustenance. Thus, Śiva proved himself as the most powerful god in King Rama I's Ramayana who used his power to support the right side.

5.1.2. Using the power to curse

Curse means "a rude or offensive word or phrase that the powerful celestial people like god, angel or people who have magic like sorcerer or rishi (hermit) use when they are very angry and it will activate as they say" [The office of the royal society 2011: 1215]. From this definition it is clear that the one who gives a curse must be a powerful being, like Śiva.

In the story, Śiva used his power to curse someone who was guilty or worked imperfectly, such as Kumbala, Vannarin, Sunanda, Soavari, and Bushamali. His curse was firstly the punishment for their crimes, and also had subordinate purposes underlying in his curse actions, which always were to support the right side in the future circumstances. This is also illustrated in the story of Kumbala who was cursed by Śiva. The story tells how Rama met Kumbala; Kumbala was a close servant of Śiva, but Śiva cursed him to be a demon because the former had flirted with Nilamali, a female angel who served in Śiva's court. The curse worked until Kumbala gave Rama useful and important information where Lanka, Dasakantha's kingdom, was. The curse after that ended and set Kumbala free. This episode illustrates that Śiva used his power to punish a culprit for the crime and to support the right side.

The analysis shows that Śiva used his power to curse a culprit (as punishment for the crime, which could cease an evil and support the right side in the same time). Moreover, it becomes obvious that Śiva always supported Rama.

5.1.3. Using the power to bless

In King Rama I's Ramayana, Śiva used his power as the mighty god to bless. His blessing was a reward to those who loyalty and faithfully praised and served Śiva, and to those who did good.

Śiva himself granted a reward for the ones who were really loyal to him and praised him faithfully, with those who expected the reward having to do something outstanding to please Śiva. Ronnapaktra, Dasakantha's son and the crown prince of Lanka, established the fire ritual to praise all 3 mighty gods: Śiva, Viṣṇu and Brahma. He asked the gods to grant him the celestial weapons, which were hardly be defeated, as a reward for his faithful action. Pleased by Ronnapaktra's action, Śiva gave him Brahmastra Bow and shifting magic to look like Indra, the heaven king. It illustrates that Śiva used his power to bless as a reward to someone who praised him.

Moreover, Śiva blessed those who did good as a reward as with Phaya Kakasa (Bali). It is shown in the episode when the mount Meru collapsed, everyone volunteered to restore it, but the only ones to succeed were Phaya Kakasa and Sukriva. When they fulfilled this assignment, Śiva blessed Phaya Kakasa. When the latter had to fight, he was able to gain a half of his enemy's power to increase his; Śiva also named him "Bali" and granted him a celestial trident as a reward.

This story proves that Śiva was a mighty god who used his power to bless as a reward for the loyalty and goodness regardless belonging to the right or dark side. It also shows that he was the greatest god of all and respected both right and dark sides. However, if those belonging to the dark side used his blessing in a wrong way, Śiva would use his power to solve the problem by himself or order other person to deal with it. It means that despite Śiva's giving his blessing to everyone worthy, he would always support the right side.

5.1.4. Using the power to exterminate the evil

Śiva was a mighty god who used his power to exterminate the evil not only through curse, but also using violence. It is shown in the story about Triburam (Demon) who tried to harm celestial people. Śiva himself killed Triburam because the latter tried to harm the heaven, so it

made him a great threat. Thus, Śiva killed him using his third fired eye which only he possessed. In this episode Śiva demonstrated his magical power and support for the right side.

5.1.5. Using the power to judge

The role of Śiva as a mighty god was expressed as his power to judge. There is a story about a conflict between Rama and Sita. Rama was furious and ordered for Sita's death without fair consideration because he thought that Sita loved Dasakantha. But, due to the Śiva's fair judgment, Rama admitted his guilt and apologized to Sita, both of them agreed to compromise and they reunited again. Thus, it is clear that Śiva's judgement was perfectly fair and respectful for everyone, even Rama and Sita, the mighty king and queen of the greatest court.

5.1.6. Using the power to create

The role of Śiva as a mighty god was also demonstrated in his special ability to create. For instance, he created a being which is mentioned in King Rama I's Ramayana as Jambubana (monkey); it was created by Śiva and sent to serve Rama in the future. This part of the story shows that Śiva used his power to support the right side directly. As Jambubana was a celestial soldier created by the mighty god's hand, it was sent to join Rama's army that was to fight against Dasakantha's side (the dark side). Moreover, Jambubana played an important role to support Rama. After he joined Rama's army, he gave Rama some useful information, such as the location of the antidote of Brahmastra arrow (celestial weapon which Śiva granted to Ronnapaktra, Dasakantha's son) to heal Lakshmana, Rama's brother. Jambubana was the only one who knew that location because he had served Śiva as pharmacy. Therefore, it was not a coincidence that Śiva sent Jambubana to serve Rama.

The above mentioned proves that Śiva was a mighty god, who used his power to order, curse, bless, exterminate the evil, judge and create for only one purpose, supporting the right side.

5.2. The Role of Viṣṇu as the mighty god in King Rama I's Ramayana

In Hinduism, Viṣṇu is the god of sustenance. "Brahma, Viṣṇu and Maheśvara are the Lords of creation, sustenance and extermination of this perishable universe" [Mani 1975: 864]. According to his status,

Viṣṇu is the mighty god and incarnates as an avatar to exterminate the existence of evil in the world. In King Rama I's Ramayana, he remained a mighty god, who uses his power to protect the righteousness of the world.

5.2.1. Using the power to protect the righteousness of the world as a god

The role of Viṣṇu as a mighty god was expressed by him using his power to protect the righteousness of the world by exterminate the evil, protecting the good and the right thing. There was Nandaka (Demon, Dasakantha's past life), who was bullied by angels, so he asked for a magic point finger from Śiva to have a revenge. Thus, it became the angels' threat. Therefore, Śiva ordered Viṣṇu to exterminate Nandaka as soon as possible.

As the result of his action, Viṣṇu protected the world and kept peace. This shows that Viṣṇu was a mighty god and protected the righteousness by exterminating every kind of evil, which was decided by gods and the right side. Therefore, everyone in the world had to follow their rules, otherwise they would face a tremendous punishment.

5.2.2. Using the power to protect the righteousness of the world as an avatar

The role of Viṣṇu as the mighty god was presented by using the power to protect the righteousness of the world as an avatar, also it was obvious that his action exterminated the evil and kept people safe. It is shown in the incident when Viṣṇu punished Hiranyaka Yaksa who was trying to roll the earth. Therefore, Viṣṇu transformed himself into a boar (which is one of his avatars in Hinduism) to fight Hiranyaka Yaksa.

Moreover, Viṣṇu used his power to fight the evil by himself, which is shown in the battle scenes where he fought with the evil demon and bad people, such as Kakanasura, Sawahu, Ramasura, Birava, Khon, Tushna, Trishiara, Marisha, Bali, Kumbhakarna, Davanasura, Dasakantha, Lord Kuvenuraja and Lord Anuraja.

As an example of Viṣṇu as Rama heroic action, we may mention the killing of Trishiara who was an evil demon, Dasakantha and Samanakha's brother. He had to be punished because he tried to get a vengeance for Samanakha who tried to harm Sita, Rama's wife, but got punishment from Rama instead, then told a lie to her brother to make him

get a revenge for her. Therefore, he used his power as Rama to eliminate an evil and to protect his wife, Sita.

Thus, it is proved that Viṣṇu was the mighty god who used his power to protect the righteousness of the world as a god and avatar by vanquishing the evil, that no one could make him be defeated, and to protect the moral as a good example. Therefore, he was clearly the mighty god of this story.

5.3. The role of Brahma as the mighty god in King Rama I's Ramayana

In Hinduism, Brahma is a god of creation who created things, lives, the world and the universe. As King Vajiravudh explained, "Brahma was the first among 3 important gods in Hinduism who created everything, Svayambhu, and existed by himself" [Vajiravudh 2013: 80]. However, in King Rama I's Ramayana Brahma was described as god who lived in Brahma's heaven (a place that is more heavenly, purer and higher than any other heaven), so, there was more than one Brahma (such as Brahma, Sahabodhi Brahma, Dhada Brahma, and Malivaga Brahma), who hadn't done the same duties as original Brahma in Hinduism. Therefore, Brahma who appeared in this story always used the power to create and protect the righteousness of the world.

5.3.1. Using the power to create

In the story, Sahabodhi Brahma used his power to create Lanka which would be the kingdom of Demon. Sahabodhi Brahma used his power to establish the kingdom of Demon by ordering Viṣṇu Brahma, his servant, to build it, thus proving his mighty power. When the task was completed, Sahabodhi Brahma named it "Lanka" and invited Demons to stay under Dhada Brahma who was the starter of Dasakantha's dynasty, the land rulers. Thus, all Brahmas were mighty, and Sahabodhi Brahma was a mighty god who used his power to create.

5.3.2. Using the power to protect the righteousness of the world

In the story, Brahma used his power to protect the righteousness of the world as it appeared that Malivaga Brahma warned Śiva about his bless that he gave to Asurabrahma (Demon), the diamond club and the bless that Asurabrahma could not be defeated.

By Malivaga Brahma thoughtful concerning, Śiva blessed him to have the sacred tongue, making his word always come true, because Śiva saw his loyalty and his honesty by his action and also renamed him “Lord Malivaraja”. The blessing Lord Malivaraja would later help Rama’s side. Therefore, it made Lord Malivaraja to judge the conflict between Rama and Dasakantha about Sita that was the cause of this war between them.

When Lord Malivaraja was considering the case, he called Dasakantha and Rama to defend themselves. After that, he called Sita, the legal wife of Rama who had been kidnapped by Dasakantha, to tell the truth. As the result, her story and Rama’s story were matched. Also, angels were witnesses of Rama’s action. Thus, Lord Malivaraja ruled that Rama was not guilty, but Dasakantha was and he had to send Sita back to Rama.

Apparently, Lord Malivaraja as Brahma was a mighty god who used a power to protect the righteousness of the world by helping Lord Ashabala and Rama and cursing Dasakantha by his sacred tongue, which would help Rama to vanquish Dasakantha as his curse. Thus, it proves that Brahma was a mighty god who always protects the good people.

6. Conclusion and Discussion

The result of this research shows that the role of the mighty gods in King Rama I’s Ramayana was crucial to the rising of the story. The mighty gods, Śiva, Viṣṇu and Brahma, had the powers that effected the story. Śiva was the most mighty god of this story and used his power to order, curse, bless, exterminate an evil, judge and create, thus supporting the right side and protecting the righteousness of the world.

Viṣṇu used his power to protect the righteousness of the world as a god and as an avatar. He saved the world from the evil that would harm the peace and the moral of the world. Also, he used his power to solve any problem to keep peace.

Brahma, a god who lived in Brahma’s heaven as Brahma, Sahabodhi Brahma, Dhada Brahma, and Malivaga Brahma, used his power as a mighty god to create a city and protect the righteousness of the world by helping to eliminate an evil, protecting the right and keeping the celestial stuff saved. It is proved that Brahma supported the right side.

Analyzing the episodes of the story, we have proved that the role of the mighty gods was to support the right side and to vanquish the evil.

Consequently, King Rama I's Ramayana is the literary piece that represents and praises Rama as a moral hero who got support from heaven to protect the righteousness of the world. Also, it presents Rama as a god king who supports King Rama I's image in the real world.

Bibliography

Mani 1974 — Purāṇic Encyclopedia. 4th Edition. Delhi: Motilal Banarsidass, 1974.

The Office of the Royal Society 2013 — Thai Dictionary. The Office of the Royal Society 2011 Edition. Bangkok: Sirivatana Interprint, 2013.

Vajiravudh 2013 — Gods and Knowledge. Bangkok: Sri Panya, 2013.

SOME REMARKS ON THE CHINESE OVERSEAS IN THE HISTORY OF THAILAND IN THE EARLY 20TH CENTURY

P. E. Moskalev

*St. Petersburg State University, St. Petersburg
p.moskalev@spbu.ru*

Thailand is currently one of the leading countries in Southeast Asia in terms of area size, population density and among the most dynamically developing countries as well. Throughout the centuries a numerous Chinese diaspora has been formed there. The Chinese Overseas have become integral members of the local society and have significantly influenced the development of various aspects of social life in Thailand. This report is dedicated to the analysis of some aspects of influence that the Chinese Overseas had on Thai society in the early 20th century.

The life of the Chinese community in Siam at the turn of the 19th and 20th centuries was greatly influenced by trends in social and political life in China. The authorities of imperial China in those years began to pay special attention to representatives of the large diaspora, who lived outside the empire. The development of the reform movement led by Kang Youwei (1858–1927), which took place in China in the 1890s, was supported by many Chinese emigrants and gave them hopes, that China can be strengthened and modernized, in addition, most of them had ties with relatives in the country. Sun Yat-sen's revolutionary activities (1866–1925) were also supported by many overseas Chinese, as many of them did not feel sympathetic with the authorities of the Qing empire.

Sun Yat-sen actively sought to involve overseas Chinese in the activities of the Chinese Revolutionary Alliance 'Tongmenghui' (*chi.* 同盟会). In 1907, he sent his associate Wang Jingwei to Siam (1883–1944), for him to establish a local 'Tongmenghui' cell. Sun Yat-sen himself visited Bangkok in the winter of 1908. Hundreds of overseas Chinese came to greet him at a meeting organized at the headquarters of the Chinese association 'Zhonghua'. The next day, the Siamese government sent

Sun Yat-sen a notice that he should leave Siam within a week [Skinner 1957: 157]. Sun Yat-sen was then supported by the U.S. representative in Siam, because he had a residence permit in Hawaii, as a result, his permitted length of stay in the country was extended for another week [Ibid]. Sun Yat-sen spent ten days in Siam, during that time, agreements were reached with the leaders of local organizations of overseas Chinese regarding financial support of revolutionary activities in China and a further strategy for developing relationships [Ibid].

After 1906, the Siamese government gradually eliminated all auctions for the positions of tax farmers without exception [Baker, Pasuk 2014: 89], but it did not have a big impact on the welfare of most of the major entrepreneurs of Chinese origin, who had managed to significantly diversify their business in Siam by then. By the early 20th century, a significant percentage of financial transactions in Siam were still carried out by overseas Chinese [Shustrov 2006: 27].

While in 1879 there were approximately equal number of rice mills owned by overseas Chinese and Western companies in Siam, in the following years the number of mills controlled by overseas Chinese increased dramatically. In 1889, there were 17 of them, in 1895–23, and by 1912 – already more than 50 [Skinner 1957: 104]. In addition, it was exactly the Chinese rice mills, that were the first to be equipped with the latest hardware at that time [Kitajskie etnicheskie gruppy v Yugo-Vostochnoj Azii 1986: 40].

In 1908, overseas Chinese also owned 4 out of the 11 sawmills operating in the Bangkok area [Ibid.]. At the beginning of the 20th century, about 10,000 Chinese workers were employed at various rice mills and sawmills in Bangkok [Skinner 1957: 115]. Many Chinese then worked by carrying and packing rice, in construction, at the docks, as sailors and loaders, thousands of Chinese workers were building railways in Siam [Kitajskie etnicheskie gruppy v Yugo-Vostochnoj Azii 1986: 40]. Within the most populous central region of the country, around Bangkok, thousands of Chinese immigrants worked at various agricultural enterprises, and the owners of these enterprises were often also overseas Chinese [Ibid.]. Overseas Chinese in the early 20th century made up a significant part of the workers (up to 40,000 people) at the tin mines, which were located on the island of Phuket [Ibid.]. Many of the actively developing rubber plantations in southern Siam were then owned by Chinese entrepreneurs, the workers there were also mostly their compatriots [Ibid.]. Several crafts in Siam – brick construction, ship building, blacksmithing, tin crafting, tailoring, leatherworking, shoemaking,

carpentry, joinery, and jewelry crafting — were also mostly in the hands of Chinese artisans — small business owners, with whom worked the Chinese hired employees [Skinner 1957: 117].

In 1909, China passed the Citizenship Law, according to which all children of Chinese parents have since been recognized as Chinese citizens, regardless of their places of birth and residence [Kitajskie etnicheskie gruppy v Yugo-Vostochnoj Azii 1986: 46]. Since then, overseas Chinese have been able to apply to Chinese consular offices to obtain Chinese citizenship and, if they could prove their ‘blood ties’ with China, to receive it under a simplified procedure. It was an attempt by the Chinese authorities to return overseas Chinese to their sphere of influence, but it was not very successful. In 1910, the authorities of the Qing empire, which was living out its last months, were forced to lift the previous ban on the departure of citizens from the country. This served as an additional incentive for many people to leave their homeland, which was in deep crisis at the time, in search of a better life, since then they could do it completely legally, without fear of reprisal.

Representatives of the Chinese community in the cities of Siam built schools and temples, raised money to invite teachers from China who could teach their children the language of their fathers. Often, wealthy members of the Chinese community sent their children to study in China [The Encyclopedia of the Chinese Overseas 1999: 222].

The patriotic secret societies of Chinese immigrants in Siam, originally created to organize the fight against the Manchu invaders, continued to exist after the overthrow of the Qing Empire in 1911, but their political protest potential gradually faded into the background, while the other side of their activities came to the front — various kinds of illegal and semi-legal businesses [Kitajskie etnicheskie gruppy v Yugo-Vostochnoj Azii 1986: 56].

According to the Ministry of Agriculture of Thailand, by the beginning of the 20th century in the rice industry, almost all exporters were ethnic Chinese. The role of ethnic Thais in the country’s economy was mainly limited to the growing of rice, only a few representatives of the Thai aristocracy and bureaucracy owned rice mills together with foreign companies, this was probably a legacy of the times when rice trade was still the exclusive monopoly of the Siamese king [Shustrov 2006: 35]. Over time, overseas Chinese came to control the full cycle of rice turnover in Thailand: purchase of raw materials — processing at rice mills — export. By 1919, almost all rice mills that were not yet under the control of the Chinese were either sold to them or closed altogether [Ibid].

Economic activity of monopolies that were created by Western powers in their colonies in Southeast Asia, presented additional difficulties for the developing Chinese business in Siam. To protect their positions on the market, Chinese capitalists at the beginning of the 20th century began to establish chambers of commerce, they were closed organizations only for members, their main purpose was mutual support, exchange of commercial information, division of spheres of influence and settlement of disputes between their members. Initially, such chambers were established by spheres of economic activity, largely on the foundations of the old Chinese trade and craft guilds, later they expanded to city and regional scales, after which federations of Chinese chambers of commerce began to appear throughout the country.

Bibliography

- Baker, Pasuk 2014 — C. Baker, P. Pasuk. A History of Thailand. 3rd edition. Melbourne: Cambridge University Press, 2014.
- The Encyclopedia of the Chinese Overseas 1999 — The Encyclopedia of the Chinese Overseas. Ed. by L. Pan. Surrey: Curzon Press, 1999.
- Kitajskie etnicheskie gruppy v Yugo-Vostochnoj Azii 1986 — Kitajskie etnicheskie gruppy v Yugo-Vostochnoj Azii. / Pod red. G. F. Kim, G. I., Levinson, G. I. Chufirin. Moskva: Nauka, 1986.
- Shustrov 2006 — P. E. Shustrov. Ekonomicheskaya politika gosudarstva v Tailande (1945–2005 gg.): dis. ...kand. ekon. nauk.: 08.00.14. M., 2006.
- Skinner 1957 — G. W. Skinner. Chinese society in Thailand: An Analytical History. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1957.

CULTURAL AND HUMANITARIAN COOPERATION BETWEEN THAILAND AND RUSSIA: AS A FRIENDSHIP SUPPORT FACTOR

K. Pongchingngam

*School of International Relations,
Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg
katima.p@arts.tu.ac.th*

Abstract

This article explores cooperation between Thailand and Russia in the spheres of cultural and humanitarian cooperation from the late Cold War era until the present, analyzing this cooperation as a factor in friendship-building. Neoliberalism, transnationalism, and the concept of soft power are used as analytical frameworks. The findings suggest that although Thailand and Russia have a long-term relationship, considerable potential remains for further international relations development. Challenges for Thailand and Russia include mutual understanding. The lack of knowledge about the Russian language and culture among Thai people presents certain difficulties. However, Russia remains a key player in the international arena for Thailand. In Thailand, Russian language courses and Russian studies researches are prominent, while in Russia, the Thai language is taught at leading universities. In addition, both countries try to establish people-to-people contact through cultural activities, education, and tourism. The article concludes that cultural and humanitarian cooperation is a significant factor in promoting the Thai-Russian cooperation, especially in the fields of political and economic cooperation.

1. Introduction

The cultural and humanitarian cooperation¹ between Thailand and Russia is an important factor for strengthening the relations between both countries. I would like to emphasize that the citizens play the crucial part as the mechanism that helps initiate the cooperation between Thailand and Russia, apart from the government. Accordingly, I specifically focus on the attempt of Thailand to establish the relations between Thai and Russian citizens.

The theory of neoliberalism is used as an analytical framework. Particularly, the development of transnational relations or transnationalism framework is the process where international relations are supported by the individuals and the society. The citizens play a significant role that helps initiate the cooperation, apart from the government [จันทร์ชนะกุล 2562]. Soft power is the power that the nation-states use to persuade countries to commit or avoid an action. These concepts are used to analyze the cultural and humanitarian cooperation as a factor that supports the friendship between Thailand and Russia.

2. Cultural and Humanitarian Cooperation between Thailand and Russia

Thai-Russian relations did not always proceed well during the Cold War era due to the difference in their political ideologies. Nevertheless, Thailand could not neglect Russia since the country, as a Great power, also has the power like the US.

During the Cold War Russia used soft power in the form of educational support by providing scholarships for Thai students. Using education as a tool is a peaceful way to enhance its influence without using force, and it is also the foundation that the mutual understanding is built upon. The scholarships are a successful tool as the graduates from Russia come back to teach the Russian language and form the knowledge regarding the Russian studies. Initiating relations on the citizen's level is part of the mechanism that helps increase the mutual understanding that led to the expansion of Russian influence in Thailand.

¹ In Russia the term of humanitarian cooperation has a wider meaning. Humanitarian cooperation includes cultural exchanges, inter-civilization dialogue and dialogue between people.

The educational institutions in Thailand realize the importance of knowledge about Russia. Consequently, they initiate the studies regarding Russia's history, politics, and economy since Russia is the Great power that has the potential to dominate the world. It is inevitably necessary to learn about Russia. The first time the Russian language was taught at the Faculty of Liberal Arts, Thammasat University. The idea was initiated by professor Dr. Adul Wichiancharoen, who was the previous Dean of Faculty of Liberal Arts and was the acting rector of Thammasat University. Upon his request, Princess Galyani Vadhana was a lecturer and head of the Western Language Department at the Faculty of Liberal Arts, Thammasat University. Moreover, the two daughters of the Thai ambassador at Moscow, who were about to finish their master's degree in Russian language and literature, were invited to become the lecturers at the Faculty of Liberal Arts. Followingly, Thailand started to hold the Russian language classes in 1975 [ภิรมนตรี 2546: 67]. It could be indicated that the beginning of building the understanding of Russia in Thailand was started by the educational personnel that realized the importance of learning and understanding other countries although Thailand and Russia had different political ideologies.

After the collapse of the Soviet Union, the international political climate which was tense during the cold war years became relaxed and moved towards peace and cooperation [Kunwongse 2007: 145], specifically in terms of trades and traveling between the Thais and Russians. Consequently, the Russian language received more attention. However, Russia was facing domestic political and economic problems in the 1990s and its power in the international arena decreased, hence, the country focused on resolving the domestic problems and maintaining its influence within the region rather than spreading its culture in Southeast Asia. Due to the factors of both Thailand and Russia, they still could not establish the relations during the 1990s, and the level of their international relations at that time became consequently the obstacle for the smooth development of their relations later in the next era. Nonetheless, the important result from the educational opportunity that Russia provided for the Thai students to study in the Soviet Union resulted in appearance of a group of people developing the knowledge of Russia, especially in the field of Russian language teaching, the initiative that eventually led to including the Russian study (that involves all spheres) in the curriculum. Considering Thailand, the initiative of the educational institutions like the university and the graduates, who

received the opportunity to study in Russia, are the important mechanism for creating the understanding of Russia among Thai citizens.

When Prime Minister Thaksin Shinawatra began to govern Thailand at the beginning of 21 century, he officially visited Russia in 2002 and 2005. Thailand's Prime Minister was interested to interact with other great powers apart from the US, China, and Japan, Thailand started to promote cooperation with Russia. Russia was the new market Thailand interested to trade with and investing in. For Thailand, when the relations with Russia proceeded, Russia would become the hub that connected Thailand to the other Commonwealth of Independent States. Although the Thai government at that time attempted to develop the cooperation in various aspects with Russia, they still faced a crucial obstacle, which was not only the lack of personnel, who would work for the development of the relations with Russia, enforcing the government's policy, but also their lack of knowledge and understanding of the specifics which resulted to the inability to improve the relation as it had been expected.

The Faculty of Liberal Arts in the Thammasat University initiated the interdisciplinary courses regarding Russia in 2003. The Russian Studies Program was introduced at the time when Thailand focused on developing cooperation with Russia. It could be said that the university attempted to provide the knowledge for both the government and private sectors, and to train students, who would become the important workforce for the development of cooperation between Thailand and Russia.

For example, the Russian Studies Program at Thammasat University has curriculum that focuses mainly on Russian studies in an interdisciplinary study that includes knowledge of politics, economy, military, society, and culture. The highlights, for instance, are the Russian language, history of Russia, politics and governance of Russia, and Russian foreign policy. Furthermore, the students will have the opportunity to do their own research on the topics about Russia and the Commonwealth of Independent States during their senior year [โครงการวิจัยพิเศษ สึกษษา 2561]. The program provides for the enrollment of approximately 100 students per year and there are about 80–90 graduates per year. After graduation, some graduates from the Russian Studies Program may apply for the Russian government scholarships to pursue a master's degree and a doctoral degree [Embassy of The Russian Federation in the Kingdom of Thailand 2021] and then return to become the civil servants in the Ministry of Foreign Affairs and Ministry of Commerce, the

lecturers at universities, and some may start and run their own business in tourism. Moreover, Thammasat University together with the State Linguistic University of Nizhny Novgorod founded the Russian and Commonwealth of Independent States Center at Thammasat University in November 2015 with the purpose of building the knowledge and developing the personnel with knowledge and understanding of Russia and the Commonwealth of Independent States Center through academic activities, seminars, researches, and the academic exchange between Thai and Russia institutions as they help support the understanding of Russia and the Commonwealth of Independent States among Thai citizens and connect the people and institutions from both countries together [TIARA 2021].

In addition, the science and technology institution like the National Science and Technology Development Agency together with the Information Technology Foundation under the Initiative of Her Royal Highness Princess Maha Chakri Sirindhorn provides the master's degree scholarships at Skolkovo Institute of Science and Technology [มูลนิธิเทคโนโลยีสารสนเทศตามพระราชดำริสมเด็จพระเทพรัตนราชสุดาฯ สยามบรมราชกุมารี 2563]. It shows that many sectors have been trying to support specialists with good knowledge and understanding about Russia to improve future cooperation.

In terms of the cultural cooperation, the Thai Embassy in Moscow is the important agency that proceeds with cultural diplomacy as the embassy uses soft power to support the reputation and enhance the awareness of Thailand through the Thai cultural performance, Thai boxing demonstration, and Thai cooking demonstration like at the "Taste of Thailand" event in April 2021 [สถานเอกอัครราชทูต ณ กรุงมอสโก 2562]. The embassy also cooperates with the leading institutions of Russia in order to establish "Hong Thai" by providing institutions of Russia in order to establish "Hong Thai" by providing books and related documents about Thailand to be kept there [MFA Thailand 2013].

3. Conclusion

Cultural and humanitarian cooperation is a factor that helps support Thai-Russia relations. Mutual understandings between the citizens of both countries facilitate traveling, which positively supports the tourism industry, trades, and investment. The institutions, especially in Thailand, also play a significant role in enhancing the understanding that improves the cooperation because they have the specialists that

are ready to support the government policy and become the workforces for economic cooperation. Despite the modern Thai-Russian relations that have been proceeding for more than 29 years (2021), the cooperation between both countries still needs support from various sectors of society. Cooperation from both sides in terms of politics, economy, and culture must help support each other. It means that if the Thai leaders do not prioritize relations with Russia, the other government agencies and private sectors cannot implement new initiatives for relations between Thailand and Russia. Although the educational institutions are able to train students to accommodate the interactions between Thailand and Russia, especially in trade matters, they cannot be achieved without the support from the nation's leaders. Although both countries have different historical backgrounds and have experienced the struggles domestically, education and cultural exchange are still the important tools to support the political and economic cooperation between Thailand and Russia.

Bibliography

- Embassy of The Russian Federation in the Kingdom of Thailand 2021 — Embassy of The Russian Federation in the Kingdom of Thailand. Cultural Cooperation 2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.thailand.mid.ru/en/russian-thai-relations/education> (accessed 04.05.2021).
- Kunwongse 2007 — W. Kunwongse. Respecting the past and attaching importance to the future: Relations between Thailand and Russia after the establishment of new diplomatic relations to the present (1939-present). Amarin Printing and Publishing Public Company Limited.
- MFA Thailand 2013 — Ministry of Foreign Affairs, Kingdom of Thailand 2013. The Royal Thai Embassy in Moscow opened the Thai-Muay Thai Room at the Ural Federal University [Electronic resource]. URL: <http://m.mfa.go.th/main/en/media-center/30/40988-The-Royal-Thai-Embassy-in-Moscow-opened-the-Thai-M.html> (accessed 03.05.2021).
- TIARA 2021 — Thammasat Institute of Area Studies 2021. About Russia & CIS Studies Center [Electronic resource]. URL: <http://www.tiara-tu.ac.th/site/ourCenRussia> (accessed 03.05.2021).
- โครงการวิจัยศึกษา 2561 — โครงการวิจัยศึกษา. หลักสูตรศิลปศาสตรบัณฑิต สาขาวิชารัฐศาสตร์ศึกษา หลักสูตรปรับปรุง พ.ศ. 2561 [ทรัพยากรอิเล็กทรอนิกส์]. URL: <https://arts.tu.ac.th/undergraduate> (สืบค้นเมื่อวันที่ 04.05.2021).
- จันทร์ชนกกุล, นวลเป็ยน 2562 — รุ่งทิพย์ จันทร์ชนกกุล, ปริญา นวลเป็ยน. ลักษณะข้ามชาติ. ความคิดทางการเมืองและสังคม. URL: <https://www.stou.ac.th/Schoolnew/polsci/Uploaded-File/82227-6.pdf> (สืบค้นเมื่อวันที่ 04.05.2021).

ภิรมนตรี 2546 — รมย์ภิรมนตรี. จากภาษารัสเซียถึงรัสเซียศึกษา: ความเป็นมาและความจำเป็น. วารสารศิลปศาสตร์. 2546. ปีที่ 3 ฉบับที่ 2.

มูลนิธิเทคโนโลยีสารสนเทศตามพระราชดำริสมเด็จพระเทพรัตนราชสุดาฯ สยามบรมราชกุมารี 2563 — มูลนิธิเทคโนโลยีสารสนเทศตามพระราชดำริสมเด็จพระเทพรัตนราชสุดาฯ สยามบรมราชกุมารี. ความเป็นมา: ทุนการศึกษา สถาบันวิทยาศาสตร์และเทคโนโลยีสโกลโกโว (Skolkovo Institute of Science and Technology: Skoltech). สหพันธ์รัฐรัสเซีย [ทรัพยากรอิเล็กทรอนิกส์]. URL: <https://www.princess-it.org/th/scholarship/skoltech.html> (สืบค้นเมื่อวันที่ 04.05.2021).

สถานเอกอัครราชทูต ณ กรุงมอสโก 2562 — สถานเอกอัครราชทูต ณ กรุงมอสโก. เมื่อวันที่ 24 เมษายน 2564 สถานเอกอัครราชทูต ณ กรุงมอสโก จัดงาน “Taste of Thailand” ร่วมกับฝ่ายการเกษตร [ทรัพยากรอิเล็กทรอนิกส์].

เมืองชายแดนในวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศ:

พื้นที่และเวลาในความสัมพันธ์ไทย-ลาว

BORDERLAND STUDIES IN INTERNATIONAL RELATIONS: SPACE AND TIME IN THE THAI-LAO RELATIONS

ธนเชษฐ วิสัยจร

T. Wisaijorn

*Faculty of Political Science, Ubon Ratchathani University,
Ubon Ratchathani, Thailand
thanachatew@gmail.com*

บทนำ¹

บทความชิ้นนี้เป็นการทบทวนวรรณกรรมวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศ (International Relations) ว่าด้วยประเด็นความสัมพันธ์ไทย-ลาว ซึ่งมุ่งศึกษาประเด็นด้านเวลา (temporal dimension) ที่ถูกมองข้ามในการศึกษากระแสหลัก ทั้งนี้ สาเหตุที่ผู้เขียนต้องการนำเสนอมีเวลาในฐานะประเด็นปัญหา (problematisation) ในทฤษฎีความสัมพันธ์ระหว่างประเทศ มีดังต่อไปนี้

ประการแรก โดยมากมิติของเวลา ในวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศกระแสหลักจะเป็นการเขียนประวัติศาสตร์ที่ยึดเรื่องเล่าที่รัฐศูนย์กลาง (state-centrism) และเขียนประวัติศาสตร์เป็นเส้นตรง (historicism) ของคู่ประเทศในฐานะตัวแสดงของเรื่องเล่าหลักในความสัมพันธ์ของประเทศทั้งสอง [Hutchings 2008; Chakrabarty 2008] ผลที่ตามมาคือเกิดการละเลยประวัติศาสตร์ของท้องถิ่นโดยเฉพาะอย่างยิ่งเมืองชายแดนซึ่งหมายถึง เมืองที่อยู่อาณาบริเวณชายแดนอันมีพื้นที่อยู่ในรัฐทั้งสองรัฐทว่ามีเส้นเขตแดนที่ติดกัน แท้จริงแล้วเมืองชายแดนนั้นมีเรื่องเล่าเป็นของตนเองและมีความสำคัญ เนื่องจากได้รับผลกระทบจากการกำหนดนโยบายของรัฐบาลส่วนกลางไม่โดยตรงก็โดยอ้อม ฉะนั้นเมืองชายแดนจึงมีลักษณะเป็นพื้นที่ที่สาม (Third Space) ตามทัศนะของ โทมัส เนล [Nail 2016] และธนเชษฐ วิสัยจร [Wisaijorn 2018] กล่าวคือมีลักษณะเฉพาะและลักษณะผสมในการตีความเชิงพื้นที่และเวลา โดยบางครั้งผู้คนที่ถือการตีความพื้นที่และเวลาตามที่รัฐกำหนด คือเขตแดนของรัฐต้องแยกออกจากกัน หากจะข้ามเขตแดนต้องผ่านพิธีการตรวจคนเข้าเมืองจากรัฐ แต่บ่อยครั้งผู้คนที่ลี้ภัยกันนั้นก็เลยลัดข้อกำหนดดังกล่าว

¹ หมายเหตุ บทความนี้ใช้คำจำกัดความดังนี้ 1. border แปลว่า ชายแดน 2. boundary แปลว่า เส้นอาณาเขต 3. limit แปลว่า เขตแดน 4. territory แปลว่า เขตแดน 5. territorial sovereignty แปลว่า อำนาจอธิปไตยเหนือดินแดน

ประการที่สอง ผู้เขียนต้องการทบทวนวรรณกรรมในประเด็นชายแดนไทย-ลาว และชี้ให้เห็นว่าลักษณะการอ่านพื้นที่และเวลามักถูกผูกขาดการตีความโดยชนชั้นนำ การอ่านและการเขียนเวลาโดยอีกรัฐเป็นศูนย์กลาง (state-centric temporality) และการเขียนประวัติศาสตร์ที่มีลักษณะเดินเป็นเส้นตรงโดยชนชั้นนำที่ถนัดและนำไปปฏิบัติผสมผสานกับวิถีปฏิบัติดั้งเดิมจนอาจกล่าวได้ว่ามีลักษณะเป็นการอ่านพื้นที่แบบพื้นที่ที่สาม ตั้งแต่ลาวได้รับเอกราชใน ค.ศ. 1954 จนถึงปัจจุบัน

ประการที่สาม ผู้เขียนต้องการจะเพิ่มความสำคัญของมิติด้านเวลาในความสัมพันธ์ระหว่างประเทศของเมืองที่ตั้งอยู่เหนือเส้นแบ่งอธิปไตยของรัฐสองรัฐ ในทฤษฎีความสัมพันธ์ระหว่างประเทศเรียกเส้นแบ่งนี้แตกต่างกันไปตามบริบท เช่น เขตแดน (territory) หรือการลากเส้นเขตแดน (boundary) การเข้าไปอ่านเวลาโดยมุ่งเน้นการปฏิสัมพันธ์ระหว่างโครโนส (chronos) และไโครส (Kairos) ตามทัศนะของคิมเบอร์ลี ฮัทซิงส์ [Hutchings 2008] จะถูกนำไปวิเคราะห์และขยายความ กล่าวคือ “โครโนส” หมายถึง การดำเนินของเวลาในห้วงประวัติศาสตร์ที่มีกิจกรรมที่เกิดขึ้นซ้ำและดำเนินต่อไปโดยไม่สะดุด ส่วน “ไโครส” หมายถึง สภาวะที่ตัวแสดงทางการเมืองต้องตัดสินใจว่าจะเปลี่ยนวิถีการปฏิบัติไปในรูปแบบหนึ่งหรือไม่ เช่น การเปลี่ยนผ่านจากรัฐโบราณของสยามมาเป็นรัฐสมัยใหม่ ในตอนที่มีการบังคับใช้วิถีคิดแบบเขตแดนแบบเวสต์ฟาเลียเป็นครั้งแรกก็จัดได้ว่าป็นไโครส

ผู้เขียนเห็นด้วยกับ ฮัทซิงส์ [Hutchings 2008] ที่เสนอว่าการตีความเวลาที่หลากหลายเป็นหนึ่งในวิธีการที่จะเพิ่มมิติให้กับทฤษฎีที่นำไปใช้อธิบายความสัมพันธ์ระหว่างรัฐสองรัฐ แม้ฮัทซิงส์ [Hutchings 2008] จะอ้างว่านักคิดวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศละเลยมิติด้านเวลาไปโดยเฉพาะสำนักสังคมนิยม แต่ผู้เขียนยังยืนยันว่าหากกล่าวเช่นนั้นก็ยังไม่เป็นธรรมกับสำนักสังคมนิยมหรืองานวิชาการที่ผลิตมาเขียนมาเพื่ออธิบายความสัมพันธ์ไทย-ลาวตามกระบวนการที่ศรัทธาหลักเท่าใดนัก โดยเฉพาะอย่างยิ่งในงานเขียนเชิงวิชาการที่อธิบายความสัมพันธ์ระหว่างไทยและลาวนับตั้งแต่ ค.ศ. 1954 จนถึงปัจจุบันคือ ค.ศ. 2018 เราจะพบว่าการอ่านเวลานั้นปรากฏอยู่ในงานเขียนแทบทุกชิ้น เพียงแต่เป็นการอ่านเวลาแบบที่ยึดรัฐเป็นศูนย์กลาง ซึ่งมองความสัมพันธ์ระหว่างรัฐสองรัฐคือรัฐไทยและรัฐลาวว่าไม่แตกต่างไปจากความสัมพันธ์ระหว่างศูนย์กลางของรัฐสองรัฐ คือกรุงเทพฯ และเวียงจันทน์ การปฏิสัมพันธ์ระหว่างโครโนสกับไโครสที่ยังปรากฏอยู่เมื่อมีการบอกเล่าการเปลี่ยนแปลงทางประวัติศาสตร์ เช่น เมื่อรัฐสยาม (รัฐไทยในอดีต) มีการปฏิรูประบบราชการและนำวิถีคิดแบบรัฐเวสต์ฟาเลียมาใช้ [Bunnag 1968; Breazeale, 1975] นั่นก็จัดได้ว่าป็นไโครสคือเกิดการเปลี่ยนแปลงทางด้านบริหารจัดการของสยามซึ่งเป็นการเปลี่ยนแปลงระดับรัฐ แต่งานเขียนชิ้นนี้ต้องการเสนอว่าการอ่านเวลาเช่นนี้ยังขาดการตีความที่รอบด้าน เนื่องจากการผูกขาดการตีความเวลาโดยชนชั้นนำ (temporal dimension monopolised by the elites) การอ่านและการเขียนเวลาโดยอีกรัฐเป็นศูนย์กลาง การเขียนประวัติศาสตร์ที่มีลักษณะเดินเป็นเส้นตรง การอ่านมิติของเวลาเช่นนี้ ผู้เขียนจะเรียกว่า “กับดักห้วงเวลา” (Temporal Trap)

กับดักห้วงเวลาในทฤษฎีความสัมพันธ์ระหว่างประเทศ

(Temporal trap in International Relations)

ใน ค.ศ. 1994 จอห์น แอ็กนิว (John Agnew) ได้เขียนบทความเรื่อง The Territorial Trap: The Geographical Assumptions of International Relations Theory ซึ่งระบุว่าในทฤษฎีความสัมพันธ์ระหว่างประเทศ จะปรากฏกับดักเส้นเขตแดนอยู่ 3 ลักษณะ คือ 1. แนวคิดว่าพื้นที่รัฐแยกออกเป็นสองส่วนคือพื้นที่ภายในและภายนอก 2. แนวคิดที่ว่ารัฐเป็นเหมือนภาชนะ และ 3. การผูกขาดการตีความเขตแดนโดยชนชั้นนำทางการเมือง

บทความของ ธนเชษฐ วิสัยจร [Wisajorn 2017] ได้ระบุเพิ่มเติมว่า กับดักเส้นเขตแดนนี้ปรากฏอยู่ในนักคิดวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศกระแสหลัก ตั้งแต่สำนักสังคมนิยมคลาสสิกไปจนกระทั่งสังคมนิยมใหม่ ยกตัวอย่างเช่น ฮันส์ มอร์แกนธา [Morgenthau 1947, 1948, 1965] เฮิร์ซ [Herz 1959, 1968, 1975] และนักคิดที่เป็นทั้งนักวิชาการและนักการทูตอย่าง จอร์จ เคนนัน [Kennan 1947] ที่เคยดำรงตำแหน่งเอกอัครราชทูตสหรัฐอเมริกาประจำกรุงมอสโก ในอดีตสหภาพโซเวียตมาแล้ว ก็ถือได้ว่ามีทัศนะที่ขัดแย้งกับดักเส้นเขตแดนในทำนองคล้าย ๆ กันในหมู่นักคิดสังคมนิยมอย่าง เคนเน็ธ วอลซ์ [Waltz 1979] และ จอห์น เมียร์ไชเมอร์ [Mearsheimer 2001] กล่าวคือ รัฐมักจะถูกละมองว่าเปรียบเสมือนลูกบิลเลียด หรือหน่วยทางการเมือง ซึ่งมีปฏิสัมพันธ์ต่อกันในระบบระหว่างประเทศ

แม้ว่า ธนเชษฐ วิสัยจร [Wisajorn 2017] จะมุ่งวิเคราะห์กับดักเส้นเขตแดนที่ปรากฏอยู่ในทฤษฎี แต่บ่อยครั้งการอ่านเวลาแบบอีกรัฐเป็นศูนย์กลางที่ปรากฏอยู่ ยกตัวอย่าง ผู้เขียน ใ่ว์จารณ์กับดักเส้นเขตแดนในการตีความนโยบายต่างประเทศของเคนนัน [Kennan 1947] ที่ขามิบทบาทในการหว่านล้อมให้สหรัฐอเมริกาดำเนินนโยบายแบบป้องกัน (containment) กับสหภาพโซเวียตในยุคสงครามเย็น ด้วยเชื่อว่าสหภาพโซเวียตยึดถืออุดมการณ์แบบสังคมนิยม จะไม่โจมตีรัฐที่เป็นพหุนิยมในเวลานั้น สาเหตุคือวิถีคิดแบบสังคมนิยม จะเผื่อให้การกดขี่ขูดรีดของชนชั้นนายทุนจะส่งสมจนความเจ็บแค้นของชนชั้นกรรมาชีพค่อย ๆ ตุกจน และระเบิดฟุ้งพริ้วความโกรธแค้นจนเกิดการปฏิวัติประชาชน วิถีคิดเช่นนี้ชี้ให้เห็นถึงกับดักห้วงเวลาในแง่ที่ว่าการศึกษาเวลาถูกผูกขาดโดยชนชั้นนำ และอีกรัฐเป็นศูนย์กลาง กล่าวคือ เคนนัน [Kennan 1947] ในขณะที่เป็นนักการทูตที่ป้อนนโยบายเข้าสู่เมืองหลวงของสหรัฐอเมริกาในคราวชิงตันดีช อีกทั้งการอ่านประวัติศาสตร์แบบคาร์ล มาร์กซ์ (Karl Marx) ที่ลำดับวิวัฒนาการของสังคมมนุษย์ ตั้งแต่การปฏิสัมพันธ์ในครัวเรือน ต่อมาพัฒนาเป็นหมู่บ้าน ชนเผ่า จากหมู่บ้านชนเผ่ากลายเป็นเมือง จากเมืองก็เติบโตเป็นอาณาจักร จากอาณาจักรขยายใหญ่เป็นจักรวรรดิแล้วจึงมีการปฏิวัติอุตสาหกรรม [Marx, Engels 1974] ซึ่งเป็นการเขียนประวัติศาสตร์แบบเป็นเส้นตรงก็ปรากฏอยู่

แม้แต่ในการอ่านพื้นที่ของทั้งวอลซ์ [Waltz 1979] และเมียร์ไชเมอร์ [Mearsheimer 2001] ที่อีกรัฐเป็นศูนย์กลางและรัฐเป็นเหมือนลูกบิลเลียดที่ขับเคลื่อนในระบบระหว่างประเทศ การอ่านประวัติศาสตร์แบบเป็นเส้นตรงก็ยังชี้ให้เห็นเช่นกัน กล่าวคือ หากรัฐเป็นเหมือนลูกบิลเลียดจนกระทั่งกระเด็น และกระทบกันในระบบระหว่างประเทศได้ รัฐจะต้องมีชายแดนแบบเวสต์ฟาเลียเสียก่อน จึงหมายความว่าในความคิดของวอลซ์ รัฐเวสต์ฟาเลียเป็นรัฐที่พัฒนารูปแบบได้เหมาะสมที่สุดที่จะใช้ในการอธิบายการเมืองระหว่างประเทศ ชุมชนทางการเมืองของมนุษย์จะพัฒนาเป็นรัฐแบบเวสต์ฟาเลียได้สำเร็จ จะต้องผ่านประวัติศาสตร์ที่สืบทำเป็นเส้นตรงนับจากระดับครัวเรือนในสังคมมนุษย์ที่ค่อย ๆ พัฒนาเป็นชนเผ่า จากชนเผ่าเป็นเมือง จากเมืองเป็นอาณาจักร และอาณาจักรเป็นจักรวรรดิ หากอ้างตามประวัติศาสตร์ของทวีปยุโรป รัฐแบบศักดินาสวามิภักดิ์ (feudalism) ซึ่งจัดได้ว่าอยู่ในรูปแบบรัฐแบบจักรวรรดิได้ค่อย ๆ เสื่อมและสิ้นสุดลง ใน ค.ศ. 1648 แล้วจึงเกิดรัฐแบบเวสต์ฟาเลียขึ้น การอ่านประวัติศาสตร์ที่เป็นเส้นตรงเช่นนี้ เป็นการอ่านห้วงเวลาที่ยึดศูนย์กลางของรัฐเป็นหลักซึ่ง ฟิลิป ชาร์กบาร์ตี [Charkrabarty 2008] เองก็ตั้งคำถามกับการอ่านเวลาเช่นนี้ และผู้เขียนขอเสนอว่าบ่อยครั้งมองข้ามการอ่านเวลา กล่าวคือการปฏิสัมพันธ์ระหว่าง โคร โนสกับ ไคโรสผ่านตัวแสดงที่หลากหลายซึ่งอาจปรากฏอยู่ในบริเวณเมืองที่ตั้งอยู่บนขอบของเส้นพรมแดนไป

นักวิชาการความสัมพันธ์ระหว่างประเทศสำนักวิพากษ์ (critical International Relations) อย่าง คิมเบอร์ลี ฮัทชิงส์ [Hutchings 2008] ได้แสดงจุดยืนว่าการอ่านเวลาในการเมืองระหว่างประเทศไม่ควรจะถูกจำกัดไว้โดยอีกรัฐเป็นศูนย์กลางเท่านั้น โดยเฉพาะอย่างยิ่ง เมื่อนักวิชาการความสัมพันธ์ระหว่างประเทศต้องวิเคราะห์และอธิบายความสัมพันธ์ระหว่างตัวแสดงทั้งที่เป็นรัฐและไม่ใช่อรัฐ ฮัทชิงส์ [Hutchings 2007] ชี้ให้เห็นว่าการอ่านเวลาของโลกที่หลากหลาย (heterogeneity of world political times) จะช่วยส่งเสริมให้การวิเคราะห์การเมืองในวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศมีมิติที่หลากหลายมากขึ้นและทำให้การอภิปรายถกเถียงในสาขาวิชาเติบโตมากยิ่งขึ้นด้วยเช่นกัน

1. กบฏค้ำหว่งเวลาในความสัมพันธ์ไทย-ลาว

1.1. ความสัมพันธ์ไทยลาวจาก ค.ศ. 1954 ถึง 1975

ตามกรอบการวิเคราะห์ที่มีดีเวลาของฮัตชิงส์ [Hutchings 2008] โครโนสเป้นการดำเนินของเวลาที่เป็นเส้นตรง หากเป็นการวิเคราะห์การเมืองมักจะเป็นการกำหนดบังคับใช้เวลาโดยรัฐ ซึ่งผู้กำหนดการตีความในรัฐบาลกลางก็ถือได้ว่าเป็นชนชั้นนำในการกำหนดนโยบายระหว่างประเทศซึ่งปรากฏอยู่ในการบรรยายถึงความสัมพันธ์ไทยลาว ในการประชุมเจนีวาในปี ค.ศ. 1954 ได้มีการถกเถียงหาบทสรุปในการจัดการประเด็นในอินโดจีนของฝรั่งเศส ซึ่งบทสรุปของการยุติสงครามอินโดจีน ระหว่างฝรั่งเศสกับเวียดนามห์ ได้ลงนามภายใต้ชื่อ สนธิสัญญาสันติภาพเจนีวา (Geneva Accords) และนำมาซึ่งรัฐอิสระ 4 รัฐ คือเวียดนามเหนือ เวียดนามใต้ กัมพูชา และราชอาณาจักรลาว อันเป็นจุดเริ่มต้นของการเป็นรัฐสมัยใหม่ของชนชาติลาวไม่ใช่นานหนึ่งของอินโดจีนภายใต้อำนาจอธิปไตยของฝรั่งเศส [Evans 2002; Lockard 2009]

สนธิสัญญาสันติภาพเจนีวา ค.ศ. 1954 จึงเป็นกลไกการตีความด้านเวลาในรูปแบบโครสที่เปลี่ยนผ่านของประวัติศาสตร์ความเป็นรัฐได้การปกครองของฝรั่งเศสของลาว เมื่อได้รับเอกราชลาวาจึงมีโครโนสแบบใหม่ในฐานะรัฐอิสระภายใต้ชื่อราชอาณาจักรลาว อย่างไรก็ตามเอกราชที่วากกลับมิได้นำมาซึ่งสันติภาพในภูมิภาค หากแต่เป็นความรุนแรงที่สืบเนื่องมาจากอาชานิคมภายใต้ชื่อสงครามเย็น ซึ่งเป็นสงครามอุดมการณ์ระหว่างสังคมนิยมคอมมิวนิสต์ ภายใต้การนำของทั้งสหภาพโซเวียตและจีนแผ่นดินใหญ่ในขณะที่นั้นซึ่งได้เข้ามามีอิทธิพลในเวียดนามเหนือและลาวบางส่วน ในขณะที่สหรัฐอเมริกาได้พยายามเข้ามาสนับสนุนอุดมการณ์แบบเสรีนิยมประชาธิปไตยในภูมิภาค [Stevenson 1972] แม้ว่ารัฐบาลที่ตนสนับสนุนจะไม่ได้เป็นประชาธิปไตยรายใดที่ยังมีระบบเศรษฐกิจแบบทุนนิยมสหรัฐอเมริกาก็จะยังให้การสนับสนุนอย่างเต็มที่ อาทิ เวียดนามใต้ และไทย กล่าวคือสหรัฐอเมริกาเองก็พยายามจะเข้ามามีบทบาทในด้านเศรษฐกิจและการเมืองในเวียดนามใต้และเวียดนามเหนือเพื่อแทนที่ฝรั่งเศสหลังจากภายในสงครามเดือนเมษายนปี ค.ศ. 1953 โดยหันไปสนับสนุนรัฐบาลสฤทธ์ ณะรัชต์ในอีกไม่กี่ปีหลังจากนั้น [กุลลดา 2550] และสนับสนุนงบประมาณให้กับรัฐบาลลาว [Stevenson 1972] นอกจากนี้สหรัฐอเมริกาได้ร่วมผลักดันให้เกิดความร่วมมือในลักษณะความมั่นคงร่วม (collective security) ในชื่อ องค์การของสนธิสัญญาการป้องกันร่วมกันแห่งเอเชียตะวันออกเฉียงใต้ (สปอ.) หรือ ซีโต้ (South-East Asia Collection Defence Treaty: SEATO) ที่ เอ็ดเวิร์ด ซาอิด [Said 1977] นักคิดจากสำนักหลังอาชานิคมระบุว่า เป็นกลไกในการดึงให้ประเทศที่เพิ่งได้รับเอกราชเข้าร่วมอุดมการณ์กับสหรัฐอเมริกา หรืออาจจะเป็นการยินยอมให้สหรัฐอเมริกาสามารถส่งกำลังทหารเข้าไปประจำการในประเทศนั้นเพื่อต่อต้านลัทธิคอมมิวนิสต์ ท้ายสุดแล้วสหรัฐอเมริกาส่งทหารมาประจำการในอินโดจีนราว ๆ 500,000 คน ผู้เขียนจึงแสดงทัศนะว่าการแทรกแซงของสหรัฐอเมริกาจะสำเร็จได้ก็ต่อเมื่อชนชั้นนำในประเทศในภูมิภาคอินโดจีนและใกล้เคียงคือไทยให้การยินยอม การกำหนดนโยบาย และการตีความด้านพื้นที่และเวลาเช่นนี้จึงจัดอยู่ใน การผูกขาดการตีความโดยชนชั้นนำ

หลักบูรณภาพแห่งดินแดน (territorial integrity) ตามวิธีคิดเรื่องชายแดนแบบเวสต์ฟาเลียถูกปรับเปลี่ยนไปตามที่ชนชั้นนำของแต่ละรัฐในขณะนั้นต้องการ โดยจะใช้ข้ออ้างว่าเป็นไปเพื่อผลประโยชน์แห่งชาติในการป้องกันภัยคุกคามจากลัทธิคอมมิวนิสต์ ซึ่งการตีความด้านการกำหนดเวลาเช่นนี้มีลักษณะที่ถูกคิดกับวิภาษนญาของชนชั้นนำ (โครส) ของทั้งไทย ลาว และเวียดนามใต้ เช่น กองกำลังของกองทัพสหรัฐอเมริกาได้รับอนุญาตให้เข้ามาตั้งฐานทัพในไทย เวียดนามใต้ ก่อน ค.ศ. 1975 หลังจาก ค.ศ. 1975 กองกำลังเวียดนามก็ได้เข้าไปตั้งฐานทัพในสาธารณรัฐประชาธิปไตยประชาชนลาว [Oldfield 1998] ก่อนหน้านั้นหลักการเรื่องบูรณภาพแห่งดินแดนไม่ได้ถูกนำไปปฏิบัติอย่างเคร่งครัดนัก แม้ว่าเส้นเขตแดนไทยกับลาวมีปรากฏอยู่ แต่สหรัฐอเมริกาและไทยเองก็ยังส่งกองกำลังเข้าไปปฏิบัติการทางทหารในลาวอย่างลับ ๆ [Lee 2012] จนกระทั่งสหรัฐอเมริกาถอนทหารใน ค.ศ. 1973 และ ค.ศ. 1975 รัฐบาลลาวได้เข้มงวดกับหลักการบูรณภาพแห่งดินแดนในบริเวณชายแดน

ไทย-ลาวมาจนเกิดการกระทบกระทั่งจนเป็นกรณีพิพาทกับไทยหลายต่อหลายครั้ง ด้วยเส้นเขตแดนไทย-ลาวในขณะนั้น ไม่ได้ทำหน้าทีแค่เพียงเส้นแบ่งอำนาจอธิปไตยของรัฐสองรัฐ หากแต่ยังเป็นเส้นแบ่งโลกอุดมการณ์สองโลกถือเสรีนิยมประชาธิปไตย กับสังคมนิยมคอมมิวนิสต์อีกด้วย ทหารไทยไม่สามารถเข้าไปในเขตแดนลาวได้อีก ไม่ว่าจะโดยเปิดเผยหรือในทางลับ แต่ทหารเวียดนามกลับได้รับอนุญาตให้เข้ามาปฏิบัติการทางทหารในสาธารณรัฐประชาธิปไตยประชาชนลาว ที่เป็นชนชั้นนำในรัฐบาลอีกที่ผูกขาดการตีความที่จะอนุโลม หรือ ไม่อนุโลมให้มีการปฏิบัติการทางทหารภายในลาว ซึ่งภายหลัง ค.ศ.1975 โลกสอง พหุวิธาน ประธานประเทศสาธารณรัฐประชาธิปไตยประชาชนลาว ก็ใช้วิจารณ์ณาในการเลือกตัดสินใจว่าจะบังคับใช้การตีความเชิงพื้นที่แบบรัฐเวสต์ฟาเลียกับรัฐบาลใด กล่าวคือจะเคร่งครัดกับรัฐบาลไทยแต่จะอนุโลมกับเวียดนาม เนื่องจากลาวและเวียดนามได้ลงนามใน “สนธิสัญญามิตรภาพและความร่วมมือลาวและเวียดนาม” (Treaty of Friendship and Cooperation between Lao People’s Democratic Republic and the Socialist Republic of Vietnam) ไปแล้ว

การลากเส้นเขตแดนไทย-ลาว เป็นการตกลงกันระหว่างชนชั้นนำของทั้งสองรัฐ ทว่าหลายต่อหลายครั้งก็เหมือนจะมองข้ามการปฏิสัมพันธ์ระหว่างใคร ในสและโคโรสของผู้อื่นที่อาศัยอยู่ในบริเวณชายแดน โดยเฉพาะอย่างยิ่งในช่วงสงครามเย็นซึ่งผู้คนจำนวนมากมาต้องเสียชีวิต บาดเจ็บและต้องถูกบังคับให้อพยพย้ายถิ่น แม้ว่ากัมพูชา ลาว เวียดนามเหนือ และเวียดนามใต้จะได้รับเอกราชแล้วตั้งแต่ ค.ศ. 1953–1954 แต่ผู้คนก็ยังได้รับผลกระทบคือผลของสงครามอินโดจีนครั้งที่หนึ่งตั้งแต่ทศวรรษที่ 1940 และ 1950 เฉพาะในเวียดนามก็คาดการณ์ว่ามีผู้เสียชีวิตนับล้านคนเลยทีเดียว [Hirshman, Preston, Loi 1995]

ในคำบรรยายวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศในคณะรัฐศาสตร์ มหาวิทยาลัยเชียงใหม่ ซึ่ง มล. พันธุ์สุรีย์ ลดาวัลย์ (2513) [พันธุ์สุรีย์ 2513] เป็นผู้เขียน ได้สะท้อนชะงัดการผูกขาดด้านเวลาของชนชั้นนำทางการเมืองในการกำหนดนโยบายต่างประเทศและการดำเนินความสัมพันธ์ไทย-ลาว กล่าวคือมีการกล่าวอ้างประวัติศาสตร์เมื่อครั้งยังมีได้มีสนธิสัญญาสยาม-ฝรั่งเศสใน ค.ศ. 1893 ว่าลาวซึ่งตอนนั้นเป็นอาณาจักรโบราณ เป็นประเทศราชของกรุงรัตนโกสินทร์ และหลังจากนั้นสยาม กษัตริย์กรุงรัตนโกสินทร์ ได้สูญเสียดินแดนฝั่งซ้ายแม่น้ำโขงให้กับฝรั่งเศส ซึ่งเรื่องเล่าในลักษณะนี้ไม่ได้ถูกตีความแบบเดียวกัน หากจะศึกษาเอกสารทางประวัติศาสตร์ในระดับมัธยมของสาธารณรัฐประชาธิปไตยประชาชนลาว หรือนักวิชาการชาวไทยในยุคหลังอาทิเช่น ธงชัย วินิจจะกูล [Winichakul 1994] มองว่าผู้คนที่มีวัฒนธรรมคล้ายคลึงกันและพูดภาษาคคล้ายคลึงกันก็ยกย่องลาวได้อาศัยอยู่สองฟากฝั่งแม่น้ำโขงคือทั้งในลาวและภาคอีสานของไทย ส่วนสนธิสัญญาสยาม-ฝรั่งเศสนั้นเป็นหลักฐานทางกฎหมายระหว่างประเทศที่บ่งบอกว่าอาณาจักรลาวโบราณถูกแบ่งออกเป็นสองส่วน ภายใต้การจัดการพื้นที่แบบรัฐสมัยใหม่ กล่าวคือฝั่งซ้ายแม่น้ำโขงตกอยู่ภายใต้อำนาจอธิปไตยของฝรั่งเศสในอินโดจีน ส่วนฝั่งขวาแม่น้ำโขงซึ่งถือภาคตะวันออกเฉียงเหนือในปัจจุบันตกอยู่ภายใต้อำนาจอธิปไตยของสยาม การตีความของ มล.พันธุ์สุรีย์ ลดาวัลย์ (2513) จึงเป็นการคลี่คลาย การตีความด้านเวลาที่ชี้ชนชั้นนำในราชสำนักกรุงเทพฯ ว่าเป็นผู้มีอำนาจในการกำหนดการเดินของเวลา ซึ่งภายหลังได้กลายเป็นสยามในฐานะรัฐสมัยใหม่ และการตีความในลักษณะที่ชี้คือชนชั้นนำจากส่วนกลางของกรุงเทพฯ เป็นหลัก นอกจากนี้แล้ว เศษ บุนนาค [Bunnag 1968] ในฐานะนักวิชาการและภายหลังเป็นถึงรัฐมนตรีว่าการกระทรวงการต่างประเทศในรัฐบาลสมักร สุนทรเวช ได้กล่าวในวิทยานิพนธ์ คุยปฏิบัติของเขาว่าการตัดสินใจนำวีธีอ่านเขตแดนแบบเวสต์ฟาเลียมาใช้ไม่ได้เกิดเพียงชั่วข้ามคืน แต่ว่าก่อนข้างเกินระยะเวลาจาก ค.ศ. 1892–1915 กว่าผู้คนจะเริ่มทำความเข้าใจ โคอโรสแบบใหม่ที่เปลี่ยนวิถีปฏิบัติมายึดพื้นที่ที่ตามแนวรัฐเวสต์ฟาเลียจากมุมมองของกรุงเทพฯ ก็ใช้เวลานับทศวรรษ กระบวนการเปลี่ยนแปลงดังกล่าวที่ส่วนกลางพยายามส่งเสริมการตีความพื้นที่แบบใหม่ ได้ดำเนินการโดยมอบหมายให้พระอนุชาของพระบาทสมเด็จพระจุลจอมเกล้าเจ้าอยู่หัวเข้ามาจัดการการปกครองในหัวเมืองลาวบริเวณแม่น้ำโขงฝั่งขวา ทั้งการจัดการภาษีและจัดการสามะโนครวัประชากร กล่าวคือทั้ง มล. พันธุ์สุรีย์ ลดาวัลย์ (2513) และ เศษ บุนนาค [Bunnag 1968] ก็ไม่ได้นำข้อกล่าวอ้าง ซึ่งเป็นการบอกเล่าอีกรูปแบบหนึ่งและเป็นการตีความเวลาที่แตกต่างไปจากฝั่งลาว

หรือแม้กระทั่งบันทึกของตระกูลเจ้าเมืองลาวที่กระจัดกระจายอยู่สูงฝั่งแม่น้ำโขงขณะนั้นมาร่วมอภิปราย หากว่างานวิจัยทางประวัติศาสตร์ในยุคหลัง ได้พบว่ามีความพยายามโน้มน้าวให้ผู้คนกักตักกับรัฐไทย ดังที่ปรากฏในเอกสารของผู้ปฏิบัติราชการต่างประเทศพระนครพระกรมในอุบลราชธานี ในรัชสมัยของพระบาทสมเด็จพระจุลจอมเกล้า เมื่อครั้งต้องรายงานกลับไปยังกรุงเทพฯ ถึงลักษณะทางชาติพันธุ์ของผู้คนในท้องที่อุบลราชธานี ซึ่งผู้คนส่วนใหญ่มีเชื้อชาติลาว ผู้รายงานก็พยายามลบคำนิยามว่าผู้คนแถบนี้มี “เชื้อชาติลาว” ดังปรากฏเป็นรอยขีดฆ่าในเอกสารตามหลักฐาน [Iijima 2018] ซึ่งชนชั้นนำได้มีส่วนสำคัญในการสร้างประวัติศาสตร์ขึ้นใหม่ ก็คือการให้คนลาวในอุบลราชธานีนิยามตนเองว่าเป็นคนอีสาน และคนอีสานก็เป็นส่วนหนึ่งของรัฐสยามหรือไทย ส่วนจำปาสักก็ถูกผนวกให้เข้าร่วมกับการดำเนินประวัติศาสตร์ (โครโนส) ของความเป็นชนชาติลาว ที่จักรวรรดิฝรั่งเศสเป็นผู้สนับสนุน [Ivarsson 2008] ประวัติศาสตร์ระหว่างอุบลราชธานีและจำปาสักซึ่งภายหลังตกอยู่ใต้อธิปไตยของฝรั่งเศสแม้จะมีพื้นที่ที่ติดกัน แต่มีมติแห่งลาก็ตัดขาดออกจากกันโดยการกำหนดของชนชั้นนำของทั้งสองรัฐคือสยามและฝรั่งเศส [Baird 2013]

1.2. ความสัมพันธ์ไทยลาวจาก ค.ศ. 1975–1989

การผูกขาดด้านการตัดสินใจเชิงนโยบายต่างประเทศระหว่างรัฐไทยกับลาวในฐานะความพยายามให้การกำหนดเวลาเป็นไปตามแผนการของรัฐบาล (โครโนส) ได้ถูกวิเคราะห์ย้อนกลับไปยังแต่ก่อนลาวจะได้รับเอกราชจนเป็นราชอาณาจักรลาว ในช่วงปลายทศวรรษที่ 1970 สุรชัย ศิริไกร [Sirikrai 1979] ได้วิเคราะห์พลเมืองชาวไทยที่อาศัยอยู่ในภาคตะวันออกเฉียงเหนือของประเทศไทยแต่่ามีความใกล้ชิดทางภาษา วัฒนธรรมและชาติพันธุ์ จนมีความเชื่อมโยงเกี่ยวข้องกับทางการเมืองกับชาวลาในราชอาณาจักรลาวตั้งแต่ช่วงก่อนที่ลาวจะได้รับเอกราชจนได้รับเอกราชใน ค.ศ. 1954 ภาคอีสานเองก็เหมือนจะมีเทือกเขาเพชรบูรณ์ที่เป็นศูนย์กลางทางภูมิศาสตร์ที่กั้นขวางพื้นที่อีสานออกจากภาคกลางหากต้องการเดินทางเข้าสู่กรุงเทพฯ และยิ่งในยุคนั้น การคมนาคมขนส่งไม่สะดวกนัก [Sirikrai 1979] รัฐบาลเผด็จการทหารจึงต้องการกำหนดนโยบายไม่ให้ผู้คนในภาคตะวันออกเฉียงเหนือได้รับอิทธิพลจากแนวคิดสังคมนิยมนิสต์ซึ่งแผ่ขยายมาจากเวียดนามและสาธารณรัฐประชาธิปไตยประชาชนลาว รัฐบาลไทยในขณะนั้นจึงได้ยอมรับการสนับสนุนทางการเงินจากรัฐบาลสหรัฐอเมริกาจำนวนมหาศาลเพื่อพัฒนาระบบสาธารณูปโภคและเส้นทางคมนาคมขนส่ง [กุลลดา 2550] เช่นการตัดถนนมิตรภาพจากกรุงเทพฯ ผ่านเส้นทางนครราชสีมา ชัยภูมิ ขอนแก่น อุรธานีและหนองคาย การกำหนดนโยบายเช่นนี้ แน่แน่นอนว่าเป็นรัฐบาลทหารที่ขึ้นชนชั้นนำเป็นผู้ผูกขาดการตัดสินใจ ซึ่งสามารถอธิบายในเชิงมิติด้านเวลาคือ ชีวนโยบายจากรัฐบาลกลางและหมุนกงล้อประวัติศาสตร์ให้มีการพัฒนา ตามวาทกรรมพัฒนา [ไชยรัตน์ 2554] ไปเป็นลำดับขั้น การปฏิสัมพันธ์โครโนสและไโครสจึงผ่านการควบคุมและคัดเลือกจากชนชั้นนำในรัฐบาล คือพื้นที่อีสานได้รับการสนับสนุนเม็ดเงินจากรัฐอเมริกาจำนวนมหาศาลให้พัฒนาระบบสาธารณูปโภค คมนาคมขนส่งต่าง ๆ ซึ่งจัดได้ว่าเป็นไโครสได้เช่นกัน

หากกล่าวว่ามีมิติด้านเวลาในวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศระหว่างไทยกับลาวในยุคนี้ถูกผูกขาดโดยชนชั้นนำก็คงจะถือว่าไม่ใช่เรื่องคิดจากความเป็นจริงนัก แม้ในขณะเวลานั้นคือ ค.ศ. 1975–1989 ผู้เขียนอย่าง หม่อมราชวงศ์สุขุมพันธุ์ [Paribatra 1984] จะยังคงดำรงตำแหน่งนักวิชาการด้านความสัมพันธ์ระหว่างประเทศที่ได้ตีพิมพ์บทความวิเคราะห์การถอนทหารของสหรัฐอเมริกาออกจากอินโดจีน แต่สองทศวรรษให้หลังเขาก็ก้าวเข้ามาดำรงตำแหน่งรัฐมนตรีว่าการกระทรวงการต่างประเทศในรัฐบาลชวน หลีกภัย กล่าวคือ หม่อมราชวงศ์สุขุมพันธุ์ [Paribatra 1984] หรือแม้กระทั่ง ขจิตกัย บุรุษพัฒน์ (2531) เองก็ยังคงผลิตซ้ำวาทกรรมเสียดินแดนว่าลาวเป็นส่วนหนึ่งของสยามก่อนจะเปลี่ยนเป็นไทย โดยยึดหลักปฏิบัติแบบจักรวาลวิทยามณฑล (Mandala) ตามที่ โวลเทอร์ส [Wolters 1999] ได้อธิบายไปในบทก่อนหน้า และก็เช่นเดียวกันที่นักวิชาการชาวลาอย่าง เพยพัน เหง้าสิ่ว [Ngaosyvathn 1985] จะไม่เห็นด้วย นอกจากนี้ก็นำขบวนการปะเทดลาว (Pathet Lao) ซึ่งภายหลังก้าวเข้ามามีอำนาจในรัฐบาล

ลาวยังคงกล่าวหาว่าข้อกล่าวอ้างดังกล่าวเป็นหนึ่งในแผนการที่จะขยายอาณาเขตของสยามที่ได้ยึดครองจังหวัดในภาคตะวันออกเฉียงเหนือในขณะนั้นที่ขณะนั้นมี 16 จังหวัดและประชากรส่วนใหญ่มีความคล้ายคลึงทางวัฒนธรรมของลาว คำกล่าวอ้างดังกล่าวยังคงปรากฏอยู่ในเอกสารประกอบการสอนของกระทรวงศึกษาธิการ สาธารณรัฐประชาธิปไตยประชาชนลาวในปัจจุบัน ทั้งหม่อมราชวงศ์สุขุมพันธุ์ [Paribatra 1984; ขจัดภัย 2531] ทางฝั่งไทย และศพพัน [Ngaosyvathn 1985] ทางฝั่งลาวล้วนตีความการเดินทางของเวลา (ไครโนส) ตามแบบชนชั้นนำที่ผลิตซ้ำวาทกรรมชาตินิยมในแบบของตน คือทั้งรัฐไทยและรัฐลาวว่าทั้งสองรัฐจะต้องมีองค์ประกอบครบ 4 ประการในแบบรัฐสมัยใหม่ คือ ประชากร เขตแดน รัฐบาลและอำนาจอธิปไตย จุดตัดของเวลา (ไครโตส) ก็คือช่วงเปลี่ยนผ่านจากรัฐโบราณจากอาณาจักรสยาม-ล้านช้าง ที่จะต้องกลายเป็นรัฐสมัยใหม่ กล่าวคือรัฐบาลสยามและอินโดจีนของลาวถูกมองว่าเป็นช่วงเวลาที่ต้องมีการเจรจาต่อรองให้การเปลี่ยนผ่านนั้นก้าวไปสู่ช่วงเวลาใหม่ ซึ่งละวางหลักการจัดการพื้นที่แบบจักรวรรดิอาณานิคมแบบมณฑล เป็นรัฐแบบเวสต์ฟาเลีย ทว่าทั้งหม่อมราชวงศ์สุขุมพันธุ์ [Paribatra 1984] ขจัดภัย (2531) และศพพัน [Ngaosyvathn 1985] ไม่ได้กล่าวถึงสภาพการเมืองและการเจรจาที่ต้องผ่านกระบวนการความเป็นการเมือง หลายต่อหลายครั้ง ตัวแสดงที่ไม่ได้เป็นรัฐพยายามแสดงมุมมองของตน ทว่าไม่ได้มีการบันทึกไว้และไม่ได้มีการกล่าวถึงในเอกสารวิชาการ กว่ารัฐโบราณจะกลายเป็นรัฐเวสต์ฟาเลียได้ ซึ่งในงานเขียนทางวิชาการของนักประวัติศาสตร์และรัฐศาสตร์ในยุคต่อ ๆ มาพยายามได้อธิบายถึงภาวะความเป็นการเมืองระหว่างไทยกับลาว เช่น ธงชัย วินิจจะกุล [Winichakul 1994] ธนเชษฐ วิสัยจร [Wisajjorn 2015] และเซน สเตรท [Strate 2015] ว่าจุดเปลี่ยน คือไครโตสไม่ได้เปลี่ยนเพียงชั่วข้ามคืนโดยไม่มีการทำทลายและคัดค้านจากการตีความเชิงพื้นที่ในรูปแบบอื่น

13. การกำหนดการดำเนินประวัติศาสตร์โดยชนชั้นนำรัฐหลังสงครามเย็น 1989-ปัจจุบัน

ในงานเขียนเชิงวิชาการทางด้านสังคมศาสตร์ภาพรวมในช่วงเวลานี้ การตีความด้านเวลาที่ปรากฏอยู่ในงานวิชาการว่าด้วยความสัมพันธ์ไทย-ลาว ไม่ได้ถูกผูกขาดอยู่แต่กับชนชั้นนำทางการเมืองเสียทีเดียวจนปรากฏแต่การตีความในรูปแบบไครโนส แต่มีความน่าสนใจที่ควรกล่าวถึงในสาขาวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศ ทั้งงานเขียนเชิงวิชาการ วิทยานิพนธ์ระดับมหาวิทยาลัยและคณาจารย์ระดับบัณฑิต ยังจะปรากฏว่าการตีความมีมิติเวลาชิดโยงกับพื้นที่รัฐแบบเวสต์ฟาเลียและก็จะถูกผูกขาดโดยชนชั้นนำอย่างหลีกเลี่ยงไม่ได้ ยกตัวอย่างเช่นงานเขียนของศพพัน และ มะยูลี เหง้าสีวัก [Ngaosyvathn, Ngaosyvathn 1994] วิทยานิพนธ์ระดับคณาจารย์ของ รัชฎา จิวาลัย [Jiwalai 1994] เดวิด โอลด์ฟิลด์ [Oldfield 1998] งานวิจัยของ เขียน วีระวิทย์ และ อติธรรม เสมแฮม [Theeravit, Semyeam 2003] รวมไปถึง ม.ล.พินิตพันธุ์ บริพัตร [Paribatra 2013] ในงานเชิงมานุษยวิทยาและประวัติศาสตร์ในยุคหลัง ๆ ที่แม้จะไม่ได้กล่าวอ้างว่าเป็นส่วนหนึ่งของวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศ แต่จุดมุ่งเน้นการวิจัยปรากฏอยู่ในบริเวณพื้นที่ชายแดนไทย-ลาวในหลาย ๆ พื้นที่ ก็ปรากฏถึงการตีความเวลาโดยมีมุมมองของผู้คนในเมืองชายแดนมากขึ้น เช่น วิทยานิพนธ์ระดับคณาจารย์ของ พลวิเชียร ภูกองไชย (2546) [พลวิเชียร 2546] งานของ จักรกริช สังขมณี [Jakkrit Sanhamanee 2006] แอนดรูว์ วอล์คเกอร์ [Walker 2008] และในวิทยานิพนธ์คณาจารย์ระดับบัณฑิต สร้อยมาศ รุ่งมณี [Rungmanee 2014] และ ธนเชษฐ [Wisajjorn 2018] ซึ่งได้ระบุว่าจุดยืนทางวิชาการอยู่ในกลุ่มเมืองชายแดนศึกษา (Borderland Studies) และมีความเกี่ยวข้องกับความสัมพันธ์ระหว่างประเทศในแง่ของชายแดนที่เป็นพื้นที่ที่สาม ที่ผู้คนของรัฐไทยและลาวมีปฏิสัมพันธ์กันข้ามเส้นแบ่งอำนาจอธิปไตยรัฐ ในแง่นี้การตีความเวลาของผลงานวิชาการจึงไม่ได้ถูกผูกขาดอยู่กับชนชั้นนำทางการเมืองอีกต่อไป หากแต่เป็นการผสมผสานกันระหว่างไครโนสของรัฐที่ส่วนกลางคือ กรุงเทพฯ และเวียงจันทน์ได้พยายามบังคับใช้ และการตีความด้านเวลาตามสถานการณ์เฉพาะหน้า คือไครโตสที่ผู้ที่ข้ามเขตแดนเองจะปฏิบัติตามหรือไม่ปฏิบัติตามฐานคิดพื้นที่แบบเวสต์ฟาเลีย ก็ได้ขึ้นอยู่กับสถานการณ์เฉพาะหน้า

หลังจากการเมืองในระดับโลกได้ปรากฏว่ามีการทำลายกำแพงเบอร์ลินอันเป็นสัญลักษณ์ของสงครามเย็นลงใน ค.ศ. 1989 พลเอกชาติชาย ชุณหะวัณ นายกรัฐมนตรีคนที่ 17 ของไทยในช่วงเวลานั้นได้ประกาศวิสัยทัศน์ซึ่งมีความสำคัญเป็นอย่างมากต่อชายแดนไทย-ลาว เมื่อนายกรัฐมนตรีไทยต้องการจะเปลี่ยนพื้นที่อดีตรัฐอินโดจีนที่เต็มไปด้วยศึกสงครามให้กลายเป็นสนามการค้า [Erlanger 1989; Paribatra 2013] บทความชิ้นนี้จึงใช้ ค.ศ.1989 เป็นเสมือนหมุดหมายของจุดสิ้นสุดสงครามเย็นในภูมิภาคนี้เพื่อการวิเคราะห์มิติด้านเวลาในวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศที่กล่าวถึงชายแดนไทย-ลาว นี้ ในวิทยานิพนธ์ของรัฐภา จิวาลัย [Jiwalai 1994] สะท้อนให้เห็นว่าชนชั้นนำทางการเมืองของไทยและลาวยังมีส่วนสำคัญในการกำหนดในการดำเนินไปของประวัติศาสตร์ความสัมพันธ์ระหว่างประเทศ เนื่องจากบทวิเคราะห์ของรัฐภา [Jiwalai 1994] ได้เริ่มมีการตั้งคำถามกับข้าราชการในฐานะชนชั้นนำมีส่วนส่งผลกระทบต่อความสัมพันธ์ระหว่างไทย-ลาวในรูปแบบใด โดยยกตัวอย่างการแก้ไขปัญหาความขัดแย้งในกรณีพิพาทด้านเขตแดนในเหตุการณ์ 3 หมู่บ้านเมื่อปี ค.ศ. 1984 และกรณีบ้านร่มเกล้าเมื่อปี ค.ศ. 1987–1988 มาร์ติน สจวร์ต-ฟ็อกซ์ [Martin Stuart Fox 1997] ยังได้ตั้งข้อสังเกตอีกว่า การปะทะกันทางทหารจนมีผู้บาดเจ็บและเสียชีวิตนับร้อยที่หมู่บ้านร่มเกล้านั้น แท้ที่จริงแล้วเป็นความขัดแย้งระหว่างเจ้าหน้าที่ทหารฝั่งไทยที่ขัดผลประโยชน์ทางธุรกิจในการค้าไม้จากฝั่งลาว หากข้อสังเกตดังกล่าวเป็นความจริง ก็จะชี้ให้เห็นอีกหนึ่งตัวอย่างในการสนับสนุนหัวข้อข้อยืนยันว่าการดำเนินประวัติศาสตร์ของรัฐทั้งไทยและลาวเป็นไปด้วยการปฏิบัติและตัดสินใจของชนชั้นนำทางการเมือง แม้ว่าจะไม่ใชชนชั้นนำในระดับชาติแต่ก็ยังเป็นเจ้าหน้าที่ข้าราชการในบริเวณเขตแดนไทยลาวเอง

หลังสงครามเย็นเป็นต้นมา บุคคลทั่วไปเข้ามามีสิทธิ์มีเสียงปรากฏในบทความวิชาการ แต่ยังมีงานที่เสียงของชนชั้นนำยังปรากฏอยู่ให้เห็นได้จากการยกประเด็นความร่วมมือว่ามีการริเริ่มร่วมมือในอนุภูมิภาคลุ่มน้ำโขง (Greater Mekong Subregion: GMS) โดย สุรัชย์ ศิริไกร (2546) [สุรัชย์ 2546] หรือไม่ว่าจะเป็นการที่สมาคมประชาชาติแห่งเอเชียตะวันออกเฉียงใต้หรืออาเซียน (ASEAN) พยายามเข้ามามีบทบาทในการแก้ไขปัญหาชายแดนไทย-ลาว หรือปัญหาผู้ลี้ภัยชาวลาวในรัฐไทย [Amer 1999] หรือปัญหาชาวม้งในวิทยานิพนธ์ของโอลด์ฟิลด์ [Oldfield 1998] งานวิจัยของ สุรางค์ และถวิล (2551) ตลอดจนวิทยานิพนธ์ของ ม.ล.พินิตพันธุ์ [Paribatra 2013] เองก็เน้นย้ำถึงกลไกระหว่างประเทศในการแก้ไขปัญหาเป็นสำคัญ

ในระยะเวลาหนึ่งทศวรรษหลังจากนั้น เสียงของผู้คนที่ถูกผลักไปอยู่ชายขอบ (marginalised people) กลับยิ่งปรากฏชัดในการวิเคราะห์ความสัมพันธ์ไทย-ลาวในบริเวณชายแดน โดยเฉพาะอย่างยิ่งในงานที่มีลักษณะที่เป็นมานุษยวิทยา เช่น งานของจักรกริช สังขมณี [Sankhamanee 2006] ซึ่งวิเคราะห์การใช้ชีวิตประจำวันในกลุ่มแม่น้ำโขงบริเวณอำเภอเชียงของ จังหวัดเชียงราย ที่ติดกับชายแดนเมืองห้วยซายของลาว โดยได้นำเสนอแนวคิดแบบการอ่านพื้นที่บริเวณลุ่มแม่น้ำ ที่แม่น้ำโขงสามารถเป็นได้ทั้งเส้นเขตแดนรัฐหากจะตีความตามที่ชนชั้นนำทางการเมืองของรัฐไทยและลาวต้องการให้เป็น และในขณะเดียวกันการตีความแบบผู้คนที่อาศัยอยู่บริเวณนั้นซึ่งมองว่าแม่น้ำโขงเป็นจุดที่ใช้คมนาคม และหาอาหารในชีวิตประจำวันก็ปรากฏผสมผสานด้วย ซึ่งภายหลังวิทยานิพนธ์คุณัญญ์ บัณฑิตทองทั้ง สร้อยมาส [Rungmanee 2014] และธนเชษฐ [Wisajorn 2018] ก็ได้วิเคราะห์โดยละเอียดมากยิ่งขึ้น กล่าวคือการกำหนดเวลาที่ดีแสดงทางการเมืองได้จำกัดอยู่แต่เพียงชนชั้นนำที่กำหนดการดำเนินนโยบายออกจากส่วนกลางของประเทศเท่านั้น หากแต่เสียงของผู้คนที่อาศัยอยู่บริเวณชายแดนก็มีฐานะตัวแสดงทางการเมือง (political actor)

2. การตีความเวลาซึ่งมีลักษณะเป็นเส้นตรง

2.1. ความสัมพันธ์ไทยลาวจาก ค.ศ. 1954 ถึง 1975

ประวัติศาสตร์ที่ถูกนำมาใช้ประกอบในงานเขียนเชิงวิชาการในความสัมพันธ์ระหว่างประเทศ ฐานคิดดังกล่าวปรากฏอยู่ในงานเขียนของนักสังคมนิยมคลาสสิก อาทิเช่น จอห์น เฮอร์ซ [Herz 1959] กล่าวคือประวัติศาสตร์

มีลักษณะเป็นเส้นตรง ซึ่งมองประวัติศาสตร์ที่พัฒนาจากรัฐที่ยังไม่มีเส้นเขตแดนแบบเวสต์ฟาเลีย ไปเป็นรัฐที่มีเขตแดนแบบเวสต์ฟาเลีย ส่งผลทำให้ภาพการตีความด้านเวลาที่มีลักษณะหลากหลาย โดยเฉพาะอย่างยิ่งการตีความของผู้คนในบริเวณชายแดนไม่ชัด หรือ ไม่ค่อยได้รับการถูกกล่าวถึงเลย ดังจะได้อธิบายในรายละเอียดดังต่อไปนี้

นักคิดสังคมนิยมคลาสสิก เช่น เอิร์ช [Herz 1959] มอร์เกนธา [Morgenthau 1965] และแม้แต่นักสังคมนิยมใหม่อย่างวอลซ์ [Waltz 1979] ได้ติดกับดักห้วงเวลา (Temporal Trap) ดังที่ได้กล่าวไปแล้วและเมื่อพิจารณาเทียบงานเขียนของนักวิชาการชาวลาอ มาหาสิลา วีระวง [Viravong 1964] ที่มีการตีความการปฏิสัมพันธ์ระหว่างโครโนสกับไคโรส ในลักษณะเป็นเส้นตรงในทางองเดียวกัน ซึ่งลักษณะเช่นนี้เป็นการมองประวัติศาสตร์ว่าทุกชนชาติในโลกจะต้องพัฒนารูปแบบรัฐเป็นรูปแบบเวสต์ฟาเลียตามอย่างการจัดการปกครองแบบตะวันตก และมีนัยยะของความสูงส่งทางด้านความรู้แบบจักรวรรดินิยม [Chakrabarty 2008] มาหาสิลา วีระวง [Viravong 1964] เองได้รับอิทธิพลจากนักประวัติศาสตร์ชาตินิยมชาวไทย คือหลวงวิจิตรวาทการเป็นอย่างมาก กล่าวคือ ในงานเขียนประวัติศาสตร์ชนชาติลาวได้ค้นทางอพยพมาจากจีนพร้อม ๆ กับชนชาติไทย ก่อนจะตั้งหลักแหล่งในสองฝั่งฟากของแม่น้ำโขง ลำดับขั้นของการบรรยายเชิงประวัติศาสตร์จึงถูกกลาเป็นเส้นตรงจากเผ่าเร่ร่อน ในจีนในปัจจุบันก่อนจะอพยพลงทางทิศใต้และตั้งเป็นอาณาจักรลุ่มแม่น้ำ ในครั้งแรกยังมีการตีความพื้นที่ตามแบบจักรวาลวิทยาแบบมณฑล ตามทัศนะของ ธงชัย [Winichakul 1994] และวอลเตอร์ส [Wolters 1999] ก่อนที่จะมีการนำการจัดการพื้นที่แบบเวสต์ฟาเลียมาใช้ในยุคอาณานิคมจนกระทั่งลาวเป็นเอกราชในที่สุด ซึ่งในบทบันทึกภายาลาวฉบับอื่นก็มีการตีความเวลาเป็นเส้นตรงในลักษณะคล้ายกัน มาหาสิลา วีระวงค์ (1964) เช่น เจ้าคำหมั้นวงศ์รัตนะ (1973) ที่มีการบอกเล่าเรื่องการอพยพลงของชนชาติลาวจากพื้นที่ของจีนในปัจจุบันลงมาทางทิศใต้เช่นกัน

ในทำนองเดียวกันนักวิชาการไทยได้นำประวัติศาสตร์ชาตินิยมของรัฐไทยมาประกอบคำอธิบายควบคู่ไปกับการบรรยายพื้นที่ของรัฐแบบเวสต์ฟาเลีย ยกตัวอย่างเช่น วิษยานุพนธ์คุณภูมิจิตของ เดช บุนนาค [Bunnag 1968] แม้จะไม่ได้กล่าวอย่างตรงไปตรงมาว่ารัฐแบบเวสต์ฟาเลียเป็นรูปแบบรัฐที่ดีที่สุด ซึ่งประวัติศาสตร์ชาวสยามควรดำเนินไปให้ถึงโดยการพัฒนาระบบการเมืองการปกครอง แต่เดชะ ได้กล่าวถึงการปฏิรูประบบราชการจากรัฐโบราณที่การอ่านพื้นที่ในขณะนั้น ที่ยังไม่ได้มีการแยกพื้นที่ภายในออกจากภายนอกรัฐ ในบริเวณชายแดนลุ่มน้ำโขงเองก็ไม่ได้จำแนกว่าพื้นที่ใดเป็นของสยาม พื้นที่ใดเป็นของอินโดจีนภายใต้อำนาจธิปไตยของฝรั่งเศส แต่ภายหลังจากที่มีการนาระบบการปกครองแบบเทศาภิบาล คือรูปแบบรัฐราชการสมัยใหม่มาใช้ เดช [Bunnag 1968] เชื่อว่ารัฐสยามแม้จะไม่สามารถเปลี่ยนแปลงเป็นรัฐสมัยใหม่ชั่วข้ามคืน แต่ในท้ายที่สุดแล้วสยามจะเป็นรัฐสมัยใหม่ได้สำเร็จ

ยังมีตำราในสาขาวิชาต่างประเทศที่ผู้เขียนเป็นนักวิชาการชาวไทยซึ่งผู้เขียนมองว่าแม้จะเป็นการตีความที่ผิดยุค แต่นัยยะแห่งความเป็นเส้นตรงของการดำเนินของเวลาที่ปรากฏอยู่ เช่น พันธุ์สุรย์ ลดาวัลย์ (2513) ได้ยกประวัติศาสตร์ที่มีแนวโน้มไปทางชาตินิยมมาสนับสนุนการวิเคราะห์ความสัมพันธ์ระหว่างไทยกับลาว วาทกรรมการเสียดินแดนที่ราชสำนักสยามพิพาทกับจักรวรรดิฝรั่งเศสเมื่อ ค.ศ. 1893 ถูกยกเข้ามากล่าวถึงอีก (พันธุ์สุรย์, 2513) การยกวิธีอ่านพื้นที่แบบจักรวาลวิทยาแบบมณฑลก่อนยุคอาณานิคมมาสนับสนุนข้ออ้างว่าดินแดนบางจุดอยู่ใต้อำนาจอธิปไตยของรัฐตน ถือเป็นการอ้างที่ผิดฝาผิดตัว ด้วยเพราะก่อนหน้า ค.ศ. 1893 ยังไม่เลยมีกฎหมายที่เป็นลายลักษณ์อักษรบันทึกเส้นแบ่งพรมแดนแบบสมัยใหม่ ดินแดนฝั่งตะวันออกของแม่น้ำโขงซึ่งเป็นพื้นที่ของสาธารณรัฐประชาธิปไตยประชาชนลาวในปัจจุบันจึงมิได้เป็นของราชสำนักสยามในทางนิติบัญญัติ (de jure) แต่เมื่อพันธุ์สุรย์แสดงทัศนะเช่นนี้ เขาจึงยังมีอาจกล่าวข้ามกับดักห้วงเวลาไป คือ พันธุ์สุรย์ยังอ้างมองว่ารัฐในรูปแบบจักรวาลวิทยาแบบมณฑล หากจะอยู่รอดในอนาธิปไตยของการเมืองระหว่างประเทศก็ต้องมีการนำวิธีการจัดการเขตแดนแบบเวสต์ฟาเลียมาใช้ การตีความเวลาของพันธุ์สุรย์ จึงเป็นการนำโครโนสที่รัฐเป็นผู้ควบคุมเวลามารายชประวัติดศาสตร์ความสัมพันธ์ไทย-ลาว ที่แม้จะมีवालลลัน และมีการนำฐานคิดในอดีตมาใช้กับปัจจุบัน แต่ร่องรอยการตีความประวัติศาสตร์ที่เป็นเส้นตรงก็ปรากฏอยู่ แต่แม้กระนั้นการตีความด้านเวลาเช่นนี้ก็ยังคงมีอิทธิพลเป็นอย่างมากในการตีความด้านเวลาในสาขาสังคมศาสตร์มาจนถึงปัจจุบัน

2.2. ระหว่าง ค.ศ. 1975 และ 1989

ความสัมพันธ์ระหว่างโครโนสกับโครโรส เริ่มถูกตั้งคำถามว่าผู้กำหนดการปฏิสัมพันธ์ระหว่างโครโนสกับโครโรส ไม่ควรจะจำกัดอยู่ที่เชิงแค่ตัวแสดงที่เป็นรัฐ และแม้จะเป็นการวิเคราะห์ตัวแสดงที่เป็นรัฐก็ควรพึงเสียงจากตัวแสดงที่หลากหลายมากขึ้น กล่าวคือ เมื่อนักวิชาการชาวไทยพยายามจะเล่าประวัติศาสตร์การพัฒนาของสยามจากรัฐโบราณเป็นรัฐสมัยใหม่โดยมีการผนวกดินแดนส่วนต่าง ๆ เข้า จะมีการตีความของนักวิชาการชาวลาเวอเข้ามาที่ทนายหรือช่วยเสริมมุมมองในหลายด้าน ยกตัวอย่างเช่น ในเวลาที่มีข้อพิพาทด้านพรมแดน นักวิชาการไทยและลาวต่างยกเอาประวัติศาสตร์ที่มองเห็นที่จักรวาลวิทยาแบบมณฑลในยุคก่อนอาณานิคมมาสนับสนุนว่าพื้นที่พิพาทเป็นของรัฐตน ไม่ว่าจะเป็นอย่างนักวิชาการไทยอย่าง หม่อมราชวงศ์สุขุมพันธุ์ [Paribatra 1984] หรือนักวิชาการชาวลาเวออย่างเขยพัน [Ngaosyvathn 1985] ทางฝั่งนักวิชาการไทยมักอ้างว่าเวียงจันทน์เป็นประเทศราชของกรุงเทพฯ ฉะนั้นดินแดนลาวจึงเป็นของไทยมาก่อนที่จักรวรรดิฝรั่งเศสจะขยายอิทธิพลเข้ามาบริเวณอินโดจีนประเด็นที่หม่อมราชวงศ์สุขุมพันธุ์ [Paribatra 1984] ยกสื่อความเป็นชาตินิยมไทยแบบมณฑลที่สนับสนุนการแบ่งเส้นพรมแดนแบบเวสต์ฟาเลีย

ในขณะที่ความความเป็นชาตินิยมลาวก็ปรากฏอยู่ในงานเขียนของเขยพันด้วย (Ngaosyvathn, 1985) โดยยืนยันว่าใน ค.ศ. 1891 พระบาทสมเด็จพระจุลจอมเกล้าเจ้าอยู่หัวแห่งกรุงรัตนโกสินทร์ได้ยื่นแผนที่หมายเลข no.200 ให้แก่กษัตริย์หลวงพระบางในขณะที่นั้นซึ่งระบุว่าบ้านกลาง บ้านสว่าง บ้านใหม่อยู่ภายใต้อำนาจของกษัตริย์หลวงพระบาง ด้วยเหตุนี้ทำให้เขยพันไม่อาจจะยอมรับข้ออ้างของรัฐบาลไทยว่าทั้งสามหมู่บ้านอยู่ภายใต้อำนาจอธิปไตยของรัฐไทย เมื่อ ระบุเช่นนี้ บทความชิ้นนี้จึงได้ข้อสรุปว่าประวัติศาสตร์ของลาวเองก็มิได้แตกต่าไปจากประวัติศาสตร์ของไทยที่ยึดมั่นในเส้นเขตแดนแบบเวสต์ฟาเลียและก็เป็นกับดักห้วงเวลาคือ มองประวัติศาสตร์เป็นเส้นตรง เพียงแต่เมื่อนำเสนอต่อวงวิชาการที่มีผู้อ่านเป็นกลุ่มที่อ่านบทความภาษาอังกฤษ จึงมีการช่วงชิงการตีความการเปลี่ยนแปลงทางประวัติศาสตร์และการปฏิสัมพันธ์ระหว่างโครโนสกับโครโรสของมุมมองชาตินิยมจากสองฝั่งคือ ลาว และไทย แม้ว่าอาจจะยังเป็นมิติด้านเวลาที่ผูกขาดโดยชนชั้นนำ แต่การตีความด้านเวลาในยุคนี้ก็เปิดพื้นที่ให้เกิดการต่อสู้ช่วงชิงความหมายมากขึ้นกว่ายุคก่อน

2.3. ค.ศ. 1989 ถึงปัจจุบัน

นักวิชาการชาวลาเวออย่าง เขยพัน และ มະยຸລີ [Ngaosyvathn M., Ngaosyvathn P. 1994] และ ดวงไซ หลวงพะสี (2010) แสดงความเป็นชาตินิยมลาวอย่างชัดเจน กล่าวคือ ชนชาติลาวาได้อพยพมาจากทางทิศเหนือและได้มีการพัฒนาจากรัฐโบราณเป็นรัฐเวสต์ฟาเลีย โดยมีทางเดินประวัติศาสตร์ที่แยกออกจากรัฐไทย โดยเฉพาะอย่างยิ่งในเวลาที่ต้องการโต้แย้งประวัติศาสตร์ชาตินิยมไทยที่เขียนโดยกรมพระยาดำรงราชานุภาพว่าสยามถูกฝรั่งเศสสรุกราน เขยพันและมะยຸລີ (1994) กล่าวว่าประวัติศาสตร์กระแสหลักของไทยมองข้ามเสียงของหัวเมืองลาวที่อยู่สองฟากฝั่งแม่น้ำโขงในช่วงเวลาการสำรวจเพื่อทำแผนที่และระบุว่าลาวได้เป็นชาติและเป็นรัฐมาเนิ่นนานก่อนที่ฝรั่งเศสจะเข้ามาในภูมิภาคนี้ ในขณะที่เดียวกัน ดวงไซ หลวงพะสี (2010) ได้โต้แย้งวาทกรรมเสียดินแดนของรัฐไทยโดยกล่าวว่ารัฐไทยมิได้เสียดินแดนให้กับฝรั่งเศส หากแต่เป็นลาวที่ถูกสยามและฝรั่งเศสใช้แม่น้ำโขงมาแบ่งดินแดนกัน บทความฉบับนี้ยืนยันว่าการนำความเป็นชาติที่มีมาก่อน ค.ศ. 1893 มาอ้างความถูกต้องของพรมแดนตามหลักกฎหมายระหว่างประเทศเป็นเพียงการปลุกเร้าความรู้สึกชาตินิยมเพื่อสนับสนุนการใช้อำนาจอธิปไตยเหนือพื้นที่พิพาทเท่านั้น เมื่อเป็นเช่นนี้ กับดักเส้นพรมแดนจึงยังคงปรากฏอยู่ นักวิชาการตะวันตกอย่างเช่น อิวาร์สสัน [Ivarsson 2008] ได้พยายามชี้ให้เห็นถึงสภาวะตะกุกตะกักของห้วงประวัติศาสตร์ ในขณะที่ประวัติศาสตร์ของไทย และลาวดำเนินไป ในฐานะโครโนส ความไม่แน่นอนและการต่อสู้ช่วงชิงทางด้านความหมายคือโครโรส อิวาร์สสันได้แสดงทัศนะว่าสาเหตุที่การเล่าเรื่องทางประวัติศาสตร์ที่เป็นเส้นตรงของทั้งไทยและลาวที่แม้จะมีจุดร่วมกันในแง่แหล่งกำเนิด แต่ภายหลังมีความแตกต่างกัน ก็เนื่องมาจากว่าเจ้าอาณานิคมอย่างจักรวรรดิฝรั่งเศส พยายามผลิต

สร้างตัวบทที่สร้างความเป็นตัวคนของชาติลาว ซึ่งภายหลังได้กลายมาเป็นรัฐลาวใน ค.ศ. 1954 ทั้งนี้ ในช่วงเวลา ระหว่างสงครามโลกครั้งที่ 2 ที่สยามเปลี่ยนชื่อมาเป็นไทย ได้มีความพยายามของรัฐบาลไทยในการสร้างความรู้ศึกษา นิยม และสร้างวาทกรรมที่ว่าคนลาวเป็นกลุ่มย่อย (subgroup) ของคนไทยและเป็นหน้าที่ของรัฐไทยในการ ปลดปล่อยชาวลาวยุโรปจากจักรวรรดิตะวันตกคือฝรั่งเศส [Ivarsson 2008; Strate 2015] การปลดปล่อยนั้น คือการผนวกเมืองจำปาสักเข้าสู่รัฐไทยเป็นจังหวัดจำปาสักและจังหวัดล้านช้างทางตอนเหนือ

ในวิทยานิพนธ์ยุคบุกเบิกชาติโดย เดวิด โอลด์ฟิลด์ [Oldfield 1998] ซึ่งมีได้มีทั้งสัญชาติไทยและลาวจึงมิได้ มีลักษณะชาตินิยมของทั้งไทยและลาวปรากฏอยู่ แต่กระนั้นก็ตีความภาคหวังให้ทั้งไทยและลาวเคารพบูรณาภาพ แห่งดินแดนก็ไม่เคยเลือนหายไป เขาจึงคิดกับคักห้วงเวลาในแง่ที่มองว่ารัฐที่พัฒนาเป็นรูปแบบสมบูรณคติรัฐ เวสต์ฟาเลียที่ต้องมีการเคารพบูรณาภาพดินแดน แม้ว่าโอลด์ฟิลด์จะนำประเด็นทางประวัติศาสตร์เข้ามาพิจารณา ความสัมพันธ์ของทั้งสองรัฐ โดยใช้นี้ที่หนึ่งบทจากวิทยานิพนธ์ทั้งหมดก็ตามแต่ประวัติศาสตร์นั้นก็เห็นเด่น ตรง เพราะว่านามของประวัติศาสตร์ในลักษณะที่ยี่รัฐเป็นศูนย์กลางและก็มีการผลิตซ้ำการผูกขาดการตีความด้าน เวลาโดยชนชั้นนำ ซึ่งเป็กับคักห้วงเวลาประการแรกที่กล่าวถึงไปแล้ว โอลด์ฟิลด์ [Oldfield 1998] กล่าวว่าการ รุกรานกัมพูชาของเวียดนามส่งผลกระทบต่อความสัมพันธ์ไทย-ลาวด้วย เพราะรัฐไทยมองว่าทหารเวียดนามทั้ง ในลาวและกัมพูชาเป็นภัยคุกคามที่ประชิดเส้นพรมแดนอยู่ รัฐบาลไทยจึงกล่าวโทษรัฐบาลลาวที่ให้การสนับสนุน ทหารเวียดนาม โดยเฉพาะอย่างยิ่งเมื่อพลเอกเปรม ติณสูลานนท์ นายกรัฐมนตรีในขณะนั้นได้แสดงออกชัดเจน ว่าต้องการลงโทษลาว (punishment of Laos) โดยการสนับสนุนอดีตทหารลาวฝ่ายขวาและปิดพรมแดนเพื่อ ไม่ให้สินค้าผ่านไปยังลาว [Oldfield 1998] ด้วยเหตุนี้การเป็นรัฐเวสต์ฟาเลียที่สมบูรณจึงเป็นจุดมุ่งหมายทาง ประวัติศาสตร์ที่มองว่าเป็นสิ่งปกติ และฐานคิดเช่นนี้ก็ยังคงมีอยู่

อย่างไรก็ดี งานเชิงประวัติศาสตร์และงานวิจัยเชิงมานุษยวิทยาหลายชิ้นที่ได้เน้นย้ำถึงการตีความด้านเวลา การ ทำทาสช่วงชิงความหมายของเวลาที่รัฐกำหนดคือ โคร โนส และการตีความตามสถานการณ์ โดยตัวแสดงที่ข้ามเส้น เขตแดนในชีวิตประจำวันคือ โครโรสได้ปรากฏในระยะเวลา แม้ว่าจะงานวิจัยหลายชิ้นจะไม่ได้เป็นงานที่ประกาศตน ว่าอยู่ในสาขาวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศโดยตรง แต่เนื่องจากกฎวิเคราะห้งานวิจัยอยู่บริเวณเส้นเขตแดน ซึ่งเป็กับคักห้วงเวลาที่ระบุจุดสิ้นสุดของอำนาจอธิปไตยของรัฐไทยและรัฐลาว บทความชิ้นนี้จึงเชิญชวนให้นักวิชาการ ความสัมพันธ์ระหว่างประเทศ นำผลของการวิจัยจากงานวิจัยด้านสังคมศาสตร์อื่น ๆ เหล่านี้เข้ามาพิจารณาในการ วิเคราะห์ความสัมพันธ์ไทย-ลาวเพื่อการทำความเข้าใจด้านความสัมพันธ์ไทยลาวจะได้เพิ่มมิติของท้องถิ่นเข้าไป ด้วย เช่น งานวิจัยของ แอนดรู วอล์คเกอร์ [Walker 2008] ได้ศึกษาประวัติศาสตร์บริเวณชายแดนไทย-ลาว ที่ เมืองเชียงของ โดยวิเคราะห์ความพยายามในการทำทาสลากเส้นเขตแดนที่เพิ่งเขียนขึ้นมาใหม่ระหว่างสยามกับ ฝรั่งเศสหลังการลงนามในสนธิสัญญาเมื่อ ค.ศ. 1893 มิติด้านเวลาข้อมค่านินไปโดยรัฐเป็นผู้มีอำนาจนำ จึงอาจ กล่าวได้ว่าประวัติศาสตร์ที่เป็น โคร โนส ได้ถูกโครโรสทำทาสและเปลี่ยนแปลงในตอนที่มีการลงนามในสนธิสัญญา ฉบับนั้นโดยสยามได้เปลี่ยนสถานะจากรัฐโบราณมาเป็นรัฐสมัยใหม่ อย่างไรก็ตาม วอล์คเกอร์ [Walker 2008] ได้เพิ่มมิติการวิเคราะห์ที่ไปมากกว่านั้น โดยพยายามนำการศึกษาของตัวแสดงที่ไม่ใช่รัฐที่บางครั้งก็ทำผิด บางครั้ง ก็ปฏิบัติตามหลักเขตแดนตามแนวทางเวสต์ฟาเลีย กล่าวคือเขาได้ค้นคว้าเอกสารว่าผู้คนในท้องถิ่นพยายามจะ ต่อสู้ช่วงชิงการตีความเชิงพื้นที่ที่รัฐกำหนดมาให้แม่น้ำโขงเป็นเส้นเขตแดนแบ่งสยามออกจากอินโดจีน แต่ก็มิได้มีผู้คน จำนวนหนึ่งข้ามเขตแดนโดยมิได้ขอคำรับรองจากรัฐ พวกเขาได้ผ่านพิธีการตรวจคนเข้าเมือง แต่หลายครั้งหลาย ครผู้คนกลุ่มเดียวกันก็หันกลับมาขอรับหลักเวสต์ฟาเลีย ในเวลาที่คนได้ประโยชน์จากการแบ่งเส้นเขตแดนนั้น เช่นเมื่อต้องคดีอาญาในฝั่งสยาม ก็จะข้ามแม่น้ำโขงไปอยู่ภายใต้อำนาจอธิปไตยของฝรั่งเศส ซึ่งเป็นดินแดนลาวใน ปัจจุบัน ทำให้เจ้าหน้าที่สยามไม่สามารถติดตามมาดำเนินคดีได้ ในที่นี้โครโนสของรัฐบาลกลองถูกทำทาสอยู่ตลอด โดยชีวิตประจำวันของคนตัวเล็กตัวน้อยที่อาศัยอยู่บริเวณชายแดนซึ่งถือได้ว่าเป็น โครโรสได้ด้วยเช่นกัน

ในทำนองเดียวกันงานวิจัยอีกหลายชิ้นหลังทศวรรษที่ 2010 โดยที่มิได้มีผู้คนที่แสดงให้เห็นว่าโครโนสคือมิติ เวลาที่ผูกขาดโดยรัฐ ถูกทำทาสจากตัวแสดงที่เป็นผู้คนที่มิได้มีอำนาจรัฐอ้างปรากฏมากขึ้นในงานมานุษยวิทยา ทั้ง

ของ จักรกริช [Sankhamanee 2006] และสร้อยมาศ [Rungramee 2014] กล่าวคือ จักรกริช พุดถึงการปฏิสัมพันธ์ของชาวบ้านที่อยู่บริเวณเชิงของและต้องการข้ามฝั่งแม่น้ำโขงในชีวิตประจำวัน จึงต้องมีปฏิสัมพันธ์และความสัมพันธ์ที่ดีกับเจ้าหน้าที่รัฐ ในแง่นี้ โครโนสจะอยู่ในการตีความของชาวบ้าน และเจ้าหน้าที่รัฐ เช่นเจ้าหน้าที่ตรวจคนเข้าเมือง ในฐานะตัวแทนอำนาจรัฐ ที่จะต้องตัดสินใจว่าเมื่อใดจะอนุญาตให้ผู้คนที่ต้องการข้ามเส้นเขตแดนไทย-ลาวข้ามได้โดยไม่ต้องผ่านกระบวนการตรวจคนเข้าเมือง หรือตอนใดควร สร้อยมาศกล่าวว่า เมืองชายแดนมีลักษณะเฉพาะ คือการข้ามเส้นเขตแดนที่ไม่ผ่านกระบวนการตรวจคนเข้าเมืองอาจเป็นเรื่องที่ผิดกฎหมาย (illegal) แต่หากเป็นเรื่องที่ชอบธรรม (legitimate) จึงทำได้โดยไม่ได้อุบัติความผิดในชุมชน (licit) การข้ามพรมแดนไทย-ลาวเพราะเป็นสิ่งที่คุณคนล้วนปฏิบัติกัน ก็จะถือว่าเป็นเรื่องปกติในชีวิตประจำวัน ในที่นี้คือชายแดนบริเวณฝั่งมุกดาหาร สะหวันนะเขตที่สร้อยมาศทำวิจัย เมื่จักรกริชและสร้อยมาศ จะไม่ได้กล่าวถึงการปฏิสัมพันธ์ระหว่างโครโนสและโครโนสที่ผู้คนในบริเวณเมืองชายแดนได้ทำทนาย โครโนสที่กำหนดโดยรัฐ แต่การวิเคราะห์ของนักวิชาการทั้งสองท่านได้แสดงให้เห็นถึงความตะกุกตะกักของภาวะเวลา และประวัติศาสตร์ของรัฐเองก็ไม่ได้ดำเนินเป็นเส้นตรง ราบเรียบโดยไม่ได้มีสิ่งใดทำทนาย และก็ได้แสดงให้เห็นว่าการปฏิสัมพันธ์ระหว่างโครโนสและโครโนสไม่จำเป็นต้องเป็นขนชั้นนำที่นั่นที่ผูกขาด

งานของธนชชญู [Wisaijorn 2018] เรียกสภาวะที่ผู้คนในเมืองชายแดนต้องตัดสินใจข้ามเขตแดนไทย-ลาวในชีวิตประจำวันในฐานะโครโนสไปทำทนาย โครโนสของรัฐไทยและลาวจนประวัติศาสตร์เรื่องที่ไม่ได้ดำเนินเป็นเส้นตรงอย่างราบเรียบเสียทีเดียว เมื่อเมืองชายแดนอุบลราชธานีและจำปาสักมีความหลากหลาย เมืองชายแดนจึงกลายเป็นพื้นที่ที่สาม กล่าวคือการข้ามชายแดนไทย-ลาวบริเวณโขงเจียม ในจังหวัดอุบลราชธานี (ไทย) ชะนะสมบุญ ในแขวงจำปาสัก (ลาว) มีลักษณะหลากหลายในด้านการตีความด้านพื้นที่และเวลา บางครั้งผู้คนปฏิบัติตามระเบียบเชิงพื้นที่และเวลาที่กำหนดโดยรัฐ เมื่อมีการตรวจสอบอย่างเข้มข้นจากรัฐและถ้าไม่มีการตรวจสอบหากระเบียบนั้นให้ประโยชน์เฉพาะหน้าที่ก็ยิ่งจะปฏิบัติตามแนวคิดเวสต์ฟาเลีย เช่นการที่พนักงานขับเรือจ้างนำนักท่องเที่ยวล่องแม่น้ำโขง ซึ่งหากกล่าวว่าเป็นการข้ามพรมแดนระหว่างประเทศ เขาและเธอจะสามารถเรียกเก็บค่าโดยสารจากนักท่องเที่ยวได้มากกว่าการล่องเรือภายในประเทศ แต่เมื่อใดก็ตามที่ต้องการใช้แม่น้ำโขงในการทำมาหากินหรือคมนาคมขนส่งในชีวิตประจำวัน วาทกรรมที่ว่าแม่น้ำโขงเป็นเส้นเขตแดนระหว่างประเทศที่แบ่งระหว่างอุบลราชธานี (ไทย) กับแขวงจำปาสัก (ลาว) ก็จะไม่มีผลสำคัญ

3. มิติเวลาที่ยึดรัฐเป็นศูนย์กลาง

3.1. ค.ศ. 1954–1975

ดังที่ได้กล่าวไปข้างต้นว่าทั้งนักคิดสังคมนิยม เช่น จอห์น เฮอร์ซ [Herz 1959] กล่าวว่าพรมแดนรัฐเปรียบเสมือนกับกับ “เปลือกหอย” (hard-shell) ซึ่งคอยปกป้องประชากรและดินแดนภายในเปลือกนั้น บทความชิ้นนี้ต้องการจะเสนอแนวคิดในมิติของเวลาที่รัฐเองหรือนักวิชาการความสัมพัทธ์ระหว่างประเทศเองมองว่าเส้นเขตแดนเป็นเปลือกที่บรรจุเวลาไว้ในรัฐ เพื่อที่รัฐจะกำหนดควบคุมเวลาภายในของตนเช่นกัน เช่น ราชการและพัก่อนของรัฐหนึ่งอาจแตกต่างจากรัฐใกล้เคียง เส้นเขตแดนก็เป็นเหมือนหมุดหมายระบุอำนาจอธิปไตยว่าจุดสิ้นสุดของการบังคับใช้เวลาให้เป็นไปตามความควบคุมของรัฐ (โครโนส) อยู่ที่จุดใด เส้นเขตแดนรัฐจึงมีลักษณะเป็นเสมือนกษณะห่อหุ้มพื้นที่ ซึ่งเป็นหนึ่งในลักษณะของกับดักเส้นเขตแดนตามที่สนะของ จอห์น แอ็กนิว [Agnew 1994] ที่ระบุว่าปรากฏการณ์นี้จะเกิดขึ้นก็ต่อเมื่อ นักทฤษฎีวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศและผู้กำหนดนโยบายรัฐยึดมั่นว่าพื้นที่ชายแดนแยกออกจากกัน และงานวิจัยชิ้นนี้เสนอแนวคิดว่าหากนักวิชาการยึดแนวคิดและติดกับดักเส้นเขตแดนที่มองว่า เส้นเขตแดนเป็นเสมือนขอบกษณะห่อหุ้มจุดสิ้นสุดอำนาจของรัฐที่ย่อมจะติดกับดักห้วงเวลา ก็อมองว่ารัฐเป็นตัวแสดงหลักแต่เพียงผู้เดียวในการจัดการเวลาภายในรัฐด้วย

ทฤษฎีโดมิโน (domino theory) เป็นวาทกรรมของสหรัฐอเมริกาที่ใช้ในการแทรกแซงการเมืองในภูมิภาคอินโดจีนยุคสงครามเย็น [O'Sullivan 1998] ทฤษฎีดังกล่าวเป็นผลสืบเนื่องมาจากการมองรัฐว่าคล้ายกับภาชนะจนนำไปเปรียบกับโดมิโน และวิธีมองเช่นนี้มองว่า พื้นที่และเวลาถูกรบรจอยู่ในรัฐที่เป็นรูปแบบเวสต์ฟาเลีย เช่น รัฐไทยและรัฐลาว แต่เมื่อสหรัฐอเมริกาพยายามป้องปรามอิทธิพลคอมมิวนิสต์ทฤษฎีโดมิโนมักจะปรากฏอยู่ต่อเบื้องหลังของบรรดานักการเมือง และนักวิชาการความสัมพันธ์ระหว่างประเทศโดยนำรัฐมาเปรียบเทียบกับวัตถุเช่น โดมิโน ดังที่ อดีตประธานาธิบดีสหรัฐอเมริกา คาไว้ต์ ไอเซนฮาวเวอร์ [Eisenhower 1965] เคยกล่าวไว้ว่า “หากลาวต้องกลายเป็นคอมมิวนิสต์ ประเทศเพื่อนบ้านก็ต้องเป็นรายต่อไป เหมือนโดมิโนล้ม” (1965) เมื่อมีฐานคิดว่ารัฐเป็นวัตถุเช่นนี้ ย่อมหมายความว่า เวลาถูกรบรจอยู่ในวัตถุชนิดนั้นก็คือตัวโดมิโน

แม้แต่ มอร์แกนธา [Morgenthau 1965] ก็ได้แสดงความเห็นคล้ายกับนักการเมืองสหรัฐอเมริกาในยุคเดียวกัน เขากล่าวว่าเวียดนามก็เปรียบเสมือนกับ “ฝาจุดคือของชาวโวน” ดังนั้นการแทรกแซงทางการเมืองในอินโดจีนของสหรัฐอเมริกาจึงมีความชอบธรรมเพื่อป้องกันไม่ให้โวนทะลักออกจากชาวหรือป้องกันไม่ให้โดมิโนล้มต่อกันเป็นทอด ๆ จากเวียดนามเหนือ มาขั้วเวียดนามใต้ ลาว และไทย นั้นย่อมหมายความว่าเวลาถูกรบรจลงในข้อแก้ตัวเช่นชาวโวน จึงชวนให้จินตนาการต่อไปว่าหากฝาจุดคือถูกเปิดออก การตีความเวลาที่ผูกขาดโดยแนวคิดคอมมิวนิสต์ก็จะทะลักออกมาประอะประเอินพื้นที่ใกล้เคียง

จากการวิเคราะห์เอกสารชั้นต้น (primary source) เช่นบันทึกพงศาวดารชาดลาว ความเป็นมาของชาติแต่กิดคำบรรพของเจ้าคำหมั้นกัรฉนะ (1973) เมืองจำปาสักเองก็อยู่ในเส้นเขตแดนที่เป็นหมยหมุดสิ้นสุดอำนาจธิปไตยของราชอาณาจักรลาว กล่าวคือในทางทฤษฎี แขวงจำปาสักอยู่ภายใต้การกำหนดการดำเนินของประวัติศาสตร์ที่ขึ้นอยู่กับรัฐบาลกลางคือเวียงจันทน์ ในทางอันเดียวกันกับอุบลราชธานีที่มีการดำเนินของประวัติศาสตร์ที่ต้องขึ้นอยู่กับรัฐบาลที่ตั้งอยู่ในกรุงเทพฯ มิติด้านเวลาในแบบโครโนสของเมืองทั้งสองเมืองคืออุบลราชธานีและจำปาสักจึงแยกออกจากกัน เนื่องจากว่าถึงแม้จะเป็นเมืองชายแดน แต่การตีความการเขียนประวัติศาสตร์รัฐยังยึดรัฐเป็นศูนย์กลาง

3.2. ค.ศ. 1975–1989

นับตั้งแต่ ค.ศ. 1975 งานวิชาการความสัมพันธ์ระหว่างประเทศแทบจะทั้งหมดยึดมุมมองว่ารัฐเป็นศูนย์กลางเมื่อมานิยามพื้นที่คือชายแดนไทย-ลาว ว่ามิได้เป็นแค่เพียงเส้นแบ่งพื้นที่ระหว่างรัฐสองรัฐเท่านั้นหากแต่ยังเปรียบเสมือนเส้นแบ่งโลกอุดมการณ์สองโลกในยุคสงครามเย็น คือเสรีนิยมประชาธิปไตย คือรัฐไทยในฐานะพันธมิตรของสหรัฐอเมริกา และสังคมนิยมคอมมิวนิสต์คือรัฐลาวในฐานะรัฐบริวารของสหภาพโซเวียต การดำเนินของประวัติศาสตร์ในรูปแบบโครโนสของพื้นที่ภายใต้อำนาจรัฐบาลไทยและลาวจึงแตกต่างกันออกไป

เคนเน็ธ วอลซ์ [Waltz 1979] ตีความว่ารัฐเป็นหน่วยทางการเมือง (like unit) ซึ่งไม่ต่างจากลูกบิลเลียดและจากการสืบค้นนักวิชาการ นิติศนักรศึกษาตั้งอยู่บนฐานคิดเช่นนี้ กล่าวคือ เส้นเขตแดนมีความสำคัญที่รัฐจะต้องพยายามไม่ให้มีสิ่งแปลกปลอมจากภายนอกเข้ามา โดยเฉพาะอย่างยิ่งในยุคที่ราชอาณาจักรลาวได้เปลี่ยนแปลงการปกครองเป็น สาธารณรัฐประชาธิปไตยประชาชนลาว การตีความพื้นที่และเวลาเช่นนี้ อิทธิพลเป็นศูนย์กลางจะเห็นได้คมชัดอย่างต่อไปนี้

ในงานวิจัยของ สุรัชย์ ทิธีไกร (2527) [สุรัชย์ 2527] เขาเขียนกันว่าไม่ว่าจะมีการละเมิดบูรณภาพเหนือดินแดนของทั้งรัฐไทยและลาวและเจ้าหน้าที่รัฐไทยจะต้องปฏิบัติหน้าที่รักษาอำนาจอธิปไตยอย่างระมัดระวัง แต่ทว่าภายหลัง ค.ศ. 1975 มีพลเมืองลาวจำนวนมากลี้ภัยทางการเมืองข้ามพรมแดนมายังดินแดนของรัฐไทย หากรัฐถูกเปรียบว่าเป็นเหมือนลูกบิลเลียดที่เป็นบิลเลียดที่มีรูพรุนให้ผู้คนจากภายนอกรัฐเดินทางเข้าไปได้ แต่เมื่อมองจากรัฐเป็นศูนย์กลาง ผู้ที่เดินทางข้ามชายแดนไทยลาวมิได้ผ่านกระบวนการที่รัฐรับรอง เช่นกระบวนการตรวจคนเข้าเมือง จึงมีการใช้ คำว่า “ผู้ลี้ภัย” (refugee) มานิยามผู้คนเหล่านี้ โดยเฉพาะอย่างยิ่งในงานเขียนของ ภูงกัสม [Phuangkasem 1984] มีคำยู่ลี้ภัยหลายแห่งตั้งอยู่ในจังหวัดชายแดนในภาคตะวันออกเฉียงเหนือ และผู้

ลี้ภัยก็กลายเป็นประเด็นปัญหาสำคัญของทั้งรัฐไทยและรัฐลาว รัฐบาลลาวได้กล่าวหารัฐบาลไทยในขณะนั้นว่าพร้อมก็กับจีนใช้ผู้ลี้ภัย เช่น ชาวเวียงจันทน์เป็นชนกลุ่มน้อยที่เข้าร่วมกับสหรัฐอเมริกาสู้รบต่อต้านพรรคคอมมิวนิสต์เข้าไปสอดแนมหาข่าวทางทหารในพื้นที่อธิปไตยของลาว มุมมองที่แยกพื้นที่และผู้คนเช่นนี้เป็นกับดักเส้นเขตแดนที่สะท้อนแต่เพียงเสียงของชนชั้นปกครองซึ่งดีกว่าเสียงของผู้คนที่อาศัยอยู่ทั้งสองฟากฝั่งแม่น้ำโขง เมื่อผู้คนที่อาศัยอยู่ฝั่งหนึ่งได้อพยพภัยทางการเมืองมาอีกฝั่งหนึ่ง พวกเขาถูกมองว่าเป็น “ผู้ลี้ภัย” ซึ่งลี้ภัยนั้นของคนที่พลัดพรากจากบ้านเกิด และสิทธิที่พึงได้รับจากรัฐของพวกเขาย่อมน้อยกว่าพลเมืองของรัฐทั้งที่ผู้คนที่ทั้งสองฝั่งแม่น้ำโขงมีความสัมพันธ์กันทางเครือญาติ การค้าและวัฒนธรรมมาก่อนที่จะมีพรมแดนไทย-ลาวเสียอีก

การตีความจุดสิ้นสุดการควบคุมเวลาและพื้นที่ของรัฐ โดยยึดรัฐเป็นศูนย์กลางก็ไม่ใช่ว่าจะไม่มีข้อบกพร่องหรือผิดพลาด ความคลาดเคลื่อนปรากฏอยู่ในการระบุระยะทางของชายแดนไทย-ลาว วิรัช (2531) ใช้แผนที่สนับสนุนข้อสรุปกรณีพิพาทสามหมู่นบ้านใน ค.ศ. 1987 ซึ่งเป็นการประชุมทางทหารของรัฐบาลไทยและลาวว่าบ้านกลาง บ้านสว่าง บ้านใหม่ อยู่ภายใต้อำนาจอธิปไตยของรัฐไทย แต่แพทย์น [Ngaosyvathan 1985] กลับใช้แผนที่แบบเดียวกันแต่ตีความต่างกันไปโต้แย้งว่าทั้งสามหมู่บ้านอยู่ภายใต้อธิปไตยของลาวนับแต่เมืองมาตั้งแต่สมัยอาณาจักร นักวิชาการทั้งสองใช้ชุดควิวิตี้ที่แตกต่างกัน ฝ่ายลาวใช้แผนที่ที่เขียนขึ้นในยุครุ่งเรืองของฝรั่งเศสในอินโดจีน แต่ฝั่งไทยใช้แผนที่ที่อ้างกันว่ามีความทันสมัยมากกว่าเนื่องจากใช้วิทยาการการถ่ายภาพทางอากาศมาได้เชิงสูงหากต่างฝ่ายต่างยืนยันการตีความของตน คงไม่สามารถหาข้อสรุปได้ ทั้งในงานวิชาการความสัมพันธ์ระหว่างประเทศและสำนักภูมิศาสตร์ กระทรวงการต่างประเทศสหรัฐอเมริการะหว่าง ค.ศ. 1975 และ 1989 ระบุว่าพรมแดนไทยลาวมีความยาว 1,750 กิโลเมตร [โสมเพ็ญ 1982; วิรัช 1988; Office of Geography, Bureau of Intelligence and Research 1962] แต่เมื่อมีการสำรวจใหม่ในทศวรรษที่ 1990 ระยะทางกลับเพิ่มขึ้นมาเป็น 1810 กิโลเมตร ฉะนั้นการตีความเส้นเขตแดนที่เป็นหมายเหตุจุดสิ้นสุดของการควบคุมพื้นที่และเวลาของรัฐโดยยึดรัฐเป็นศูนย์กลางควรได้รับการพิจารณาเป็นอย่างยิ่ง

3.3. ค.ศ. 1989 ถึงปัจจุบัน

เมื่อสงครามเย็นจะยุติลงปลายทศวรรษที่ 1990 การอธิบายความสัมพันธ์ไทย-ลาวก็ไม่ได้คล้อยตามการยึดรัฐเป็นศูนย์กลางลงไปเสียทีเดียว ความพยายามจัดการเวลายังคงเป็นโครโนสที่กำกับโดยรัฐบาลกลางจากเมืองหลวงของรัฐ และก็ยังปรากฏอยู่ในงานความสัมพันธ์ระหว่างประเทศกระแสหลัก อย่างไรก็ดี ได้มีมุมมองของตัวแสดงที่ไม่ใช่รัฐ ปรากฏอยู่มากขึ้นในงานวิจัยทางรัฐศาสตร์ทางการเมืองการปกครอง งานทางด้านมานุษยวิทยา และชายแดนศึกษา ซึ่งแม้ว่าจะไม่ได้นิยามตนเองว่าเป็นงานในสาขาวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศ แต่ผู้เขียนยืนยันว่าหากนักวิชาการสาขาวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศ นำผลการวิจัยของงานเหล่านี้มาร่วมพิจารณา ก็จะเพิ่มมิติการวิเคราะห์ในการอธิบายความสัมพันธ์ไทย-ลาว โดยเฉพาะอย่างยิ่งในมุมมองของเมืองชายแดนคืออุบลราชธานี-จำปาสัก เนื่องจากพื้นที่ดังกล่าวมีจุดวิเคราะห์หรือบริเวณชายแดนไทย-ลาว ซึ่งเป็นจุดสิ้นสุดของการบังคับใช้อำนาจอธิปไตยของรัฐไทยและรัฐลาว ในยุคนี้มุมมองการตีความด้านเวลาในความสัมพันธ์ไทย-ลาว บริเวณอุบลราชธานีและจำปาสักเมื่อเทียบกับพื้นที่อื่นตลอดระยะทาง 1,810 กิโลเมตร แล้วจะพบว่ามีความเน้นรัฐเป็นศูนย์กลาง เช่น งานทางวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศเมื่อกล่าวถึงพื้นที่อุบลราชธานีและจำปาสัก แต่บ่อยครั้งก็ผสมผสานกับมุมมองที่เน้นวิถีชีวิตความสัมพันธ์ของผู้คนมากขึ้น ดังปรากฏในงานวิจัยด้านมานุษยวิทยาและสังคมวิทยา การตีความด้านเวลาที่เปิดพื้นที่ให้กับผู้คนบริเวณเมืองชายแดนมากขึ้น จึงเป็นการตีความเวลาที่ตีความโดยผู้คนจากพื้นที่ที่สาม

ในงานวิจัยของ เขียน ธีระวิทย์ และ อติสรณ์ เสมอเข้ม [Theeravit, Semyeam 2003] ยังมีการผลิตซ้ำการตีความพื้นที่ที่ยึดรัฐเป็นศูนย์กลาง กล่าวคือ มีแผนที่ที่รัฐบาลไทยใช้อธิบายกรณีพิพาทที่หมู่บ้านร่มเกล้าเมื่อ ค.ศ. 1988–1989 ถึงอย่างนั้นที่เก็ตี การยึดคำอธิบายของรัฐเป็นศูนย์กลางของแผนที่ซึ่งรัฐบาลไทยนำมาสร้างความชอบธรรมในการประกาศสงครามกับรัฐบาลสาธารณรัฐประชาธิปไตยประชาชนลาวได้ถูกตั้งคำถามมากขึ้น โดยเฉพาะอย่างยิ่งบรรดาแผนที่ซึ่งจัดทำขึ้นในยุคอาณาจักร ซึ่งวงวิชาการได้ข้อสรุปว่าเป็นหนึ่งในสาเหตุที่ทำให้เกิดกรณี

พิพาทขึ้นระหว่างไทยกับลาวในช่วงปลายของสงครามเย็น [ดวงใจ 2553] กล่าวคือรัฐไทยและรัฐลาวอ้างอิงแผนที่คณะชุดโดยฝ่ายลาวใช้แผนที่ L708 มาอ้างว่าหมู่บ้านร่มเกล้าที่อำเภอชาติตระการ จังหวัดพิษณุโลก อยู่ภายใต้อธิปไตยของลาว ซึ่งฝ่ายไทยมองว่ามีความลำเอียง และได้เสนอแผนที่ L7017 เพื่อโต้แย้งว่าแท้จริงแล้วหมู่บ้านร่มเกล้าอยู่ในดินแดนไทย การตีความแผนที่ซึ่งยึดรัฐเป็นศูนย์กลางสองชุดได้นำไปสู่การปะทะกันทางทหารซึ่งทำให้มีผู้เสียชีวิต 479 ราย [จินวัฒน์ 2544]

งานเขียนในวงวิชาการยุคหลังสงครามเย็นที่ย้อนกลับไปวิเคราะห์ปัญหาพรมแดนไทย-ลาว อย่างในกรณีของสามหมู่นบ้านใน ค.ศ. 1984 และหมู่บ้านร่มเกล้าใน ค.ศ. 1987–1988 แสดงให้เห็นถึงแนวคิดหลักสองประการคือ ประการแรก วิชาการยังคงยึดพื้นที่รัฐแบบเวสต์ฟาลีอ์ ประการที่สองคือ ยังเชื่อกันว่ากรณีรัฐเป็นศูนย์กลางยังคงทรงอิทธิพลในงานวิชาความสัมพันธ์ระหว่างประเทศกระแสหลัก เช่น งานเขียนวิจัยของทรงฤทธิ์ โพนเงิน (2540) [ทรงฤทธิ์ 2541] ได้ย้อนวิเคราะห์ถึงปัญหาเศรษฐกิจในอดีต กล่าวคือทรงฤทธิ์กล่าวถึงเมื่อครั้งที่รัฐไทยประกาศปิดเส้นพรมแดนหลังจากรัฐบาลลาวประกาศห้ามหมู่บ้านในกลางทศวรรษที่ 1980 ส่งผลให้ผู้ที่สามารถข้ามพรมแดนได้มีเพียงสี่ประเภทคือ นักการทูต ผู้อพยพชาวลาวยุติการกบฏฝ่ายขวาที่ต่อต้านรัฐบาลลาว และพ่อค้าสินค้าเถื่อน อย่างไรก็ตามหลังจาก ค.ศ. 1989 เป็นต้นมา การยึดว่ารัฐต้องเป็นศูนย์กลางก็มิได้เข้มข้นเหมือนครั้งสงครามเย็น กล่าวคือ แนวคิดที่ว่าผู้คนและพื้นที่ต้องแยกจากกันอย่างเด็ดขาดมิได้รับความเข้มข้นเท่ากับที่เคยเป็น และบ่อยครั้งการอนุโลม เพื่อให้เกิดความสะดวกทางการค้าและความร่วมมือในลักษณะข้ามชาติของทั้งสองรัฐ รวมไปถึงรัฐอื่นทั้งในและนอกภูมิภาคเอเชียตะวันออกเฉียงใต้ก็ปรากฏในงานเขียนเชิงวิชาการ เช่น งานของเศษพันธ์ และ มะยูลี เหง้าสัวัด [Ngaosyvathn M., Ngaosyvathn P. 1994] บรรยายข้ามชาติต่างที่สนับสนุนการก่อสร้างถนนหนทางและสะพานเชื่อมโยงชายแดนไทยลาวภายใต้กลไกที่เรียกว่าอนุภูมิภาคุ่มน้ำโขง (Great Mekong Sub-region) สุรัชย์ (2546) จักรกริช [Sankhamanee 2006] ฮอลลี่ ไฮ [High 2009] สร้อยมาศ [Rungmanee 2014] และธนเชษฐ [Wisajorn 2018] กล่าวก็มีการวิเคราะห์การตัดสินใจของตัวแสดงทางการเมืองที่เป็นผู้คนที่อาศัยอยู่ในเมืองชายแดนทั้งสิ้น

ทว่าเมื่อเกิดเหตุการณ์ความไม่สงบที่ด้านวังเต่าใน ค.ศ. 2000 วาทกรรมว่าด้วยบูรณาการของดินแดนซึ่งมีลักษณะยึดรัฐเป็นศูนย์กลางระหว่างไทยกับลาวก็หวนกลับมาปรากฏอีกครั้งหนึ่งและนำมาใช้บรรยายสถานการณ์ในเมืองชายแดนคืออุบลราชธานีของไทย และจำปาสักของสาธารณรัฐประชาธิปไตยประชาชนลาว ทั้งในสื่อมวลชนและการโฆษณาของรัฐทั้งสอง เมื่อรัฐบาลลาวตำหนิรัฐบาลไทยว่าเหตุการณ์ดังกล่าวได้ขัดขวางความสัมพันธ์อันดีระหว่างไทยกับลาว แม้ว่าจะไม่มีการกระทบกระทั่งกันทางทหารก็ตาม [Theeravit, Semyeam 2003] พยายามอธิบายเหตุการณ์วังเต่าจากมุมมองที่ “ไร้รัฐ” (stateless) และมองว่าพลเมืองไทยและลาวโดยเฉพาะในภาคตะวันออกเฉียงเหนือมีความสัมพันธ์ทางวัฒนธรรมและเครือญาติต่อกันมาตั้งแต่ก่อนยุคอาณานิคม [Ibid] แต่ก็ดูเหมือนว่าเป็นเรื่องสุดวิสัยที่จะก้าวพ้นไปจากแนวคิดที่ว่าพื้นที่และผู้คนควรแยกออกจากกัน คำถามในแบบสอภยามของการทำวิจัยแนวคิดที่พื้นที่และผู้คนของรัฐไทยและลาวยังปรากฏอยู่ชัดเจน เช่น คำถามที่ว่า “ประชาชนลาวมองประชาชนไทยอย่างไร” หรือในคำตอบที่ผู้ตอบแบบสอบถามใช้คำว่า “ผู้คนจากฝั่งนี้” หรือ “ฝั่งโน้น” นอกจากนี้สภาวะที่การตีความด้านพื้นที่และเวลาที่ยังปรากฏในวิทยานิพนธ์รัฐศาสตรระดับมหาบัณฑิตของพลวิเชียร อุกองไชย (2546) ที่วิเคราะห์เหตุการณ์วังเต่าเหตุการณ์เดียวกันนี้ ทว่าเขาได้จะกลิ้งลงในรายละเอียดว่าผู้ก่อการ ได้ใช้ปัจจัยใดในการตัดสินใจที่จะข้ามเขตแดนไทย-ลาว จากฝั่งไทยเพื่อโจมตีด้านอุตสาหกรรมวังเต่าในฝั่งลาว ก่อนจะหนีการไล่ล่าของกองทัพลาว กลับมายังเขตแดนฝั่งไทย ข่อมหมายความว่าหลักเกณฑ์การจัดการเวลาที่เรียกว่าโครโนสซึ่งบังคับใช้โดยไทยและลาว ถูกท้าทายโดยตัวแสดงซึ่งเป็นกองกำลังติดอาวุธในท้องถิ่น และการท้าทายดังกล่าวก็จัดได้ว่าเป็นโครโนส ซึ่งปรากฏอยู่ในงานเขียนทางด้านรัฐศาสตร์ในยุคหลังปี ค.ศ. 1989 นี้เช่นกัน นอกจากนี้ ไฮ [High 2009] ยังได้กล่าวถึงแรงงานชาวลาวที่พยายามจะข้ามเขตแดนบริเวณช่องเม็ก-วังเต่า (อุบลราชธานี และจำปาสัก) เพื่อเข้าไปทำงานทำในรัฐไทย งานวิจัยด้านมานุษย

วิทยาของไฮ จึงวิเคราะห์การปฏิสัมพันธ์ระหว่างเวลาที่กำหนดโดยรัฐ คือการเปิด-ปิดด่าน ที่จัดได้ว่าเป็นโครโนสของรัฐไทยและลาว และการพยายามเจรจาต่อรองของแรงงานชาวลาว ในฐานะตัวแสดงที่ไม่ใช่รัฐ ที่ต้องคัดลिनใจว่าจะปฏิบัติตามโครโนสของรัฐหรือไม่ หรือจะเลือกวิธีการลักลอบเข้ามาในรัฐไทย แต่สุดท้ายก็ต้องผ่านการจัดการการข้ามแดนที่กำหนดโดยรัฐ ทั้งงานวิชาการของ เขียนและอดิศรณี [Theeravit, Semyeam 2003] พลวิเชียร (2546) ไฮ [High 2009] และ ธนชญชู [Wisaijorn 2018] ต่างกล่าวถึงการปฏิสัมพันธ์ของตัวแสดงที่ไม่ใช่รัฐ ในพื้นที่อุบลราชธานีและจำปาสัก ซึ่งเป็นส่วนผสมของการตีความการปฏิสัมพันธ์ระหว่างโครโนสและไคโรสในระดับรัฐกับตัวแสดงที่ไม่ใช่รัฐทั้งสิ้น การเลือกวิเคราะห์การตีความเวลาจากพื้นที่ที่สาม คืออุบลราชธานีกับจำปาสัก จึงช่วยฉายภาพให้เห็นอีกมิติหนึ่งของปรากฏการณ์ทางการเมืองที่เกิดขึ้นระหว่างตัวแสดงที่เป็นรัฐและไม่ใช่รัฐในความสัมพันธ์ไทยลาว กล่าวคือเส้นเขตแดนไม่ได้แบ่งรัฐสองรัฐออกจากกัน จนเกิดช่วงเวลาที่ยกออกจากกันอย่างเด็ดขาด แต่บ่อยครั้ง เกิดความพยายามในการเจรจา ทำทายและลบเส้นเขตแดนทางพื้นที่ และการตีความด้านเวลาจึงเกิดความผสมผสานดังที่กล่าวไปแล้ว

บรรณานุกรม

- Agnew 1994 — J. Agnew. The territorial trap: the geographical assumption of International Relations theory. *Review of International Political Economy* [Electronic resource]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09692299408434268> (accessed 30.01.2015).
- Amer 1999 — R. Amer. Conflict management and constructive engagement in ASEAN's expansion. *Third World Quarterly*, 1999.
- Baird 2013 — I. Baird. Millenarian movements in Southern Laos and North Eastern Siam (Thailand) at the turn of the twentieth century: reconsidering the involvement of the Champassak Royal House. *South East Asia Research* [Electronic resource]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.5367/sear.2013.0147> (accessed 10.10.2019).
- Breazeale 1975 — K. Breazeale. The integration of the Lao states into the Thai Kingdom (Doctoral dissertation). Oxford University, 1975.
- Bunnag 1968 — T. Bunnag. The provincial administration of Siam from 1892 to 1915 (Doctoral dissertation). Oxford University, 1968.
- Chakrabarty 2008 — D. Chakrabarty. *Provincializing Europe: Postcolonial thought and historical difference*. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2008.
- Office of Geography, Bureau of Intelligence and Research 1962 — *International boundary study: Laos–Thailand boundary* // Office of Geography, Bureau of Intelligence and Research.
- Eisenhower 1965 — Dwight D. Eisenhower. *Waging peace: The White House years, 1956–1961*. New York: Doubleday, 1965.
- Erlanger 1989 — S. Erlanger. Thailand seeks to shape a 'Golden Peninsular'. *The New York Times* [Electronic resource]. URL: <http://www.nytimes.com/1989/04/30/world/thailand-seeks-to-shape-a-golden-peninsula.html> (accessed 06.03.2018).
- Evans 2002 — G. Evans. *A short history of Laos: The land in between*. Australia: Allen & Unwin, 2002.

- Herz 1959 – J. Herz. *International politics in the atomic age*. New York: Columbia University Press, 1959.
- Herz 1968 – J. Herz. *The territorial state revisited: Reflection on the future of the nation-state*. Polity, 1968.
- Herz 1975 – J. Herz. *Korea and Germany as divided nations: The systemic impact*. Asian Survey [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/2643550?seq=1> (accessed 06.04.2014).
- High 2009 – H. High. *Dreaming beyond borders: The Thai/Lao borderlands and the mobility of the marginal*. In M. Gainsborough (Ed.), *On the borders of state power*. Abingdon & New York: Routledge, 2009.
- Hirshman, Preston, Loi 1995 – C. Hirshman, S. Preston, V.M. Loi. *Vietnamese casualties during the American war: A new estimate*. Population and Development Review [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/2137774?seq=1> (accessed 09.09.2019).
- Hutchings 2008 – K. Hutchings. *Times and world politics: Thinking the present*. Manchester: Manchester University Press, 2008.
- Iijima 2018 – A. Iijima. *The invention of “Isan” history*. Journal of the Siam Society [Electronic resource]. URL: https://so06.tci-thaijo.org/index.php/pub_jss/article/view/157699#:~:text=The%20designation%20of%20%E2%80%9CIsan%E2%80%9D%20thus,of%20most%20of%20the%20region (accessed 10.10.2018).
- Ivarsson 2008 – S. Ivarsson. *Creating Laos: The making of Lao Space between Indochina and Siam, 1860–1945*. Copenhagen: NIAS Press, 2008.
- Jiwalai 1994 – R. Jiwalai. *Thai foreign policy towards Laos 1975–1990* (Doctoral dissertation). University of Hawaii, 1994.
- Kennan 1947 – G. Kennan. *The source of the Soviet conduct*. Foreign Affairs, 1947.
- Lee 2012 – M. N. M. Lee. *Dreams of the Hmong Kingdom: The quest for legitimacy in French Indochina, 1850–1960*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2012.
- Lockard 2009 – C. A. Lockard. *Southeast Asia in a world history*. New York: Oxford University Press, 2009.
- Marx, Engels 1974 – K. Marx, F. Engels. *Marx: The German ideology*. In C. J. Arthur (Ed). London: Lawrence & Wishart, 1974.
- Mearsheimer 2001 – J. Mearsheimer. *The tragedy of great power politics*. New York: W. W. Norton & Company, 2001.
- Morgenthau 1947 – H. J. Morgenthau. *Scientific man vs. power politics*. London: Latimer House Limited, 1947.
- Morgenthau 1948 – H. J. Morgenthau. *Politics among nations: The struggle for power and peace*. 1st ed. New York: Alfred A. Knopf, 1948.
- Morgenthau 1965 – H. J. Morgenthau. *Vietnam and the United States*. Washington D. C.: Public Affairs Press, 1965.
- Nail 2016 – T. Nail. *Theory of border*. New York: Oxford University Press, 2016.

- Oldfield 1998 – D. Oldfield. The restructuring of Thailand's foreign policy towards Laos, 1988–1991 (Doctoral dissertation), Northern Illinois University, 1998.
- Ngaosyvathn 1985 – P. Ngaosyvathn. Thai-Lao relations: A Lao view. Asian Survey, 1985.
- Ngaosyvathn M., Ngaosyvathn P. 1994 – M. Ngaosyvathn, P. Ngaosyvathn. Kith and kin politics: The relationship between Laos and Thailand. Manila: Journal of Contemporary Asia Publishers, 1994.
- Paribatra 2013 – P. Paribatra. Thailand's relationship with its neighbors: A study of border conflict from 1973 to 2011 (Doctoral dissertation), Northern Illinois University, 2013.
- Paribatra 1984 – S. Paribatra. Strategic implication of the Indochina conflict: Thai perspective. Asian Affairs, 1984.
- Phuangkasem 1984 – C. Phuangkasem. Thailand's Foreign Relations, 1964–1980. Singapore: Institute of Southeast Asia Studies, 1984.
- Rungmanee 2014 – S. Rungmanee. Compromised margin: Migration and agrarian transformation in the northeastern Thai-Lao borderlands (Doctoral thesis). Sydney University, 2014.
- Said 1977 – E. Said. Orientalism. London: Penguin Books, 1977.
- Sankhamanee 2006 – J. Sankhamanee. Mekong border riverscape: Space and identity construction of the Lao long-distance boat traders (Master dissertation). Chiang Mai University, 2006.
- Sirikrai 1979 – S. Sirikrai. Thai-American relations in the Laotian crisis of 1960–1962 (Doctoral dissertation), State University of New York at Binghamton, 1979.
- Stevenson 1972 – C. A. Stevenson, C. A. The end of nowhere: American policy toward Laos since 1954. Boston: Beacon Press, 1972.
- Strate 2015 – S. Strate. The lost territories: Thailand's history of national humiliation. Honolulu: University of Hawaii'I Press, 2015.
- Theeravit, Semyeam 2003 – K. Theeravit, A. Semyeam. Thai-Lao relations in Laotian perspective. S. Jayanam (Trans.) Bangkok: The Institute of Asian Studies, Chulalongkorn University, 2003.
- Viravong 1964 – M. S. Viravong. History of Laos (US Joint Publication Research Service. Trans.) New York: Paragon Book Reprint Corp., 1964.
- Walker 2008 – A. Walker. Borders in motion on the upper-Mekong: Siam and France in the 1890s. New Mandala [Electronic resource]. URL: <https://www.newmandala.org/wp-content/uploads/2006/11/Borders%20in%20motion.pdf> [accessed 03.09.2019].
- Waltz 1979 – K. Waltz. Theory of international politics. Reading: Addison-Wesley Pub, Co., 1979.
- Winichakul 1994 – T. Winichakul. Siam mapped: A history of the geo-body of a nation. Honolulu: University of Hawaii Press, 1994.
- Wisajorn 2015 – T. Wisajorn. Re-thinking the Thai-Lao border in International Relations: Can anti-geopolitics reveal a human dimension? (Master dissertation). Durham University, 2015.

- Wisaijorn 2017 — T. Wisaijorn. The Inescapable territorial trap in IR: Thai-Lao border from 1954 to the present. *Geopolitics*, 2017.
- Wisaijorn 2018 — T. Wisaijorn. Riverine border practices: People's everyday lives on the Thai-Lao Mekong border (Doctoral dissertation). Loughborough University, 2018.
- Wolters 1999 — O. W. Wolters. History, culture and region in Southeast Asian perspectives. New York: Cornell University Press, 1999.
- กุลลดา 2550 — กุลลดา เกษบุญชู มืด. การเมืองไทยยุคสฤยตี ถนอมภายใต้โครงสร้างอำนาจโลก. กรุงเทพฯ: มูลนิธิห้ำสืบปี่ชนกาคแห่งประเทศไทย, 2550.
- ขจ้ดกัข 2531 — ขจ้ดกัข บรูขพัฒน. ไทยกัขเพื่อบ้านอินโดจีน. กรุงเทพฯ: สำนักพิมพ์เพร่พิทยา, 2531.
- ชินวัณน์ 2544 — ชินวัณน์ แม้นเดข. ความสัมพันธ์ ลาว-ไทย ศึกษาพัฒนาการนโยบายของลาวจากปี ค.ศ. 1975–2001. วิทยานิพนธ์รัฐศาสตรมหาบัณฉจิต. จุฬาลงกรณ์มหาวิทยาลัย, 2544.
- ไชยธร์คณ์ 2554 — ไชยธร์คณ์ เจริญศิปลั้โอฬาร. วาถกรรมการพัฒนา: อำนาจ ความรู้ ความจริง เอกบัณฉกัขความเป็นอื่น. กรุงเทพฯ: สำนักพิมพ์วิภาษา, 2554.
- ควงไซ 2553 — ควงไซ หลวงพะสี. ความสัมพันธ์ลาว-ไทย: ความขัดแย้งในอดีตและการร่วมมือในปัจจุบัน. บุนสุวัณ รัตนา (แปล.): เชียงราย: มหาวิทยาลัยราชภัฏเชียงราย, 2553.
- พันธุ์สุรย์ 2513 — พันธุ์สุรย์ ลดาวัลย์. ปญัหาลาว. เชียงใหม่: โครงการตำรา มหาวิทยาลัยเชียงใหม่, 2513.
- พลวิเชียร 2546 — พลวิเชียร ภูกองไซ. ผลกระทบจากการชื้อค่านศุลกากรวังค์แต่ต่อความสัมพันธ์ระหว่างไทย-ลาว. วิทยานิพนธ์รัฐศาสตรมหาบัณฉจิต. มหาวิทยาลัยเชียงใหม่, 2546.
- ทรงฤทธิ 2541 — ทรงฤทธิ โพนเงิน. รายงานการวิจัย: ความสัมพันธ์ทางเศรษฐกิจระหว่างไทยกับลาว. สถาบันเอเชียศึกษา จุฬาลงกรณ์มหาวิทยาลัย, 2541.
- สุรชัย 2527 — สุรชัย ศิริไกร. รายงานการวิจัยสาเหตุของการกระทบกระทั่งตามพรมแดนไทย-ลาว: 1981. กรุงเทพฯ: คณะรัฐศาสตร มหาวิทยาลัยธรรมศาสตร์, 2527.
- สุรชัย 2546 — สุรชัย ศิริไกร. นโยบายต่างประเทศของลาว. เอเชียตะวันออกเฉียงใต้: นโยบายต่างประเทศในยุคโลกาภิวัณน์. สีดา สอนศรี (บก.) กรุงเทพฯ: สำนักพิมพ์แห่งจุฬาลงกรณ์มหาวิทยาลัย, 2546.
- สุกางค์ 2551 — สุกางค์ จันทวาณิข. ผู้อพยพชาวมีงจากประเทศลาวในศูนย์อพยพในประเทศไทย: การตั้งถิ่นฐานในประเทศที่สามและการกลับถิ่นฐานโดยสมัครใจ. มีงลาวในประเทศไทย. สุกางค์ จันทวาณิขและอวลเปลี่ยนศรี (บก.) กรุงเทพฯ: กรมกิจการชายแดน กองบัญชาการกองทัพไทย, 2551.
- โสมเพ็ญ 1982 — โสมเพ็ญ ขุดรานนท์. ลาวกับความสัมพันธ์ของประเทศไทย: ศึกษานโยบายของไทยต่อลาวระหว่าง พ.ศ. 2518–2523. วิทยานิพนธ์รัฐศาสตรมหาบัณฉจิต. จุฬาลงกรณ์มหาวิทยาลัย, 1982.

Содержание

От редколлегии.....	3
Editorial note	6
Болонова С. И. <i>Особенности путевых заметок первых русских путешественников в Сиам.....</i>	9
Борисова Д. С. <i>Метафоры, связанные с коронавирусом, в публикациях тайландских СМИ.....</i>	19
Долгова Е. М. <i>Современная социальная реклама в Таиланде</i>	26
Иванова В. А. <i>Специфика литературного канона в средневековой поэзии Сиама (на примере произведений жанра нират)</i>	33
Игнатьев М. А. <i>Эдикты о сангхе короля Сиама Рамы I (годы правления 1782–1809)</i>	38
Кириенкова А. Н. <i>Путешествие К. А. Вяземского по Сиаму (1892 г.).....</i>	45
Критсада Ч. <i>Некоторые особенности субстантивной префиксации и словообразовательных значений префиксальных производных существительных в тайском языке и их соответствия в русском языке</i>	48
Ларцева Д. С. <i>К вопросу о названии современной столицы Королевства Таиланд</i>	56
Мальшев В. Н. <i>Модернизация литературы Таиланда в терминах концепции производства присутствия Х. У. Гумбрехта: эволюция жанра нират</i>	63
Носов В. А. <i>Гражданская война в Лаосе: война, мир и влияние внешних сил</i>	71
Палахан Н. <i>Юмористическая составляющая в рассказах о Советском Союзе тайского переводчика агентства печати «Новости».....</i>	78
Пханаван Л. <i>Тотемные верования как основа таиязычных сказок о Золушке.....</i>	81
Хабибуллина А. И. <i>Идентификация тайских тонов в обычных и десемантизированных слогах</i>	85

Цыремпилова Н. О. <i>Исторический анализ отношений между Сиамом и китайской империей в период 1350–1596 гг.</i>	90
Chatchamni P. <i>The role of the mighty gods in King's Rama I Ramayana</i>	98
Moskalev P. E. <i>Some remarks on the Chinese Overseas in the history of Thailand in the early 20th century</i>	107
Poungchingngam K. <i>Cultural and humanitarian cooperation between Thailand and Russia: as a friendship support factor</i>	111
Wisajorn T. <i>Borderland studies in international relations: space and time in the Thai-Lao relations</i>	118

МАТЕРИАЛЫ ЧТЕНИЙ ПАМЯТИ
Б. Н. МЕЛЬНИЧЕНКО И С. Е. ТРИФОНОВА

Сборник статей

Оригинал-макет *М. А. Гунькин*

Подписано в печать 17.05.2022. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 9. Тираж 300 экз. Заказ № 547

Издательство РХГА
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Тел.: (812) 310-79-29, +7 (981) 699-65-95
E-mail: rhgapublisher@gmail.com
<http://irhga.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Поликона»
190020, Сант-Петербург, наб. Обводного канала, д 13
9450922@gmail.com